

Город. Макс Вебер

§1. Понятие и категории города.

Дефиниции «города» могут быть самыми различными по своему характеру. Общее для них всех только одно: то, что город представляет собой замкнутое (во всяком случае, относительно) поселение, «населенный пункт», а не одно или несколько отдельно расположенных жилищ. В городах (впрочем, не только в городах) дома тесно – а сегодня, как правило, стена к стене – примыкают друг к другу. Обычно под словом «город» имеют в виду помимо названного еще селение. Сам по себе этот признак нельзя считать неточным. С социологической точки зрения этот признак города характеризует его как населенный пункт, следовательно, поселение в тесно соприкасающихся друг с другом домах, которое настолько велико, что в нем отсутствует специфическое для общества соседей личное знакомство друг с другом. При таком определении городами можно было бы считать лишь достаточно большие поселения; а при какой величине поселения этот признак можно считать определяющим, зависело бы от общих культурных условий. В прошлом города, имевшие правовой характер, далеко не всегда обладали этим признаком. Так, в нынешней России есть «деревни» со многими тысячами жителей, которые значительно больше ряда старых «городов» (например, в области поселения поляков на востоке нашей страны), население которых едва составляет несколько сот человек. Величина как таковая не может быть решающей в определении города. С чисто экономической точки зрения город может быть определен как поселение, жители которого занимаются в преобладающей своей части не сельским хозяйством, а ремеслом и торговлей. Но и называть все поселения такого рода «городами» также нецелесообразно, ибо в этом случае под понятие «города» подвели бы поселения, жители которых образуют родовые союзы и занимаются одним, фактически унаследованным промыслом, – «промысловые деревни» Азии и России. Еще одним признаком можно считать известное «многообразие» занятий. Но и оно само по себе не способно служить решающим признаком, ибо может быть, в сущности, основано на двух факторах: либо на наличии господского, прежде всего княжеского двора, в качестве центра, для удовлетворения экономических и политических потребностей которого специализируется производство, производится продукты и ведется торговля. «Городом» не называют и ойкос [1] вотчинника или князя, даже насчитывающий большое число платящих оброк ремесленников и мелких торговцев, хотя исторически очень большая часть важнейших городов возникла из таких поселений и производство продуктов для княжеского двора составляло для многих жителей очень важный, часто преимущественный источник доходов («княжеские города» [2]) Еще одним необходимым признаком «города» следует считать «рынок», наличие не спорадического, а регулярного товарообмена внутри поселения в качестве существенной составной части дохода и удовлетворения потребностей населения. Однако «рынок» не всегда еще превращает место, где он функционирует, в «город» Периодические ярмарки и рынки заморских товаров (периодически действующие рынки), на которые в установленное время съезжаются торговцы, чтобы сбывать оптом или в розницу друг другу или потребителям свои товары, действовали часто в таких местах, которые мы называем «деревнями» О «городе» в экономическом смысле можно говорить лишь там, где местное население удовлетворяет существенную часть своих повседневных потребностей на местном рынке причем в значительной части продуктами, произведенными местным населением и населением ближайшей округи или каким-либо образом приобретенными для сбыта на рынке. Каждый город в указанном здесь смысле есть «рыночное поселение», т. е., имеет в качестве экономического центра поселения местный рынок, на котором вследствие существующей специализации производства продуктов свои потребности в ремесленных изделиях и различных предметах торговли удовлетворяет негородское население и на котором, конечно, горожане совершают обмен произведенными продуктами и удовлетворяют свои хозяйственные потребности. Следует считать обычным, что город, возникнув как отличное от сельского поселения образование, является местопребыванием вотчинника или князя, а также местом, где существует рынок, и располагает экономическими центрами двух типов – ойкосом и рынком, причем наряду с постоянно действующим местным рынком часто служит местом для ярмарок, на которые съезжаются заморские купцы. Итак, город в понимаемом нами смысле есть поселение, в котором действует рынок.

Существование рынка часто основано на привилегиях и защите, предоставляемых вотчинником или князем, которые заинтересованы а постоянном притоке заморских товаров и ремесленных изделий, а также в пошлинах, различных

платежах за предоставляемую защиту, сборах, процессуальных платежах, связанных с рынком, но, кроме того, и в поселении способных платить подати и нести повинности ремесленников и торговцев, а как только рядом с рынком возникнет поселение – также и в росте земельной ренты; все это шансы, имеющие для господина земли тем большее значение, что речь здесь идет о доходах в форме денег, увеличивающих наличие у него благородных металлов. Город может быть и не связан территориально ни с вотчинным, ни с княжеским двором и возникнуть либо как удобный перевалочный пункт благодаря привилегиям, предоставленным не местными вотчинниками и князьями, либо как чисто рыночное поселение или в результате узурпации прав заинтересованными лицами. Случалось также, что привилегия основать рынок и привлечь поселенцев давалась предпринимателю. Наиболее часто это происходило в средние века, особенно в восточных, северных и центральноевропейских областях возникновения городов; не будучи обычным явлением, это постоянно происходило во всем мире на протяжении всей истории. Город мог возникнуть и не примыкая к княжескому двору и без предоставления привилегий как сообщество чуждых данной местности пришельцев, мореплавателей, торговцев-поселенцев и, наконец, местных, заинтересованных в посреднической торговле жителей; именно это случалось довольно часто в древности и раннем средневековье на Средиземноморском побережье. Такой город мог быть чисто рыночным поселением, но чаще имело место сосуществование крупных княжеских или вотчинных патримониальных хозяйств с рынком. Вотчинное или княжеское хозяйство могло в качестве одной из опор города удовлетворять свои потребности либо посредством барщины и натуральных повинностей зависимых от него ремесленников и торговцев, либо в той или иной степени посредством обмена, выступая на городском рынке как обладающий наибольшими возможностями покупатель. Чем большую роль играло последнее обстоятельство, тем в большей степени на первый план выходила рыночная основа города: город переставал быть просто придатком к ойкосу, находящимся близ него рыночным поселением, и становился, несмотря на связь с крупными хозяйствами, рыночным городом. Как правило, рост первоначально княжеских городов и их экономическое значение были прямо связаны с ростом удовлетворения рынком потребностей княжеского двора и примыкающих к нему в качестве дворов его вассалов или должностных лиц крупных городских хозяйств.

К типу княжеского города, т. е. такого, доходы жителей которого прямо или косвенно зависят от покупательной способности княжеских или других крупных хозяйств, относятся те города, где покупательная способность других крупных потребителей, т. е., получателей рент, в решающей степени определяет шансы на прибыль местных ремесленников и купцов. Эти крупные потребители могут быть очень различны по своему типу в зависимости от их происхождения и доходов. Они могут быть: 1. должностными лицами, обладающими законными или незаконными доходами, или 2. вотчинниками и носителями политической власти, расходуящими ренту с внегородских земель, или иные, обусловленные их политическим положением доходы. В обоих случаях такой город очень близок к типу княжеского города; он базируется на патримониальных и политических доходах как основе покупательной способности крупных потребителей (примером чиновничьего города может служить Пекин, вотчинного города – Москва до отмены крепостного права). От городов этого типа следует строго отличать на первый взгляд как будто подобный им тип городов, где городская земельная рента, которая обусловлена монопольным «положением на торговых путях» земельных участков и, следовательно, косвенно имеет своим источником именно городское ремесло и торговлю, переходит к городской аристократии (это происходило во все времена, в том числе и в древности, от ранних времен до Византии, а также в средние века). Такой город экономически не является городом, с которого идет рента, а городом торговым или ремесленным в зависимости от характера ренты, выплачиваемой городскими предпринимателями владельцу хозяйства. Понятийное различие города такого типа от города, где рента складывается не из оброка с городских доходов, а из доходов вне города, не могло препятствовать тому, что реально в прошлом они часто переходили друг в друга. Крупные потребители могут быть также получателями рент, которые проживают в городе доходы со своих деловых предприятий, в наше время прежде всего проценты с ценных бумаг и дивиденды или тантьемы. Тогда покупательная способность обусловлена главным образом денежно-хозяйственными источниками ренты, преимущественно капиталистического характера (пример: Арнгейм), или основана на пенсиях или иных государственных рентах (например, «Пенсионополис» типа Висбадена). Во всех этих и многочисленных подобных случаях город является в большей или меньшей степени городом потребителей, ибо шансы на доходы его предпринимателей и торговцев в решающей степени зависят от наличия среди населения различных по своему экономическому положению крупных

потребителей.

Возможно и прямо противоположное: город является городом производителей, следовательно, рост его населения и увеличение его покупательной способности основаны, как например в Эссене и Бохуме, на том, что в них имеются фабрики, мануфактуры и предприятия домашней промышленности, посылающие свой товар в другие области (современный тип городов), или существуют ремесленные мастерские, товары которых вывозятся за пределы города, – азиатский, античный и средневековый город. Потребители на местном рынке – это отчасти, в качестве крупных потребителей, предприниматели, если они, что не обязательно, местные жители, отчасти же и в первую очередь, в качестве массового потребителя, рабочие и ремесленники, а также косвенно обязательные им своими доходами торговцы и владельцы земельной ренты. Городу потребителей противоположен как промышленный, так и торговый город, т. е. город, покупательная способность крупных потребителей которого основана на том, что они либо выгодно продают в розницу на местном рынке иногородние товары (как торговцы сукном в средние века), либо (как ганзейские купцы) прибыльно сбывают товары местных производителей вне города, либо приобретают иногородние товары и вывозят их, пользуясь иногда складами в данном городе (города посреднической торговли). Или, что очень часто бывает, образуется комбинация всего этого: *commenda* и *societas maris* [3] Средиземноморья большей частью означает, что *tractator* (разъезжающий по разным местам купец) на деньги, полностью или частично предоставленные ему местным капиталистом, закупает производимые в его городе или купленные на городском рынке товары и везет их в Левант (часто финансировалась вся его поездка), там продает и, закупив на вырученные деньги восточные товары, сбывает их на рынке своего города; барыши он делит с владельцем капитала в соответствии с условиями договора. Следовательно, покупательная способность и налогооблагаемость торгового города, как и города производителей, в отличие от города потребителей, основывается на местных промышленных предприятиях. К торговым предприятиям примыкают предприятия по экспедиции, транспорту, а также многочисленные второстепенные крупные и мелкие отрасли дохода. Однако прибыль, конституирующая эти предприятия, может быть получена лишь посредством сбыта на местном рынке; в иногородней же торговле, напротив, в значительной или большей степени вне его. Нечто в принципе сходное представляет собой современный город (Лондон, Париж, Берлин), который является центром национальных или интернациональных кредиторов и крупных банков или (как Дюссельдорф) центром крупных акционерных обществ и картелей. Сегодня преобладающая часть доходов предприятий уходит вообще в другие регионы, за пределы предприятия, которое их производит. С другой стороны, все большая часть этих доходов потребляется их обладателями не в больших городах, где находятся их деловые центры, а вне их, в виллах предместий, еще чаще на курортах, в отелях международного класса и т. д. В связи с этим возникают состоящие только или почти только из деловых фирм «города-сити» или (и большей частью) отдельные регионы города. Наша цель не в том, чтобы останавливаться здесь на дальнейшей специализации и казуистике, как было бы уместно в строгой экономической теории города. Едва ли стоит указывать на то, что в действительности города всегда представляли собой смешанные типы и классифицировать их можно только по их преобладающему экономическому компоненту.

Отношение городов к сельскому хозяйству отнюдь не было однозначным. Существовали и существуют города сельскохозяйственного типа («*Ackerbürgerstädte*»), которые, будучи местонахождением торговли и типичного городского ремесла, очень далеки от деревень, однако широкий слой их жителей удовлетворяет свою потребность в продуктах питания тем, что производит их в собственном хозяйстве, а излишек даже сбывает на рынке. Конечно, обычно жители городов обладают тем меньшим земельным участком, чем больше город, и такой участок не может производить достаточное количество продуктов питания, чтобы удовлетворить их потребности; большей частью они также не располагают, в отличие от деревень, и значительным правом пользования пастбищем и лесом. Так, например, у самого большого средневекового города Германии Кельна почти совсем не было, и, по-видимому, с самого начала, «альменды» [4], которой владела каждая немецкая деревня того времени. Однако ряд средневековых городов Германии и других стран имели достаточную по своей величине альменду и лесные угодья, которыми пользовались их жители. А в прошлом, чем дальше мы продвигаемся к югу и возвращаемся в античность, тем чаще обнаруживаем у городов владение пахотной землей. И если в наше время мы с полным правом считаем «горожанином» того, кто удовлетворяет свою потребность в продуктах питания

не тем, что произведено на его земле, то для подавляющего большинства античных городов (Polis) верно обратное. Мы увидим, что полноправный гражданин античности характеризовался именно тем, что называл своим полный земельный надел (kleros fundus, в Израиле chelek), который его кормил: полноправный гражданин античности был жителем города, обладающим землей (Ackerbürger).

И чаще всего сельскохозяйственные владения принадлежали крупным городским союзам, как в средние века – в большей мере на юге, чем на севере, так и в древности. Чрезвычайно значительная земельная собственность в средневековых или античных городах-государствах находилась в руках политических или землевладельческих властей могущественных городов или отдельных знатных землевладельцев-горожан. Примером могут служить владения Мильтиада[5] в Хер-сонесе или земли знатных фамилий средневековых городов, генуэзских Гримальди[6] в Провансе и за морем. Между тем эти межрегиональные владения и господские права отдельных горожан не были, как правило, предметом хозяйственной политики городов, хотя своеобразное смешение отношений и возникает повсюду, где такое владение, в сущности, гарантируется отдельным лицом города, к знатным родам которого они принадлежат, где это владение приобреталось или утверждалось косвенно с помощью городских властей, где город участвует в экономическом и политическом использовании этого владения – как часто бывало и в прошлом.

Отношение города как средоточия промышленности и торговли к селу как поставщику продуктов питания составляет лишь часть комплекса явлений, который называют «городским хозяйством» и противопоставляют как особую «стадию хозяйства» «собственному» хозяйству, с одной стороны, «народному» – с другой (или множеству такого рода стадий). В этом понятии хозяйственно-политические мероприятия мыслятся в совокупности с чисто хозяйственными категориями. Причина этого состоит в том, что только факт совместного жительства торговцев и ремесленников и регулярного удовлетворения повседневных потребностей на рынке сам по себе еще не исчерпывает понятия «город». Там, где существует только такой признак, где, следовательно, внутри замкнутых поселений различие конституируется лишь степенью удовлетворения собственных потребностей в сельскохозяйственной продукции, или – что не тоже самое – соотношением сельскохозяйственной продукции и несельскохозяйственного производства товаров, или наличием и отсутствием рынка, мы будем говорить о поселениях ремесленников и торговцев или «рыночном местечке», но не о «городе». То, что город является не только скоплением жилищ, но и хозяйственной корпорацией с собственным земельным владением, с приходо-расходными операциями, также еще не составляет его отличие от деревни, которой при всем качественном различии присущи те же свойства. И наконец, решающим признаком города не может считаться и то, что он, по крайней мере, в прошлом, был не только хозяйственной корпорацией, но и корпорацией, регулирующей хозяйственные операции. Ведь и в деревне существует принудительный севооборот, регулируемое пользование пастбищами, запрет вывоза леса и соломы, а также ряд других хозяйственных установлений: следовательно, существует хозяйственная политика деревенского союза как таковая. Своеобразие городов прошлого заключалось только в способе и прежде всего в предмете этого хозяйственного регулирования городским союзом, а также в объеме характерных мероприятий. Эта «хозяйственная политика города» в значительной части своих мероприятий принимала во внимание тот факт, что в существовавших условиях передвижения снабжение продуктами большинства внутренних городов – к приморским городам это не относится, о чем свидетельствует зерновая политика в Афинах и Риме, – зависит от сельского хозяйства округа, что именно она является естественным местом сбыта для большинства, хотя и не для всех, товаров городских ремесел и что местом для происходящего таким образом процесса обмена является – не исключительно, но вполне естественно – городской рынок, в первую очередь поскольку речь идет о продуктах питания. Хозяйственная политика городов исходила также из того, что преобладающая часть промышленной продукции была технически ремесленным производством, организационно – специализированным мелким предпринимательством с небольшим капиталом или вообще без него, при ограниченном числе проходящих долгое обучение подмастерьев, наконец, экономически – работой на заказчика или производством на потребителя и что сбыт товаров местными торговцами был в значительной степени сбытом потребителю. Так называемая специфическая «городская хозяйственная политика» заключалась, в сущности, в том, что для гарантирования постоянства и дешевизны продуктов питания для массы населения и стабильности доходов ремесленников и торговцев она стремилась фиксировать в значительной степени существующие тогда условия городского

хозяйства посредством их регулирования. Однако, как мы вскоре увидим, это регулирование хозяйства не составляло единственный предмет и смысл хозяйственной политики города, а там, где мы его обнаруживаем в истории, оно может рассматриваться не как существовавшее во все времена – во всяком, случае в своем полном выражении, а только в определенные эпохи, при политическом господстве цехов; и наконец, его нельзя считать общей стадией в истории всех городов. Эта хозяйственная политика не представляет собой универсальную стадию в развитии хозяйства. Можно сказать только одно: городской рынок с происходящим на нем обменом между сельскохозяйственными и несельскохозяйственными производителями и местными торговцами, основанный на привлечении покупателя и на лишенном капитала специализированном мелком производстве, представляет собой своего рода противоположность специализированному зависимым хозяйствам с планомерно установленными повинностями и отсутствием внутреннего обмена в соединении с основанным на кумуляции и кооперации труда барским двором, ойкосом, и что регулирование отношений в области обмена производства в городе противостоит организации объединенных в ойкосе хозяйств.

Из того, что мы в нашем исследовании данного вопроса должны были говорить о «хозяйственной политике города», о «городской округе», «городских властях», следует, что понятие «город» может и должно быть введено не только в ряд рассмотренных до сих пор экономических, но и политических категорий. Выразителем хозяйственной политики города может быть и князь, к сфере политического господства которого относится в качестве объекта город с его жителями. Тогда хозяйственная политика города, если она вообще имеет место, ведется для города и его жителей, но не самим городом. Так бывает не всегда. Но даже в такой ситуации город остается в той или иной степени автономным союзом, «общиной» с особыми политическими и административными институтами.

Во всяком случае надо помнить, что необходимо строго отличать исследованное выше экономическое понятие города от его политико-административного понятия. Только в последнем смысле городу принадлежит особая территория. В политико-административном смысле городом может считаться местность, которая по своему экономическому значению не могла бы претендовать на такое наименование. В средние века существовали «города» в правовом смысле, девять десятых или более жителей которых, во всяком случае значительно больше, чем жители многих местностей, бывших в правовом смысле «деревнями», обеспечивали себе пропитание продуктами своего хозяйства. Переход от такого «города сельскохозяйственного типа» к городу потребителей, городу производителей или торговому городу был, конечно, текучим. Однако каждая отличающаяся в административном отношении от деревни и рассматриваемая как «город» местность характеризуется особым способом регулирования отношений владения землей, непохожим на поземельные отношения в деревне. В городах в экономическом смысле слова это обусловлено своеобразной основой рентабельности владения городской землей, это – владение домом, к которому лишь добавляется остальная земля. В административном же отношении особое значение городского землевладения связано прежде всего с изменением принципа налогообложения и одновременно в большинстве случаев с решающим для политико-административного понятия города признаком, выходящим за рамки чисто экономического анализа: с тем, что в прошлом, в древности и в средние века, в Европе и за ее пределами город был своего рода крепостью и местом пребывания гарнизона. В настоящее время этот признак города полностью утратил свое значение. Впрочем, и прошлым он существовал не повсюду. Так, он обычно отсутствовал в Японии. Поэтому можно вслед за Ратгеном сомневаться в том, существовали ли там вообще «города» в административном понимании. В Китае, напротив, каждый город был окружен огромными кольцами стен. Впрочем, там, по-видимому, и очень многие, в экономическом отношении чисто сельские местности, которые в административном смысле не были городами, т. е. (как будет показано ниже) не служили местопребыванием государственных учреждений, издавна были окружены стенами. В ряде областей Средиземноморья, пример в Сицилии, человек, живущий вне городских стен, следовательно, и житель деревни, земледelec, был почти неизвестен – следствие многовекового отсутствия безопасности. В Древней Греции, напротив, полис Спарта гордился отсутствием стен; однако другой признак города, «местопребывание гарнизона», был для Спарты особенно характерен: именно потому, что она была постоянным открытым лагерем спартиатов, она пренебрегала стенами. Все еще продолжают споры о том, сколько времени в Афинах не было стен, так как во всех эллинских городах, кроме Спарты, существовала укрепленная крепость, акрополь; Экбатана и Персеполис также были царскими крепостями, к которым примыкали поселения. Как правило, с

восточными и античными, а также со средневековыми городами связано представление о крепости или стене. Город был не единственной и не древнейшей крепостью. В пограничных местах, обладание которыми оспаривалось, или при постоянных военных столкновениях укреплялась каждая деревня. Так, славянские поселения, национальной формой которых издавна была, по-видимому, уличная деревня, под угрозой постоянной военной опасности в области Эльбы и Одера приняли форму огороженного частоголом группового расположения дворов с единственным запирающимся входом, через который на ночь сгонялся в середину деревни скот. Распространены были также, как например, в израильских поселениях Восточной Иордании, в Германии, да и вообще во всем мире, высокие валы, за которыми скрывались безоружные жители и скот. Так называемые «города» Генриха I на германском востоке были просто систематически возводимыми укреплениями такого рода. В Англии в англосаксонский период в каждом графстве был «бург» (borough), по которому оно получало свое наименование, и владельцы определенных земельных наделов этого бурга несли в качестве важнейшей, специфически «городской» повинности сторожевую и гарнизонную службу. В том случае, если эти бурги не были в мирное время совершенно пусты, и в них пребывали в качестве постоянного гарнизона за плату или за земельные участки стража или жители, скользящие переходы вели от этого состояния к англосаксонскому бургу, к «гарнизонному городу» в духе теории Мейтленда [7] с burgenses в качестве жителей, наименование которых происходит от того, что их политическое правовое положение, так же как и связанная с этим правовая природа их специфически гражданского по своему характеру владения землей и домом, было детерминировано обязательством сохранять и сторожить крепость. Однако исторически важнейшими предшественниками городского укрепления являются не огороженные деревни или вызванные необходимостью укрепления, а нечто другое, а именно бург, крепость, где жил сеньор с подчиненными ему как должностному лицу или лично в качестве его дружины воинами вместе с его и их семьями и челядью.

Военное строительство бургов возникло несомненно раньше, чем применение на войне колесниц и лошадей. Так же, как повсюду – в Древнем Китае времени классических песен, в Египте и Месопотамии, в Ханаане, в Израиле времени песни Деборы, в Греции периода эпоса Гомера, у этрусков, кельтов и ирландцев, – было известно применение на войне колесниц, способствовавшее развитию военного искусства рыцарских и царских войск, повсюду было распространено строительство бургов и наличие при них владений знатных лиц. В древнеегипетских источниках говорится о крепостях и управляющих ими, и можно с уверенностью утверждать, что числу крепостей соответствовало число мелких властителей. В Месопотамии, судя по древнейшим источникам, образованию территориальных царств предшествовала власть сидящих в крепостях князей, так же как в Западной Индии в период Вед, вероятно, в Иране времен древнейших Гат, в Северной Индии на Ганге во времена политического распада; так, очевидно, обстояло дело повсюду: старый кшатрий, который выступает в источниках как своеобразная промежуточная фигура между царем и знатью, – несомненно, владелец такой крепости. Такие князья существовали в России в эпоху принятия христианства, в Сирии при династии Тутмоса, в Израиле в период союза (Авимелех); данные древнекитайской литературы также позволяют с достаточной степенью достоверности предполагать это. В Греции и Малой Азии крепости, несомненно, существовали повсюду, где возникала опасность пиратских нападений. Возникновение на Крите на месте прежних крепостей неукрепленных дворов свидетельствует о промежуточном периоде глубокого спокойствия. Такие крепости, как, например, сыгравшая важную роль в Пелопоннесской войне Декелея, были некогда крепостями знатных родов. Возникновение политически независимого слоя знати начинается с итальянских castelli (замков), самостоятельность вассалов в Северной Европе – с массового строительства бургов, громадное значение которых подтверждается указанием Г. фон Белова [8] на то, что еще в Новое время индивидуальное право на присутствие в представительных органах Германии зависело от того, обладал ли род бургом, будь он даже в жалких развалинах. Обладание бургом означало военное господство над округом, и вопрос сводился лишь к тому, владел ли им единолично господин бурга, конфедерация рыцарей или властитель, который мог доверять сидящему в бурге вассалу, министериалу или военачальнику.

На ранней стадии своего развития как особое политическое образование город-крепость был либо бургом, либо заключал в себе бург, либо примыкал к бургу, к крепости короля, знатного господина или союза господ, которые там жили или держали гарнизон наемников, вассалов или должностных лиц. В Англии англосаксонского периода право иметь в «бурге» «haw», укрепленный дом,

предоставлялось в виде привилегии определенным землевладельцам округа; в античности и средневековой Италии городской дом знатного человека находился рядом с его сельским бургом. Обитатели бурга или жители округа, все или определенные их слои, были обязаны в качестве *burgenses* выполнять по требованию господина военного укрепления определенные службы, в первую очередь участвовать в постройке и починке стен, в сторожевой службе, в защите, а также выполнять иногда другие важные в военном отношении обязанности (например, служить гонцами) и нести определенные повинности. Поскольку горожанин входит в оборонительный союз города в той мере, в какой он в нем участвует, он является членом своего сословия. Особенно отчетливо это разработал Мейтленд для Англии: домами в «бурге» – и этим бург отличается от деревни – владеют люди, главная обязанность которых состоит в сохранении укрепления. Наряду с гарантированным королем или господином рыночным миром в городе существовал военный мир бурга. Бург, в котором действовал мир и военно-политический рынок как место военного обучения и собрания войска, а поэтому и собрания горожан, с одной стороны, и обладающий миром экономический рынок города – с другой, часто сосуществуют в пластическом дуализме. И не везде они разграничены территориально. Так, аттический Рнх возник значительно позже «агоры», которая первоначально служила как экономическим сношениям, так и совершению политических и религиозных актов. Но в Риме *comitium* и *campus Martium* [9] издавна находились рядом с экономическим по своему характеру *fora*[10], в средние века в Сиене *Piazza del Campo* – площадь, где проводились турниры, а еще в наше время место скачек в городском квартале – расположена перед муниципальным дворцом рядом с *mercato* [11], находящимся за ним. Подобно этому в исламских городах *kasbeh*, территориально обособленный укрепленный лагерь воинства, расположен рядом с базаром, а в Южной Индии (политический) город знати – рядом с экономическим городом. Вопрос о взаимоотношениях между гарнизоном, жителями укрепленного бурга, выполнявшими политические функции, с одной стороны, и занимающимся экономической деятельностью населением – с другой, является часто очень сложным, но всегда решающим основным вопросом истории городского строя. Совершенно ясно, что в местности, где есть бург, поселяются или привлекаются ремесленники для удовлетворения потребностей господского хозяйства и воинства, что необходимость в продуктах для военизированного хозяйства, а также предоставляемая бургом защита привлекают купцов, что, с другой стороны, властитель бурга заинтересован в этих классах общества, ибо они позволяют ему увеличить его денежные доходы посредством обложения налогами торговли и ремесла: либо он участвует в операциях посредством предоставления кредита, либо самостоятельно ведет торговлю или даже монополизировать ее, либо извлекает свою долю дохода, полученного мирными или насильственными действиями, благодаря владению береговыми бургами в качестве судовладельца или хозяина гавани. Такими же преимуществами могли пользоваться его живущие в данной местности вассалы или дружинники, если сеньор предоставляет им эти права добровольно или, поскольку он зависит от их расположения, вынужденно. В древнегреческих городах, например в Кирене, мы обнаруживаем на вазах изображения царя, присутствующего при взвешивании товаров (*silphion*), в Египте в ранних исторических источниках говорится о торговом флоте фараона Нижнего Египта. Широко распространен, преимущественно в прибрежных поселениях, хотя и не исключительно там (и не только в «городах»), где легко можно было установить контроль над посреднической торговлей, был следующий процесс: наряду с монополией военачальника или владельца бурга рос интерес к торговым доходам живущих в данной местности военных поселенцев и увеличивалась их способность обеспечить свою долю прибыли, которая лишала правителя его монополии (если он вообще ею обладал). При таком развитии событий правитель быстро становился лишь *primus inter pares*[12], полностью входил в качестве равноправного члена в круг местных землевладельческих городских родов, либо вкладывая капитал – в средние века обычно в виде комманды – в мировую торговлю, либо лично участвуя в морском разбое и войне: часто он избирался лишь на короткое время и власть его всегда ограничивалась. Этот процесс происходил и в прибрежных городах античности со времен Гомера и находил свое выражение в постепенном переходе к ежегодно избираемой городской магистратуре; он происходил и в средние века, в частности в Венеции, о чем свидетельствует положение дожа, а также в ряде других типичных торговых городов; разница была лишь в том, против кого эта борьба была направлена – в зависимости от того, кто был господином города – против графа, вице-графа или епископа. При этом необходимо отличать заинтересованных в капиталистической торговле горожан, тех, кто кредитовал торговлю, типичных представителей знатных родов города в ранней античности и средневековье от местных или переселившихся в данную местность представителей торговых «предприятий», подлинных торговцев, хотя все эти

слои, конечно, часто переходили друг в друга. Однако этим мы уже предвосхищаем дальнейшее изложение.

Внутри страны подобный ход развития мог происходить в начале, в конце или в месте пересечения речных или караванных путей (как, например, в Вавилоне). При этом конкурентом светского господина бурга или города иногда становился священнослужитель храма и духовный глава города, ибо храмы богов, пользовавшиеся известностью, предоставляли межэтнической, следовательно, политически незащищенной торговле сакральную защиту и на нее могло опираться поселение городского типа, которое экономически поддерживалось храмовыми доходами, так же как княжеские города – данью, уплачиваемой князю.

В каждом отдельном случае различие заключалось в том, был ли князь заинтересован в получении доходов, предоставляя привилегии ремесленникам и торговцам, занимавшимся независимым от господского двора делом и выплачивавшим господину налоги, или, наоборот, его интерес состоял в удовлетворении своих потребностей посредством использования собственной рабочей силы и монополизации торговли: привлекая посредством привилегий чужих предпринимателей, господин вынужден был в очень различной степени считаться с интересами политически и экономически зависимого от него местного населения в их важной для него способности нести повинности. Ко всем этим типам возможного развития добавляется еще очень различная военно-политическая структура господского владения, внутри которого происходило основание или развитие города. На проистекающих из этого главных противоположностях следует остановиться.

Не каждый «город» в экономическом смысле и не каждая крепость, где действовало особое в политико-административном смысле право жителей, были «общиной». Как массовое явление, городская община в полном смысле этого слова известна только Западу и лишь отчасти странам Передней Азии (Сирии, Финикии, быть может, Месопотамии), причем там лишь время от времени наблюдались начатки такого развития. Ибо для этого необходимы были поселения достаточно развитые в торгово-промышленном отношении, обладающие следующими признаками: наличием 1) укрепления, 2) рынка, 3) своего суда и хотя бы какого-то собственного права, 4) корпоративности и связанной с ней 5) хотя бы некоторой автономией и автокефалией, следовательно, и управления посредством учреждений, в создании которых так или иначе участвовали горожане. В прошлом такие права, как правило, принимали форму сословных привилегий. Поэтому для города в политическом смысле характерно наличие обособленного сословия горожан в качестве обладателей этих привилегий. Полностью «городскими общинами», если исходить из этого критерия, были лишь некоторые города средневекового Запада, в XVIII в. лишь очень незначительная их часть. А города Азии, насколько это в настоящее время известно, если оставить в стороне отдельные возможные исключения, вообще не были таковыми или обладали лишь ростками такого развития. Правда, рынки там повсюду были, и крепостями они также являлись. Крупные промышленные и торговые центры в Китае, в отличие от японских, всегда имели укрепления, мелкие центры – большей частью. Так же египетские, переднеазиатские, индийские центры промышленности и торговли. Нередко крупные округа торговли и промышленности были в этих странах и отдельными судебными округами. В Китае, Египте, Передней Азии, Индии (всегда) в них находились и учреждения крупных политических объединений, тогда как именно это не было характерно для раннесредневековых городов Запада. В азиатских городах не существовало особого имущественного или процессуального права, которым располагали горожане как таковые, равно как и автономно установленных ими судов. Там подобное право было известно лишь постольку, поскольку гильдии и (в Индии) касты, которые существовали преимущественно или только в городах, обладали особыми правами и судами. Но в правовом смысле пребывание этих объединений в городах было случайным. Было неизвестно или лишь намечалось автономное управление, прежде всего – и это наиболее важно – корпоративный характер города, а также понятие горожанина в отличие от жителя села. И здесь лишь намечалось дальнейшее развитие. В Китае житель города был в правовом отношении связан со своим родом, а через него со своей родной деревней; в ней находился храм, связь с которым он тщательно поддерживал; также и русский житель деревни, занимавшийся отхожими промыслами в городе, оставался в правовом отношении «крестьянином», а житель индийского города относился, кроме того, к определенной касте.

Городские жители были эвентуально, как правило, и членами местных профессиональных союзов, гильдий и цехов, специфически городских по своей

природе. Наконец, они входили в качестве членов в округа управления: в кварталы города, в округа определенных улиц, на которые полиция делила город, и выполняли в этих пределах определенные обязанности, а иногда имели и привилегии. Часть города или улицы могла нести коллективную ответственность за гарантированную безопасность жителей или за выполнение других полицейских мер. На этом основании они могли объединяться в общины с выборными должностными лицами или наследственными старейшинами, как, например, в Японии, где над общинами улиц с их самоуправлением в качестве высшей инстанции стояли один или несколько органов гражданского управления (Mashi-bugyo).

Городского права в античном или средневековом смысле здесь не было, и корпоративный характер города как такового был неизвестен. Город был, правда, как целое обособленным округом управления, так же как в Меровингском и Каролингском королевствах. Однако, в отличие от античности и средневековья, автономия и участие жителей в делах местного управления города, следовательно, сравнительно большой территории торгово-промышленного характера отнюдь не были развиты в городах больше, чем в сельских местностях, скорее в большинстве случаев наоборот. В китайской деревне, например, союз старейшин был во многих вопросах едва ли не всемогущ и даою приходилось фактически сотрудничать с ними, хотя в праве это отражено не было. Сельская община Индии и русский мир имели очень серьезные полномочия, которые они фактически автономно и осуществляли вплоть до последнего времени, в России – до бюрократизации при Александре III. Во всем переднеазиатском мире «старейшины» (в Израиле *sekenim*), вначале старейшины рода, позже – главы аристократических родов, были представителями и администраторами местностей и местного суда. В азиатском городе, служившем обычно резиденцией высших должностных лиц или правителя страны, об этом не могло быть и речи: город находился под непосредственным наблюдением его личной охраны. Но город был крепостью правителя и управлялся поэтому его должностными лицами (в Израиле: *sarim*) и офицерами, обладавшими также судебной властью. В Израиле в царский период можно отчетливо проследить дуализм должностных лиц и старейшин. В бюрократическом королевстве победу всегда одерживал королевский чиновник. Конечно, он не был всемогущ. Ему приходилось, часто в удивительной степени, считаться с настроением населения. Китайский чиновник оказывался совершенно бессильным, если местные роды и профессиональные союзы объединялись, и при серьезном общем противостоянии он терял свою должность. Обструкции, бойкот, закрытие лавок и прекращение ремесленной и торговой деятельности в случае какого-либо конкретного притеснения были повседневным явлением, ограничивавшим власть чиновников. Однако эти границы носили совершенно неопределенный характер. Вместе с тем в Китае и Индии обнаруживаются компетенции гильдий или других профессиональных союзов или, во всяком случае, фактическая необходимость для чиновников заключать с ними соглашения. Случалось, что главы этих союзов принудительно подчиняли своей власти и третьих лиц. Однако во всех этих случаях речь шла, как правило, только о привилегиях или фактической власти определенных союзов решать определенные вопросы, затрагивавшие конкретные интересы данной группы. Общих объединений, представительства горожан как таковых там не существовало; такого понятия вообще не было. Прежде всего отсутствуют специфические свойства горожан как сословия. В Китае, Японии, Индии нет никаких следов этого, и только в Передней Азии обнаруживаются некоторые начатки.

В Японии сословное деление было чисто феодальным. Самураи (конные) и кази (пешие) министерялы противостояли крестьянам (но) и частично объединенным в профессиональные союзы купцам и ремесленникам. Но понятия «совокупность горожан» не было, так же, как понятия «городская община». В Китае в период феодализма положение было аналогичным, но со времен установления господства бюрократии сдавшие экзамен образованные различных степеней противостояли необразованным; наряду с этим появляются также обладающие экономическими привилегиями гильдии купцов и профессиональные союзы ремесленников. Но понятие городской общины и горожан как целого отсутствует и там. «Самоуправлением» в Китае и в Японии обладали профессиональные союзы, но не города в противоположность деревням. В Китае город был крепостью и резиденцией центральных учреждений, в Японии городов в таком смысле вообще не было. В Индии город был резиденцией царя и правительственных учреждений, крепостью и рынком. Обнаруживаются и гильдии купцов, а кроме того, в значительной степени совпадающие с профессиональными союзами касты; те и другие обладали весьма значительной автономией, и прежде всего собственным правом и юстицией. Но расчленение индийского общества на наследственные

касты и ритуальное обособление профессий исключают возможность возникновения «горожан как некоего целого» и возникновение «городской общины». Там существовало и существует несколько каст купцов и очень много каст ремесленников с множеством подкаст. Но совокупность их не может быть отождествлена с сословием горожан Запада, и они не могли объединиться, создав нечто подобное средневековому цеховому городу, поскольку взаимная отчужденность каст препятствовала любому сближению. Правда, в период великих религий спасения во многих городах гильдии во главе с их наследственными старейшинами (*schreschths*) объединялись в союзы, и еще теперь в некоторых городах (например, в Аллахабаде) в качестве пережитка прошлого сохраняется должность общего городского шрешта, соответствующая бургомистру западных городов. В период, предшествующий великим бюрократическим царствам, существовало несколько городов, обладавших политической автономией и управляемых патрициатом, который рекрутировался из родов, поставлявших слонов войску. Но впоследствии это совершенно исчезло. Победа ритуального отчуждения каст разорвала гильдейский союз, а королевская бюрократия в союзе с брахманами полностью уничтожила его ростки, за исключением некоторых остатков в Северо-западной Индии.

В переднеазиатско-египетской древности города были крепостями и резиденциями царей и чиновников с рыночными привилегиями царей. Однако во время господства великих царств города не имели ни автономий, ни общинного строя, ни привилегированного сословия горожан. В Египте в Среднем царстве сложился должностной феодализм, в Новом царстве было бюрократическое управление писцов. «Городские привилегии» представляли собой пожалования феодальным или приходским носителям должностной власти в определенных местностях, напоминавшие старые привилегии епископам в Германии, а не привилегии автономному сословию горожан. До сих пор во всяком случае там не обнаружены даже следы «городского патрициата». Напротив, в Месопотамии и Сирии, особенно же в Финикии в раннюю эпоху в торговых центрах на морских и караванных путях обнаруживается типичный «город-государство» то духовного, то (большей частью) светского характера, а также столь же типичная растущая власть патрицианских родов в «городском доме» (*bitu* в табличках Тель эль Амарны) в период боев на колесницах. Союз ханаанских городов был объединением сражавшихся на колесницах городских рыцарей, клиента которых состояла, как это было в ранний период греческого полиса, из обращенных в рабство крестьян-должников. Аналогичным было, по-видимому, положение и в Месопотамии, где «патриций», т. е. полноправный житель города, имевший земельные владения и экономически способный нести военную службу, отличался от крестьянина; главные города получали от царя иммунитетные грамоты и свободы. Но с ростом власти военного царства все это исчезло и здесь. Позже в Месопотамии уже нет ни политически автономных городов, ни сословия горожан, подобного западному, ни особого городского права наряду с законами царя. Лишь в Финикии сохранились город-государство и господство городского патрициата, представители которого обладали земельными владениями и вкладывали свой капитал в торговые операции. Монеты эпохи *сам Zor*, *сам karthechdeschoth* в Тире и Карфагене [13] вряд ли свидетельствуют о господстве «демоса», или относятся к более позднему времени. В Израиле Иудея стала городом-государством [14], однако старейшины (*sekenim*), которые в ранний период управляли городами в качестве глав патрицианских родов, в период царей утратили свое значение; стали царскими приближенными и солдатами конники (*gibborim*), и именно в больших городах управление находилось, в отличие от сельских местностей, в руках должностных лиц царя (*sarim*). Только после пленения возникает на конфессиональной почве «община» (*kanal*) или сообщество (*sheber*) как институт, но под господством родов священников.

Тем не менее здесь, на побережье Средиземного моря и на берегах Евфрата, впервые обнаруживаются действительные аналогии античному полису, предположительно на той его стадии, на которой Рим находился в период рецепции *gens Claudia* [15]. В городах господствует местный патрициат, власть которого основана в первую очередь на денежном имуществе, приобретенном в торговле, вложенном затем в земельную собственность и в ссуды лично-зависимым людям, а также в рабов; в военном отношении их власть держалась на воинских упражнениях и борьбе; часто враждующим друг с другом, они сохраняли межрегиональные связи и союзы во главе с царем как *primus inter pares* или с *schofeten* либо *sekenim*, подобно римской знати во главе с консулами, при постоянной угрозе тирании со стороны харизматических военных героев, опиравшихся на наемную охрану (Авимелех, Иеффаи, Давид) [16]. До эпохи эллинизма эта стадия нигде не была пройдена, по крайней мере нигде не существовала длительное время.

На этой стадии находились, очевидно, и города арабского побережья во время Мухаммеда и продолжали оставаться исламские города там, где не были совершенно уничтожены автономия городов и их патрициат, как это произошло в подлинно крупных государствах. Однако часто антично-восточная стадия сохраняется и под властью ислама. Тогда устанавливаются отношения лабильной автономии городских родов по отношению к правительственным чиновникам. При этом основой могущественного положения знатных родов было богатство, выросшее из предоставляемых городом доходов, помещенное главным образом в земельные владения и рабов; правители и их должностные лица вынуждены были считаться с ними при проведении своих постановлений даже при отсутствии формальных правовых указаний, так же как китайскому даодаю приходилось считаться с возможной обструкцией старейших крестьянских родов, корпораций купцов и других профессиональных союзов городов, однако при этом «город» совсем не обязательно представлял собой самостоятельное объединение в каком-нибудь смысле. Арабские города, например Мекка, остаются в средние века и вплоть до начала нашего времени типичными родовыми поселениями. Город Мекка был, как это наглядно изобразил Снук Хюргроньес, окружен «bilad'ами», господскими землями, занятыми крестьянами, клиентами и находящимися под патронатом бедуинами отдельных «dewis», ведущих свое происхождение от Али [17], хасанидских и других знатных родов. Bilad лежали чересполосно. «Dewi» был каждый род, предок которого когда-либо занимал должность «шерифа» [18]. Должность шерифа с 1200 года принадлежала идущему от Али роду Катадаха; по официальному праву он должен был назначаться наместником халифа (который часто был невольным, при Гарун-ар-Рашиде берберским рабом), в действительности же избирался из местных знатных фамилий живущими в Мекке главами dewi. По этой причине, а также потому, что жительство в Мекке позволяло участвовать в эксплуатации паломников, главы родов (эмиры) жили в городе. Между ними существовали «связи», т. е. соглашения о сохранении мира и о порядке дележа доходов. Однако эти связи могли быть в любой момент расторгнуты, что вело к междоусобице как вне города, так и внутри него, в которой участвовали отряды рабов. Победенным приходилось уходить из города; однако ввиду общих интересов враждующих родов, противостоящих тем, кто находился вне города, под угрозой общего возмущения даже своих сторонников устанавливалось требование – щадить имущество, членов семей и клиентов изгнанников. В городе Мекка в новое время в качестве официальной власти действовали: 1) введенный турками, но существующий только на бумаге орган коллегиального управления (меджлис), 2) в качестве эффективной власти – турецкий губернатор, который теперь занял место «патрона» (раньше им был большей частью властелин Египта); 3) четыре кади, блющих ортодоксальные обряды; ими всегда были знатные жители Мекки, самого знатного из которых (шафийского) [19] в течение столетий назначал шерифом или предлагал патрон; 4) шериф, являющийся одновременно главой корпорации городской знати; 5) цехи, прежде всего проводников, но также мясников, продавцов зерна и другие, 6) городские кварталы с их старейшинами. Эти органы власти соперничали друг с другом, не обладая твердой компетенцией. Партия истца, выступающая в судебном процессе, выбирала тот орган власти, который казался ей наиболее благоприятным для нее и самым действенным в обвинении ответчика. Наместник не мог препятствовать тому, чтобы в делах, связанных с вопросами религиозного права, обращались к конкурирующему с ним кади. Шериф представлялся местным жителям подлинным авторитетом; от него зависело решение губернатора по всем вопросам, касавшимся бедуинов и караванов паломников; корпорация знати оказывала определяющее влияние на решение этих вопросов во всех арабских областях, особенно в городах. Развитие, напоминающее отношения на Западе, проявилось в том, что в IX в., во время борьбы Тулунидов и Саффаридов [20] в Мекке, решающей оказалась позиция наиболее богатых цехов – мясников и продавцов зерна, тогда как во время Мухаммеда в военном и политическом отношении была бы принята во внимание только позиция знатных корейшитских родов. Но управление цехов никогда не возникало; влияние городских знатных родов гарантировалось отрядами рабов, которым передавалась часть доходов, подобно тому как в средние века фактическая власть постоянно переходила к знатным родам, носителям военной власти. В Мекке отсутствовала какая-либо общность, способная превратить ее в единую корпорацию, – именно в этом и состоит ее характерное отличие как от сирийского полиса античности, так и от итальянской «коммуны» даже в раннее средневековье. Однако в остальном у нас есть все основания рассматривать эти условия в арабских городах – если отвлечься от специфических, упомянутых выше исламских черт или транспонировать их в христианские – как типичные для других городов, особенно для западных приморских торговых городов до возникновения городских общин.

Насколько позволяет нам судить достоверное знание истории азиатских и восточных поселений, имевших по своему экономическому типу характер города, обычно присущие им свойства заключались в следующем: субъектами корпоративной деятельности были не городские поселения как таковые, а только знатные роды и иногда также профессиональные союзы. Конечно, переходы и здесь текучи. Это наблюдается именно в самых больших центрах со стотысячным, а иногда даже миллионным населением. В византийском Константинополе в средние века во главе партий стояли представители городских кварталов, которые одновременно финансировали цирковые представления (как в Сиене – скачки): восстание Ника при Юстиниане [21] возникло как следствие локального разделения в городе. В средневековом Константинополе времени исламского господства, следовательно, вплоть до XIX в., наряду с чисто военными объединениями янычар и сипотов, и религиозных организаций улемов и дервишей в качестве представителей интересов горожан выступали только гильдии купцов и цехов, но не представители города как такового.

Нечто подобное было уже в поздневизантийской Александрии, где наряду с конкурировавшими властями – властью патриарха, опирающегося на очень влиятельных монахов, и властью поддерживаемого маленьким гарнизоном наместника – существовали, по-видимому, только милиции отдельных городских кварталов, внутри которых действовали в качестве ведущих организаций соперничавшие друг с другом цирковые партии «зеленых» и «голубых».

§2. Западный город

Полную противоположность азиатскому городу являет собой средневековый город Запада, и прежде всего город области к северу от Альп, где развитие носит идеально-типический характер во всей его чистоте. Западный город был, подобно азиатскому и восточному городу, местонахождением рынка, торговым и ремесленным центром, а также крепостью. Купеческие гильдии и цехи ремесленников обнаруживаются как здесь, так и там, и автономия, предоставляемая их членам, была в той или иной степени известна во всем мире. Античный город, как и средневековый город Запада, – применительно к последнему в дальнейшем сделаны некоторые оговорки – включал в себя барские дворы и места пребывания знатных родов, обладавших как землей вне города, так часто и значительными земельными владениями в городе, которые увеличивались благодаря доходам от участия знатных родов в деловых операциях. В средневековом городе Запада также было множество патронов и должностных лиц политических властителей, обладавших в его стенах различными по своему объему привилегиями. Здесь, так же как почти во всем мире, право, действовавшее на домашних земельных участках, так или иначе отличалось от права, господствовавшего в сельском хозяйстве. Но существенным, если отвлечься от переходных стадий, было для западного средневекового города различие, установленное земельным правом между свободно отчуждаемой, совершенно свободной от повинностей или обложенной твердо установленными повинностями, передаваемой по наследству земельной собственностью города и крестьянской землей, переданной в пользование на разнообразных условиях владельцем земли, общиной деревни или рынка или связанной повинностями по отношению к ним. В Азии и в античности эти условия не были в одинаковой степени таковыми. Этой, все-таки только относительной, противоположности земельного права соответствовала абсолютная противоположность в личном правовом статусе горожан и крестьян.

В раннее средневековье и в античности в Передней Азии и на Дальнем Востоке город был всегда совместным поселением, которое возникло благодаря притоку извне и при санитарных условиях жизни низших слоев сохранилось только благодаря постоянно продолжающемуся притоку жителей. Поэтому в нем обнаруживается деление на самые различные по своему положению слои: дипломированные должностные лица и мандарины наряду с презираемым безграмотным простонародьем и (немногочисленными) людьми нечистых профессий в Восточной Азии; разного рода касты в Индии; члены различных родовых организаций наряду с безземельными ремесленниками в Передней Азии и в античности; вольноотпущенники, зависимые люди и рабы наряду со знатными землевладельцами, их должностными лицами и служилыми людьми, министерялы, наемники, священники и монахи в городе раннего средневековья. Господские дворы разного рода могли находиться в городе, но иногда и вся область города как некое целое могла составлять владение вотчинника; починка и охрана городских стен поручалась бургманнам или другим, обладавшим привилегиями, связанными с бурговыми ленами, или иными правами людям.

Наиболее острые сословные различия существовали внутри городской массы континентальных городов античности. В меньшей мере, но также – среди населения городов раннего средневековья, а в России такие различия сохранились едва ли не до начала нашего времени и обнаруживаются даже после отмены крепостного права. Так, происходящий из деревни житель города сохраняет поземельную повинность деревне, и мир может, отобрав у него паспорт, принудить его вернуться. Правда, сословное расслоение городских жителей внегородского происхождения было в разных городах неодинаковым. В Индии, например, образование каст было прямым следствием возникновения определенных специфически городских установлений, и касты, следовательно, если не юридически, то фактически были чисто городским явлением. В Передней Азии, в античности и в раннее средневековье, а также в России до отмены крепостного права дело обстояло обычно таким образом: широкие слои крепостных или зависимых фактически, хотя и не юридически, были обязаны лишь платить господину оброк, в остальном же, в сущности, составляли экономически самостоятельный класс мелких горожан или образовали его вместе с юридически свободными мелкими горожанами. То обстоятельство, что город был местонахождением рынка, который предоставлял постоянную возможность заработка посредством торговли или ремесла, заставляло многих владельцев рабов и зависимых людей использовать их не как рабочую силу в доме или на предприятии, а, обучив их ремеслу или навыкам мелочной торговли, а иногда и снабдив орудиями (так было в античности), отпускать их в город и предоставлять заниматься там, платя оброк господину, своей деятельностью. Поэтому мы обнаруживаем в Афинах при возведении публичных зданий рабов и свободных в одной группе на условиях сдельной оплаты труда. В Риме свободные и несвободные занимались ремеслом и мелочной торговлей как доверенные лица господина или на основе *merx peculiaris*[22], фактически в качестве совершенно самостоятельно действующих мелких горожан, причем свободные и несвободные входят в одни и те же ритуальные объединения. Шанс уплатить выкуп и стать свободным повышал экономические успехи именно несвободных мелких горожан, и поэтому не случайно в античности и в России в руках вольноотпущенников сконцентрировалось значительное имущество, приобретенное длительной деятельностью в области торговли и ремесла. Таким образом, западный город как в древности, так и в России был местом перехода из несвободного состояния в свободное благодаря возможности дохода, предоставляемой денежным хозяйством. В еще большей степени это относится к средневековому городу внутри страны, и чем длительнее была эта деятельность, тем несомненнее совершался этот переход. Ибо в данном случае, в отличие от всех известных нам процессов развития, бюргерство города проводило, как правило совершенно сознательно, направленную на это сословную политику. На ранней стадии развития этих городов при широких возможностях дохода в них сложился общий интерес всех жителей к использованию таких возможностей увеличения шансов на сбыт и доходов каждого горожанина с помощью облегчения притока извне; поэтому все были заинтересованы в том, чтобы господин не мог отозвать каждого разбогатевшего крепостного – как это практиковалось дворянами Силезии в XVIII, а помещиками России еще в XIX в. – для работы в доме или на конюшне, пусть даже это было лишь средством заставить его уплатить выкуп за освобождение от крепостной зависимости. Городское население узурпирует отмену прав господина – и это было великим, в сущности революционным новшеством, введенным западноевропейским городом в отличие от всех остальных городов. В городах Северной и Центральной Европы возник известный принцип: «городской воздух приносит свободу»; другими словами, по истечении разного, но всегда достаточно короткого срока господин раба или зависимого терял право притязать на подчинение его своей власти. Это положение действовало в очень различной степени. Очень часто городам приходилось давать обещания не принимать зависимых людей, а по мере ухудшения положения с продовольствием это их иногда даже устраивало. Однако, как правило, этот принцип сохранял свою силу. Следовательно, в городе сословные различия исчезали, во всяком случае в той мере, в какой они означали отличие свободных от несвободных. С другой стороны, на севере Европы внутри многих городов, основанных первоначально на политическом равноправии жителей и на свободных выборах должностных лиц, возник слой знати, образовалась сословная дифференциация – знатные роды, которые вследствие своей экономической независимости и своего могущества монополизировали места в городском совете, противостояли остальным горожанам. Далее, во многих, преимущественно в южных, но и в богатых северных городах (в том числе немецких) мы с самого начала находим, как в древности, сосуществование *constaffeln*, «всадников», людей, имеющих конюшни (теперь мы сказали бы «беговые конюшни», ибо они предназначались для турниров), специфически городскую знать и простых бюргеров. Следовательно, сословную дифференциацию. Но этому противостоит и другой

путь развития, усиливший общность горожан как таковых, независимо от того, знатные они или незнатные, в их отношении к знати вне города. К концу средних веков, во всяком случае в Северной Европе, сельская рыцарская знать не признавала подлинно аристократическим городской патрициат вследствие его участия в приносящей доходы торговой и промышленной деятельности и – что особенно подчеркивалось – вследствие участия вместе с представителями цехов в заседаниях городских органов управления; за патрициатом не признавалось право участвовать в турнирах, основывать монастыри, вступать в брак с представителями рыцарских сословий и получать лен (в Германии последнее не распространялось иногда только на привилегированных бюргеров имперских городов). Из двух действовавших в городе тенденций – к относительно сословному нивелированию и обратной, к росту дифференциации, – победила вторая. В конце средневековья и в начале Нового времени почти во всех городах, итальянских, английских и французских, так же как в немецких, – если они не превратились подобно некоторым городам Италии в монархические города-государства – господствовал патрициат, заседавший в городском совете, или корпорация бюргеров, исключавшая проникновение в нее извне, представлявшая собой внутри города господство аристократических фамилий, причем даже там, где для их представителей еще со времени господства цехов сохранялось требование формально входить в какой-либо цех.

Разрыв сословной связи с внегородской знатью достаточно полно произошел лишь в городских корпорациях Северной Европы, на юге же, особенно в Италии, наоборот, с ростом могущества городов почти вся знать переместилась в города; это наблюдалось, причем в значительно большем масштабе, и в древности, когда города возникали именно как резиденции знати. Античные и в меньшей степени средневековые города Южной Европы образуют, следовательно, в известной степени переходную стадию от азиатского к североευропейскому городу.

К этим различиям присоединяется в качестве решающего признака как античного, так и типичного средневекового города то, что эти города представляли собой общественную организацию официального характера, обладающую особыми органами, союз «бюргеров», подчиненных в качестве таковых общему для всех них праву, следовательно, равных по своему правовому положению. Такой характер города как сословно обусловленного «полиса» или «коммуны» существовал в других областях права, кроме средиземноморского и западного, насколько известно, лишь в начатках. Быть может, в некоторой степени в Месопотамии, Финикии и в Палестине во время борьбы израильского союза с ханаанской знатью и, пожалуй, в некоторых приморских городах других регионов и времен. Так, в городах негров-фантом Золотого берега, описанных Крейсханком, а после него Постом, существовал «совет» во главе с властителем города в качестве *primus inter pares*; членами этого совета были: 1) «кабофиры», главы родов, выдающихся своим богатством и соответствующим им как сословию образом жизни (гостеприимством и роскошью), 2) выборные начальники городских кварталов, организованных как военные союзы, совершенно независимые друг от друга и часто враждовавшие друг с другом, 3) наследственные полицейские (пинины) городских кварталов; и этот совет осуществлял управление и вершил суд. Подобные подступы к полису или к коммуне, вероятно, не раз формировались в Азии и Африке. Но о наличии там «сословного права городского бюргерства» нет никаких сведений.

Напротив, развитой античный и средневековый город был прежде всего союзом, конституированным или понимаемым как братство, в котором поэтому всегда существует и соответствующий религиозный символ: культ городского союза бюргеров как такового, следовательно, бог города или городской святой. Его мы обнаруживаем, правда, также и в Китае (часто это – обожествленный мандарин). Однако там он имел характер функционального божества в пантеоне. Городская община на Западе обладала и имуществом, которым распоряжались органы городского управления. Напротив, если знаменитый спор Алидов с общиной о «садах Фадака» – первый повод экономического характера к отпадению ши'а – и был спором о родовой или общинной собственности, то «общиной», от имени которой представители халифов притязали на эту собственность, было религиозное сообщество ислама, а не политическая «община» Мекки, ибо ее вообще не было. Альяменты существовали, вероятно, в городских поселениях, так же как в деревенских общинах. Были также специфические источники городских налогов, взимаемых князьями. Но о финансах городской общины античности или средневековья ничего определенного не известно, разве что можно допустить некоторые зачатки этого.

Общей особенностью средиземноморских городов, в отличие от азиатских, было

прежде всего отсутствие магически-анимистической связанности свободных горожан кастами и родами с их табуированием. В Китае объединению горожан в сообщество на основе общего сакрального и правового равенства, браков, совместных трапез и солидарности вовне препятствовал экзогамный и эндофратный род, в Индии со времен победы патримониальных правителей и брахманов-эндогамная, табуистически замкнутая каста, в Индии вследствие табуистической замкнутости каст это проявляется еще сильнее, чем в Китае, отчасти также потому, что 90% населения по своему правовому положению составляют сельские жители, тогда как в Китае города имеют гораздо большее значение. Жители индийского города не могут совершать совместные культовые трапезы, китайские же вследствие существующей у них родовой организации и преобладающего культа предков не имеют для этого повода. Полностью исключена и частная совместная трапеза лишь у табуистически связанных народов, таких, как индийцы и евреи (ограниченно). Индийцы считают осквернением даже взгляд, брошенный в кухню человеком другой касты. Впрочем, еще в античности сакральные действия рода были также недоступны тем, кто не являлся членом рода, как культ предков в Китае. Напротив, уже в античном полисе компонентом акта (реального или фиктивного) «совместного жительства» (синойкизма) была замена отдельных пританий, служащих для культовых трапез связанных клятвой союзов, необходимым для каждого полиса пританеом города – символом совместной трапезы городских родов как следствием их братства. Правда, в основе античного полиса официально лежало деление на роды и стоящие над ними чисто личные и чисто (по крайней мере предположительно) общие по происхождению, строго замкнутые вовне и образующие культовый союз сообщества. Античные города были в соответствии с весьма немаловажными представлениями их жителей прежде всего добровольными объединениями и конфедерациями личных союзов отчасти родового, отчасти, как, вероятно, фратрии, военного характера, которые затем при позднейшем делении городов были, исходя из управленческой точки зрения, подведены под определенную схему. Поэтому города античности сакрально замкнуты не только вовне, но и внутри города по отношению к каждому, не принадлежащему к какому-либо роду конфедерации, – к плебейам; именно поэтому они оставались и внутренне разделенными на замкнутые культовые союзы. По своему характеру знатных родовых конфедераций с античными городами были в значительной степени сходны южно-европейские города раннего средневековья, особенно приморские (но не только они). Каждый знатный род имел в городских стенах свою крепость, личную или сообща с другими родами; в этом случае (как, например, в Сиене) пользование ею тщательно регулировалось. Вражда между родами бушевала в городе во всяком случае не менее сильно, чем вне его, и ряд старинных подразделений города (например, alberghi) был, по-видимому, связан с делениями на области феодальных властителей. Но здесь, что чрезвычайно важно, не было никаких следов существовавшей еще в античности сакральной замкнутости родов по отношению друг к другу и вовне: следствие исторически важного события в Антиохии, совершенно правильно выдвинутого апостолом Павлом на первый план в его «Послании к галатам», где речь идет об участии апостола Петра в (ритуальной) трапезе вместе с необрезанными братьями. Ритуальная замкнутость ослабевала уже в античных городах и была близка к исчезновению. Безродный плебс в принципе добился равного положения в ритуальных церемониях. В средневековых городах, особенно в городах Центральной и Северной Европы, это ослабление происходило с самого начала, и роды очень скоро утратили свое значение конституирующего город элемента. Таковым становится конфедерация отдельных бюргеров (отцов семейств), так что и принадлежность горожан к внегородским сообществам практически потеряла всякое значение по сравнению с городской общиной. Уже античный полис становился в представлении его жителей все больше общиной как учреждением. Окончательно понятие «общины» сложилось в античности в противоположность «государству» только при включении ее в эллинистическое или римское государство, что, с другой стороны, лишило ее политической самостоятельности. Напротив, средневековый город был «коммуной» с момента его возникновения, независимо от того, в какой степени ясно осознавалось правовое понятие «корпорации» так таковое.

На Западе не было табуированных границ индийско-экваториального региона, а также различных тотемических, связанных с культом предков, и кастовых магических ограничений родовых союзов, которые в Азии препятствовали объединению братства в корпорацию. Последовательный тотемизм и казуистическое проведение родовой экзогамии возникли, и несомненно, в виде позднего продукта, именно там, где развитие никогда не приводило к образованию больших военно-политических и прежде всего городских союзов. Античным религиям известны лишь следы таких образований, будь то в виде «остатков» или в виде погибших ростков. О причинах этого, поскольку они не

носили религиозный характер, можно высказать лишь неопределенные предположения. Заморские вторжения и морские грабежи раннего времени, военные авантюры и массовые основания колоний внутри страны и за ее пределами, создававшие длительно действующие союзы между различными племенами или представителями различных родов, неизбежно должны были разрушить прочность замкнутых родовых и магических уз. И даже если в античных городах повсюду делались попытки искусственно восстановить традицию посредством деления основанных новых общин на родовые союзы и фратрии, основополагающей единицей в полисе был уже не родовой, а военный союз. Многовековые странствия завоевателей–германцев до и во время Великого переселения народов, их набеги и авантюристические походы во главе с выборными вождями также препятствовали возникновению табуистических и тотемических связей. И даже если они пытались, как сообщается, селиться по реальным или фиктивным родам, решающими оставались судебный и военный союз сотни и система земельных наделов как основа обложения повинностями, а позже отношение к правителю, дружина и вассалитет; быть может, именно эти обстоятельства привели к тому, что магические родовые связи не получили своего развития. Христианство же, ставшее религией этих глубоко потрясенных в своих традициях народов, могло стать таковой вследствие слабости или отсутствия у них магических и табуистических ограничений, и окончательно обесценило и уничтожило родовые связи в их религиозном значении. Часто весьма значительная роль, которую церковная община играла в организации управления средневековых городов, – лишь один из симптомов влияния христианской религии на разрыв родовых связей и тем самым на образование средневекового города. В отличие от христианства, ислам, как показывает вся история внутренних конфликтов старого халифата, в сущности, не преодолел замкнутость арабских племен и родовые узлы, так как оставался религией войска завоевателей, разделенного на племена и роды.

Поясним еще раз различия между городами того и другого типа. Город был во всем мире совместным поселением до того чуждых по местожительству людей. Китайский, месопотамский, египетский, а часто даже и эллинский военачальник основывает или перемещает город, заселяет его не только теми, кто добровольно готов стать его жителями, но в случае необходимости и принудительно посредством разбойничьих набегов. Чаще всего так происходило в Месопотамии, где насильственно приведенные на место будущего города жители должны были сначала вырыть канал, который давал возможность основать город в пустыне. Поскольку военачальник с его аппаратом управления и чиновниками оставался абсолютным господином, общинный союз не возникает или возникают лишь его жалкие начатки. Поселенцы часто остаются отдельными племенами лишь разделенными на семьи, или, где это не произошло, – членами прежних местных и родовых союзов. Не только житель китайского города оставался обычно связан со своей сельской общиной, это относится и к широкому слою негреческого населения эллинистического Востока, что подтверждается легендой, мотивирующей рождение Назарянина в Вифлееме тем, что род его отца имел там свой *nantgema*, как сказано в немецком переводе «Хелианда» [23], и, следовательно, принадлежал ему. До недавнего времени связь со своей родной деревней сохраняли и проживающие в городах русские крестьяне: они не теряли права на землю и были обязаны принимать участие по требованию деревенской общины в уплате повинностей помещику. Следовательно, в этих условиях возникало не право городского бюргерства, а только союз живущих в данный момент в городе и объединенных обязательством нести повинности и предоставленными привилегиями. На родовых связях основывался и эллинский синоикизм. По преданию, восстановление Иерусалима Ездрой и Неемией также совершалось родами, причем посредством совместного поселения представителей каждого политически полноправного сельского рода. По месту жительства делился только безродный и политически бесправный плебс. И в античном полисе каждый человек был гражданином, но первоначально всегда только как член рода. Эллинский и римский синоикизм и каждое колониальное завоевание всегда проходили в ранний период, во всяком случае фиктивно, подобно воссозданию Иерусалима; даже демократия была вначале не способна поколебать схему образования бюргерства из родов (*gentes*), составленных из них фратрий и образованных ими фил, следовательно, из чисто личных культовых союзов; и вынуждена была пытаться политически обезопасить эти находящиеся во власти родовой знати союзы только с помощью косвенных средств. В Афинах каждый, кто хотел иметь право занимать легитимную должность, должен был указать культовый центр своего рода (<греч.>). Римская легенда также хорошо знает, что города возникают как совместные поселения местных жителей и представителей чуждых племен; посредством ритуальных актов они объединялись в братскую религиозную общину с собственным общинным очагом и богом как святым покровителем общины, но при

этом делились на роды, курии (фратрии) и трибы (филы). Это деление, считавшееся вначале само собой разумеющимся в каждом античном городе, уже очень рано стало совершаться, как показывают круглые числа союзов (слагаемые из 3, 30 или 12), искусственно для удобства налогообложения. Но принадлежность к родовому союзу оставалась необходимым признаком полноправного гражданина для участия в культовых обрядах и занятия всех должностей, требовавших общения с богами, *auspicia*. Она была ритуально необходимой. Ибо легитимный союз должен был покоиться на традиционной ритуальной основе традиционных ритуальных форм союза: род, военный союз (фратрия), политический племенной союз (фила), или создавать видимость этого. При основании средневековых городов, особенно на севере, дело обстояло совершенно иначе. Бюргер входил, по крайней мере при образовании новых городов, в городскую корпорацию как отдельное лицо и в качестве такового приносил присягу городу. Его личное правовое положение как бюргера гарантировала ему личная принадлежность к городскому союзу, а не род или племя. При основании городов в число жителей включались и торговцы не только из других мест, но и из чужих племен. Так происходило, во всяком случае, при образовании новых городов, когда привилегиями в город привлекались переселенцы; в меньшей степени при преобразовании старых поселений в городские общины. Это не означает, конечно, что в Кельне, например, все упоминаемые в источниках купцы из различных мест Запада, от Рима до Польши, входили в тамошнюю корпорацию, созданную именно местными имущими слоями. Но такие случаи вступления в корпорацию чужих встречались. Особое положение в средневековых городах, соответствующее отношению в Азии к чужеземцам, занимали евреи. Ибо, хотя в верхнерейнских грамотах, например, епископ указывает, что он призвал евреев «для большего блеска города» и хотя евреи упоминаются в грамотах Кельна как землевладельцы наряду с христианами, единению их с местными жителями препятствовали чуждый Западу ритуальный запрет браков с неевреями и совершения совместной трапезы и в первую очередь отказ от участия в таинстве евхаристии, от братства. Средневековый город был объединением культового характера. Городская церковь, городской святой, участие жителей города в таинстве причащения, официальные церковные празднества были само собой разумеющимися. Христианство лишило род всякого ритуального значения. Христианская община была по своей глубочайшей сущности конфессиональным союзом отдельных верующих, а не ритуальным союзом родов. Поэтому евреи с самого начала остались вне союза горожан. Если средневековый город и нуждался в культовой связи и для его конституирования были часто (быть может, всегда) необходимы церковные приходы, он тем не менее был, как и античный город, светским образованием. Приходы выступали не в качестве церковных союзов и не через представителей церкви; светские представители церковных приходских общин принимали наряду с шеффенами [24], представителями светской городской власти, а иногда с гильдиями купцов главные формально-правовые акты от лица горожан. Полноправность в качестве члена церковной общины, а не ритуальная полноправность рода, как в античности, была необходимым условием, чтобы считаться полноправным бюргером. Вначале различие между городами Запада и городами Азии не было принципиальным. Местный бог, соответствующий святому средневековых городов, и ритуальная общность полноправных горожан были также необходимой составной частью всех переднеазиатских городов античности. Однако политика переселений людей, совершаемых в ходе завоеваний великими царями, изменила это, превратив город в чисто административный округ, в котором все жители без исключения, независимо от их принадлежности к племенному или ритуальному союзу, имели одинаковые шансы на существование. Это очевидно и из положения евреев времен пленения. Для них были закрыты только государственные должности, требующие определенного образования и, по-видимому, также ритуальной квалификации. В городах, очевидно, не было «должностных лиц общин». Отдельные представители чужих племен имели, как и плененные евреи, своих старейшин и священнослужителей, были, следовательно, «пришлыми племенами». До пленения в Израиле метеки (*gerim*) не входили в ритуальное сообщество (они не были обрезаны), а к ним относились едва ли не все ремесленники. Следовательно, они были здесь «пришлыми племенами», как и в Индии, где ритуальное братство городских жителей было исключено кастовым табу. В Китае в каждом городе был свой бог (им часто был почитаемый в культе прежний мандарин города). Община отсутствовала во всех азиатских и переднеазиатских городах или только намечалась как союз родов, выходящий за границы города. Еврейская конфессиональная община управлялась после пленения чисто теократически.

Западный город, более точно – средневековый город, которым мы сначала займемся, был не только экономически центром торговли и ремесла, политически (обычно) крепостью и часто местонахождением гарнизона,

административно судебным округом, но также скрепленным клятвой братством. В древности его символом были общие выборы пританов[25]. В средние века город был скрепленной клятвой «коммуной» и считался в правовом смысле «корпорацией». Впрочем, все это произошло не сразу. Еще в 1313 г., как указывает Хачек, английские города не могли получить «franchise»[26], потому что они, говоря современным языком, не были «юридическим лицом», и лишь при Эдуарде I [27] города выступают как корпорации. Политическая власть, городские сеньоры – повсюду, а не только в Англии – видели в бюргерстве возникающих городов в правовом смысле пассивный литургический целевой союз, члены которого, квалифицированные как городские землевладельцы, несли особые повинности, выполняли определенные обязанности и обладали известными привилегиями: рыночной монополией, складочным правом, привилегиями в ремесле и правом на ремесленный банн, участием в городском суде, особым военным и налоговым положением. При этом экономически наиболее важная часть этих привилегий была в формально-правовом отношении обычно достижением совсем не бюргерского союза, а политического или вотчинного сеньора города. Он, а не горожанин, формально получает эти важные права, которые непосредственно идут экономически на пользу горожанам, а косвенно, в финансовом отношении, в виде налогов горожан – ему, сеньору города. Эти привилегии были на самой ранней стадии, например, в Германии королевскими привилегиями епископу, на основании которых епископ, в свою очередь, мог видеть и видел в своих городских подданных обладателей привилегий. Иногда, в частности в Англии в англосаксонский период, допуск к поселению у рынка считался исключительной привилегией, предоставляемой соседними сеньорами своим, и только своим зависимым людям, доходы которых они облагали налогом. Городской суд был либо королевским, либо вотчинным судом; шеффены и другие функционеры не были представителями горожан и даже в тех случаях, когда горожане их выбирали, оставались должностными лицами господина, а городское право, которым руководствовались функционеры суда, – установленным им статутом.

Universitas civium[28], о которой всюду вскоре начнут говорить, была, следовательно, прежде всего гетерономной и гетерокефальной и входила в другие политические, а также (часто) в вотчинные союзы. Однако вскоре это изменилось. Город превратился, хотя и в различной степени, в автономное и автокефальное правовое объединение, в активную «местную корпорацию», а должностные лица города стали полностью или частично органами этого учреждения. Для такого развития средневекового города было важно, чтобы привилегированное положение горожан с самого начала рассматривалось как право каждого отдельного горожанина в его общении с третьими лицами. Это было следствием не только изначально свойственного как античности, так и средневековью лично-правового понимания подчинения общему «объективному» праву как праву «субъективному», следовательно, как выражению сословного статуса лица, но и, особенно в средние века, по правильному указанию Байерле, также следствием еще не исчезнувшего в германском судопроизводстве отношения к каждому субъекту права как к «участнику судебного собрания»[29], а это значит – как к активному члену судебной общины, где принадлежащее бюргеру объективное право само выступает как выносящее суждение, – институт, о котором и о следствиях которого для формирования права мы говорили раньше. Это право отсутствовало в судопроизводстве большинства городов всего мира. (Следы его мы находим только в Израиле. Мы вскоре увидим, чем было вызвано это особое положение.) Решающим для превращения средневекового города в союз было то, что в то время, когда экономические интересы горожан направляли их к созданию институциональной корпорации, они, с одной стороны, не встречали препятствий в магических или религиозных ограничениях, и, с другой, над ними не стояло рациональное управление политического союза. Там, где присутствовал хоть один из этих факторов, как, например, в Азии, даже сильные экономические интересы соединяли жителей города лишь на время. Возникновение автономной и автокефальной корпорации в средние века с управлением городского совета, возглавляемого «консулом», «майером» или «бюргермейстером» – явление, существенно отличающееся от всех не только азиатских, но и античных городов. В античности, как еще будет показано в дальнейшем, специфически городское устройство сложилось прежде всего там, где в полисе появились его наиболее характерные черты – преобразование власти как городского правителя, так и родовых старейшин в господство аристократических «родов», способных нести военную службу. Напротив, именно в тех средневековых городах, которые являли собой специфический тип данного времени, дело обстояло совершенно иначе.

При анализе этого процесса необходимо строго различать его

формально-правовую, социологическую и политическую стороны, что не всегда делалось в споре различных теорий «городского строя». В формально-правовом отношении корпорация горожан как таковая и ее учреждения «легитимно» конституировались посредством (действительных или фиктивных) привилегий, данных политической, а иногда и вотчинной властью. Отчасти ход событий действительно соответствовал и этой формально-правовой схеме. Но часто, причем именно в) важнейших случаях, речь шла о совершенно другом: о революционной узурпации, если рассматривать происходящее с формально-правовой точки зрения. Правда, не повсеместно. Можно делать различие между исконным и производным возникновением средневековой городской общины. При исконном возникновении союз бюргеров был результатом политического объединения горожан в корпорацию, невзирая на «легитимные» власти и вопреки им, вернее, результатом целой серии подобных актов. Решающее формально-правовое подтверждение этого состояния легитимными властями происходило позже – впрочем, не всегда. Производным путем союз горожан возникал посредством предоставленного ему или его потомкам по договору или пожалованному основателем города более или менее полному или ограниченному праву на автономию и автокефалию; особенно часто пожалования давались при основании города для новых поселенцев и их правопреемников. Исконная узурпация посредством внезапного акта единения в корпорацию, скрепленное клятвой объединение (*conjuratio*) горожан происходили преимущественно в больших старых городах, таких, как Генуя и Кельн. В целом, как правило, наблюдается комбинация того и другого. Источники по истории городов, которые, естественно, представляют легитимную последовательность развития более преобладающей, чем она была в действительности, вообще не упоминают об этих узурпаторских братствах: во всяком случае, сообщение о них в источниках может быть только случайным, вследствие чего данные об их возникновении, в особенности когда речь идет об уже существующих городах, представляются в сравнении с их действительным возникновением слишком общими. О кельнской *conjuratio* 1112 г. есть только одно лаконичное упоминание. Чисто формально в Кельне при составлении актов могли присутствовать шеффены старого города и представители приходов, в частности пригорода св. Мартина как нового поселка торговцев (*mercatores*), ибо они были признаны «легитимными» властями. Их противники, городские сеньоры, указывали, конечно, при разногласиях на несоблюдение формальных законных требований, например, (в Кельне) на то, что некоторые шеффены не принесли клятву и т. п. Ибо в такого рода упущениях и проявлялись узурпаторские нововведения. Указы императоров династии Штауфенов, направленные против автономии городов, звучат иначе: они запрещают не только те или иные формально-правовые упущения, но и *conjuraciones* как таковые. О фактически движущих силах при таких преобразованиях в достаточной мере свидетельствует то, что в Кельне еще значительно позже *Richerzeche* (гильдия богатых) – с точки зрения легитимности чисто приватный клуб особенно состоятельных бюргеров – успешно претендовала не только на право принимать новых членов, что было вполне естественно, но и на компетенцию предоставлять им совершенно не связанные с членством в клубе права горожан. Большинство крупных французских городов также получили самостоятельное городское устройство в принципе сходным путем, посредством скрепленного клятвой братства горожан.

Но подлинной родиной *conjuraciones* была, очевидно, Италия, где в подавляющем большинстве случаев городское устройство возникало исконно посредством *conjuratio*. Поэтому здесь и легче всего, несмотря на неясность источников, понять социологическую сторону городского объединения. Общей предпосылкой была характерная для Запада апроприация прав феодальными и приходскими властями. Положение в городах до *conjuratio* – правда в деталях очень различное – в целом следует представлять себе сходным со своеобразной анархией в Мекке, которая поэтому была описана выше несколько подробнее. Многоклеточные силы, притязающие на господство, противостоят, перекрещиваясь, друг другу: политическая и вотчинная власть епископа, апроприированная власть вице-графа и других должностных лиц, основанная отчасти на привилегиях, отчасти на узурпации, крупные городские владетели ленов или освобожденные министералы короля или епископов (*capitani*), сельские или городские субвассалы (*valvasalles*) капитанов, владельцы родовых аллодов различного происхождения, множество владельцев бургов от своего и от чужого имени в качестве привилегированных сословий с сильной клиентелой, состоящей из зависимых и свободных под их патронатом, профессиональные объединения городских промышленных классов, судебные власти, основанные на вотчинном, ленном земельном и церковном праве. Временные договоры, полностью сходные со «связями» между родами в Мекке, приостанавливали столкновения между различными вооруженными группами как

внутри, так и вне городских стен. Официальным легитимным господином города был либо обладатель императорского лена, либо чаще епископ, который, владея светскими и духовными средствами воздействия, имел наибольшие шансы на действенное господство.

Для конкретной цели и большей частью на неопределенный срок, т. е. до объявления о прекращении ее действия, заключалась и такая *conjuratio*, которая в качестве *comraigne comunis* (или под сходным названием) служила предпосылкой политическому союзу будущего «города». Сначала в стенах города существует несколько *conjuraciones*, но серьезного значения достигает лишь клятвенный союз «всей» общины, т. е. всех тех сил, которые в данный момент обладают военной властью или претендуют на нее и способны доказать ее действительность. В Генуе такой союз возобновлялся сначала каждые четыре года. Направленность его была самой различной. В Милане в 980 г. способные носить оружие горожане заключили союз против епископа, в Генуе вначале епископ и фамилии вице-графов, у которых были узурпированы светские господские права, позже превратившиеся просто в притязания на повинности, по-видимому, входили в эти союзы, тогда как позже *comraigne comunis* здесь и в других местах выступала и против притязания на власть епископа и вице-графов. Позитивной целью клятвенных братств было прежде всего объединение местных землевладельцев для обороны и наступления, для мирного завершения споров и утверждения соответствующего интересам городских жителей судопроизводства, затем монополизация всех экономических возможностей, предоставляемых городом его жителям: только участник такого союза допускался, например, в Генуе к торговым операциям горожан, в частности, к инвестициям капитала в форме комменды в заморскую торговлю. Союз требовал также фиксации повинностей города в виде общей суммы или высоких процентов вместо произвольного обложения и, наконец, создания военных организаций для расширения политической и экономической сферы власти коммуны вовне. Едва только возникли конъюрации, начались войны между коммунами, которые к XI в. становятся постоянным явлением. Внутри города клятвенный союз добился присоединения к нему массы горожан: знатные и патрицианские фамилии города, основавшие братство, призывали всех землевладельцев города приносить клятву; тот, кто не приносил клятву, терял свои права. Формальное изменение в существующем управлении городом происходило не всегда; епископ или светский сеньор часто сохранял свое положение во главе городского округа и по-прежнему управлял им с помощью своих министерялов; ощутимо великое преобразование выражалось только в наличии собрания горожан. Однако это не осталось без изменения. В последние десятилетия XI в. повсюду появляются консулы (*consules*), ежегодно официально избираемые всеми горожанами или избранной ими коллегией, которая в действительности всегда была органом узурпировавшей избирательное право группой знатных горожан, чей состав подтверждался только выражением одобрения; в городе бывало несколько, иногда до двенадцати, таких групп. Эти консулы, оплачиваемые и обладавшие побочными доходами, захватили при завершении революционной узурпации все или основную часть судопроизводства, высшее командование во время войны и управление делами коммун. В первое время они происходили преимущественно или очень часто из среды знатных судебных должностных лиц или вотчинной курии; разница была только в том, что теперь они выбирались объединенным бюргерством или его представителями, а не назначались, как раньше, сеньором города. Они находились под строгим контролем коллегии *sapientes*[30], часто называемой *credenza*, состоящей частично из прежних шеффов, частично из знатных горожан, которые определялись на эту должность самими консулами или по решению выборной коллегии. В сущности же это были главы наиболее могущественных в политическом и экономическом отношении родов, распределявших между собой эти должности. В начале образования клятвенного братства еще сохранялось сословное деление на различные категории *sapitani* (главных вассалов), субвассалов, министерялов, владельцев бургов (*castellani*) и *cives meliores*[31], т. е. граждан, способных по своему экономическому положению носить оружие; должности и места в совете пропорционально распределялись между ними. Очень скоро, однако, обнаружилось, что движение направлено против ленных отношений. Консулам было запрещено принимать лены от сеньоров и коммендироваться им в качестве вассалов. Одним из первых политических достижений было получение то ли путем насилия, то ли посредством вынужденно предоставленных или купленных привилегий императора и епископов, вытеснение императорских, епископских и сеньориальных бургов из города, перемещение их за городские стены (это отражено, в частности, в привилегиях императоров Салической династии[32]) и проведение принципа, согласно которому запрещалось в пределах определенной округи строить бурги, а император и другие сеньоры города лишались права жить в нем. Достижением в области судопроизводства было создание

определенной процедуры, исключавшей иррациональные доказательства, в частности судебные поединки (об этом говорится в многочисленных привилегиях XI в.), т. е. то же, что и предпринимала, идя навстречу интересам горожан, королевская власть Англии и Франции; затем запрещение привлекать горожан к расследованию дел во внегородских судах и кодификация особого рационального права для горожан, которым должны были пользоваться консулы при рассмотрении дел в городском суде. Так из заключаемых от случая к случаю или на короткий срок чисто личных, скрепленных клятвой союзов возникло прочное политическое объединение, члены которого относились к сфере особого сословного права жителей города. Формально это право означало уничтожение старого личного принципа права, материально – разрыв ленных связей и сословного патримониализма. Правда, еще не в пользу подлинного принципа местных корпоративных «учреждений». Городское право было сословным правом членов образовавшегося посредством принесения клятвы объединения. Ему были подвластны те, кто относился к сословию горожан или зависимым от них людям. Еще в XVI в. там, где в городах сохранилось господство знатных родов, например в большинстве нидерландских общин, представительство в провинциальных и генеральных штатах было не представительством города как такового, а представительством городской знати; это очевидно из того, что наряду с представителями знатных родов очень часто в этих городах присутствуют и представители цехов и других незнатных сословий того же города; они голосуют отдельно и не объединяются с представителями знатных родов в общее представительство города. В Италии это явление отсутствует. Но в принципе положение очень сходно. Хотя городская знать не должна была находиться вне ленных отношений (что далеко не всегда действительно имело место), однако у нее наряду с городскими домами были бурги и земельные владения вне города, вследствие чего она входила не только в союз коммуны, но в качестве сеньора или члена и в другие политические объединения. На ранней стадии существования итальянских коммун управление городом принадлежало рыцарским по своему образу жизни родам, независимо от того, предполагалось ли корпорацией нечто иное и удавалось ли иногда в действительности рядовым бюргерам добиваться преходящего участия в органах управления. Военное значение рыцарской знати брало верх. На севере, особенно в Германии, старые фамилии шеффенов играли еще большую роль, чем на юге; они часто и формально сохраняли право управлять городом или, во всяком случае, осуществляли его в нераздельной личной унии. В зависимости от соотношения сил участия в управлении городом добивались иногда и прежние должностные лица сеньориальной, в частности епископальной, власти – министриалы. Там, где узурпация власти городского сеньора была осуществлена не полностью, часто случалось, что он (обычно это был епископ) добивался участия своих министриалов в городском совете. В больших городах, таких, как Кёльн и Магдебург, епископ полностью или частично осуществлял управление посредством свободных городских шеффенов, которые постоянно превращались из должностных лиц епископа в представителей коммун; они всегда привлекали к участию в управлении представителей *conjuratio* или делили с ним свои функции. В XIII в. во фландрских, брабантских и нидерландских городах функции управления начинают осуществлять наряду с назначенными графом шеффенами члены совета, принесшие клятву – *juratio* (уже их наименование свидетельствует о возникновении посредством узурпации из рядов *conjuratio*) или «бургомистры» из горожан; большей частью они образуют отдельные коллегии, но иногда выступают вместе с шеффенами. Они были представителями объединенных в корпорацию горожан и сохранились в Голландии впоследствии как корпорация *vroedschap*. В первое время отношения следует повсюду представлять себе очень колеблющимися, без формального регулирования атрибутов фактической власти. Решающими были личные отношения и влияния, а также персональная уния при осуществлении различных функций управления. Формального обособления «городского управления» в современном смысле, особых бюро и ратуш, не было. В Риме, как и во всех городах Италии, горожане заседали в соборе, а руководящие комитеты, иногда и бюргеры, вероятно, в частных домах или клубах. В Риме это, несомненно, происходило именно таким образом. В Кёльне при узурпации прав горожанами «дом богатых» (*domus divitum*) также находился в локальной унии с «домом бюргеров» (*domus civium*), следовательно, с местонахождением управления, и главы клуба «цеха богатых», по правильному указанию Байерле, находились в личной унии с обладателями должности шеффенов и с другими важными функционерами. Городского рыцаря итальянского типа здесь не было. В Англии и во Франции ведущую роль играли гильдии купцов. В Париже главы гильдии по снабжению водой были и формально признанными представителями бюргерства. Но и во Франции возникновение городских корпораций в крупных старых городах частью происходило посредством узурпации союзами бюргеров, купцов и городских получателей рент и их объединений, заключенными либо с живущими в городе

рыцарями (на юге), либо с братствами (*confraternitates*) и цехами ремесленников (на севере страны). Не будучи тождественны *conjuratio*, эти союзы играли при своем возникновении большую роль в других союзах, особенно на севере. Клятвенные братства германского севера отличаются вследствие слабого развития в них рыцарства особенно архаическими чертами, отсутствующими в странах Южной Европы. Клятвенные братства могли создаваться и повторно с целью установления политической корпорации и узурпации власти сеньора города. Но эти союзы могли примыкать и к возникающим в большом количестве на севере и в Англии гильдиям защиты. Первоначально такие гильдии были созданы не для того, чтобы оказывать влияние на политические события: они заменяли горожанам то, чего те особенно часто были лишены в городе раннего средневековья: защиту рода и предоставленную им безопасность. Подобно роду, они помогали своим членам, защищая их от нападения и угроз, а часто и при экономических трудностях, устраняли споры и вражду между входящими в братство, видя свою задачу в заключении между ними мира, брали на себя уплату военной повинности (как это было в одном случае в Англии) и заботились об удовлетворении потребности в общении, периодически устраивая сохранившиеся еще с языческих времен пиршества (первоначально они были культовыми актами); заботились, наконец, о похоронах при участии всего братства, гарантировали умершему спасение души добрыми делами, приобретали для него за общий счет индульгенции, покровительство могущественных святых и вообще всячески старались в каждом данном случае защищать общие, в том числе экономические, интересы. Если северофранцузские города возникали преимущественно как клятвенные объединения мира без остальных атрибутов гильдий, то английские и северные городские объединения, как правило, носили характер гильдий. В Англии типичной формой городского объединения была торговая гильдия, обладавшая монополией на мелкую торговлю внутри города. Немецкие торговые гильдии большей частью делились по специальностям (обычно очень сильная гильдия торговцев сукном, мелочных торговцев и др.). Гильдия в виде организованной формы перешла отсюда и в дальнюю торговлю – но это нас здесь не интересует.

Города не «возникли», как часто думают, «из гильдий», напротив, гильдии, как правило, возникали в городах. К тому же гильдии получали власть в городе лишь иногда (на севере, в частности в Англии, в качестве *summa convivia*). Как правило, власть в городах захватывали отнюдь не тождественные гильдиям «роды». Ибо гильдии не были идентичны *conjuratio*, городскому объединению.

К тому же гильдии никогда не были единственными видами объединения в городах. Наряду с ними существовали, с одной стороны, различные по своему профессиональному составу религиозные объединения, с другой – чисто экономические, разделенные по профессиям объединения – цехи. Религиозное движение, связанное с созданием подобных союзов, *confraternitates*, существует на протяжении всего средневековья наряду как с политическими союзами, гильдиями, так и с профессиональными объединениями в разнообразном взаимопересечении с ними. Значительную, меняющуюся в разное время роль они играли, в частности, среди ремесленников. Само по себе то, что случайно наиболее раннее упоминание в источниках подлинной *fraternitas* ремесленников в Германии – ткачей чехлов для перин в Кельне (1180) относится к более позднему времени, чем соответствующее ей объединение, не доказывает, что профессиональное объединение, вернее, его специфическая профессиональная цель была по всюду более ранней и исконной. Однако в профессиональных цехах это было, по-видимому, правилом и объясняется, вероятно, тем, что образцом для объединений свободных ремесленников, во всяком случае вне Италии, служило совершаемое вотчинным управлением деление тяглых ремесленников на группы во главе с мастерами. Но в ряде случаев *fraternitas* служит отправным пунктом будущего профессионального союза. Подобно тому как еще недавно возникновение в России еврейских рабочих мастерских начиналось с приобретения самого необходимого для религиозно-полноправного еврея – с приобретения Торы [33], так и многочисленные, по существу профессиональные, союзы ставили на первое место интересы общения и религии, или, если они были ярко выраженными профессиональными объединениями, добивались религиозного признания, как это было свойственно большинству гильдий и вообще всем объединениям в средние века. И это отнюдь не было маскировкой важных материальных интересов. То обстоятельство, например, что самые ранние конфликты в союзах подмастерьев возникали не из-за условий труда, а по вопросам религиозного этикета (таким, как места в религиозных процессиях и т.п.), показывает, как сильно и тогда социальная оценка стоящего вне рода бюргера была обусловлена религиозной. Здесь сразу же обнаруживается то, что

особенно важно, – резкая противоположность по отношению к любого рода табуистической замкнутости, которая исключала бы братство в общине.

В целом эти братства, как религиозные, так и светские по своему характеру, независимо от времени их возникновения в каждом отдельном случае, фактически находились часто в первоначальной унии с официальными профессиональными союзами – с купеческими гильдиями и цехами ремесленников, о которых речь еще будет идти ниже. Те же, в свою очередь, не всегда были, как часто предполагают, ответвлениями первоначально единой гильдии, хотя это случалось, но вместе с тем объединения ремесленников, например, сложились в некоторых случаях гораздо раньше, чем старейшие *conjuraciones*. Не были они и их предтечами, ибо существовали во всем мире, даже там, где никогда не возникла городская община. Все эти объединения оказывали преимущественно косвенное воздействие: способствуя объединению горожан посредством привычки к общности интересов, которая должна была возникнуть в свободных объединениях, посредством примера и совмещения в личной унии ведущего положения лицами, опытными в руководстве такими клятвенными союзами и пользовавшимися благодаря этому влиянием. Во всяком случае, вполне естественно было, и это подтверждается также дальнейшим развитием, что и на севере именно богатые бюргеры, заинтересованные в независимости торговых сношений, принимали наряду со знатными фамилиями активное участие в создании *conjuratio*, давали на это деньги, следили за ходом движения и вместе со знатными родами принимали клятву и обязательства от всей массы населения; пережитком этого являлось, очевидно, право цеха богатых в Кельне предоставлять гражданское право. Там, где в этом движении бюргеров помимо знатных родов участвовали и занимающиеся промышленной деятельностью жители города, известную роль в образовании городского союза играли прежде всего купеческие гильдии. В Англии еще при Эдуарде II восставшие против купцов мелкие бюргеры жаловались на то, что потентаты (*potentes*) требуют от самых бедных горожан, в частности и от цехов, клятвы в повиновении и вводят на основе этой узурпированной власти налоги. Сходным был, несомненно, этот процесс и в большинстве городских братств, возникших посредством узурпации. После того как в ряде больших городов узурпации увенчались успехом, те политические сеньоры, которые основывали новые города или предоставляли старым городам привилегии, поспешили из «соображений конкуренции» добровольно предоставить бюргерам часть, в каждом случае различную, требуемых ими прав, не дожидаясь возникновения формального объединения, вследствие чего успех этих объединений становился по своей тенденции повсеместным. Этому способствовало, в частности, и то, что лица, желавшие или предполагавшие поселиться в городе, обладавшие, с точки зрения основателя города, достаточным богатством и социальным влиянием, требовали предоставления им уже существующего права какого-либо определенного города; так, например, жители Фрейбурга – городское право Кельна, многочисленные южногерманские города – право Фрейбурга, восточные города – магдебургское право; при возникновении конфликтов компетентное решение выносил город, чье право было в каждом данном случае предоставлено. Чем богаче были поселенцы, на которых рассчитывал основатель города, тем больше были уступки, на которые ему приходилось идти. Так, 24 *conjuraciones* во Фрейбурге, которым Бертольд Церингенский [34] обещал сохранение свобод граждан в новом городе, играют роль, напоминающую роль «цеха богатых» в Кельне, получают большие личные привилегии и в качестве *consules* общины держат в руках управление городом.

К числу пожалованных князьями и вотчинниками привилегий городам относится повсюду прежде всего то, что бюргерство конституируется как «община» с собственными органами управления; в Германии во главе ее стоит «совет». Наличие «совета» считалось в Германии необходимым выражением свободы города, и бюргеры притязали на автономное право определять его состав. Это удалось им не без борьбы. Еще Фридрих II запрещает в 1232 г. деятельность всех советов и бургомистров, выбранных городами без согласия епископа; вормсскому епископу удалось добиться для себя и своего представителя права председательствовать в совете и назначать его членов. В Страсбурге в конце XII в. управление министралов епископа было заменено советом, состоящим из представителей бюргерства и пяти министралов. В Базеле епископ добился того, что император устранил совет, который, как предполагает Гегель [35], он прежде сам разрешил. Во многих южногерманских городах долгое время фактическим главой города оставался назначаемый или, во всяком случае, утверждаемый сеньором шультгейс, и бюргерство могло избавиться от этого контроля, лишь купив эту должность. Однако в грамотах мы обнаруживаем, что наряду с шультгейсом все большее значение обретает «бургомистр» который в конце концов получает преимущество. Он был, в отличие от шультгейса,

действительным представителем союза горожан, т. е. должностным лицом, возникшим в результате узурпации, а не должностным лицом сеньора. Впрочем, в XIV в. в соответствии с изменившимся составом очень многих немецких городов бургомистр, получая все большее значение, часто переставал быть представителем «родов», подобно *consules* Италии, – им скорее соответствовали не принесшие клятву шеффены (*scabini* по *jurati*), консулы и подобные им представители бюргерства больших городов в раннее время, – а становился доверенным лицом профессиональных объединений, т. е. относился уже к более поздней стадии развития.

Активное участие в союзе бюргеров обуславливалось сначала повсюду наследственным, отчуждаемым, свободным от барщины и податей владением землей в городе; или оно было связано только с твердо установленным налогом и обязанностью участвовать в осуществлении необходимых городу целей, – эта обязанность стала в Германии признаком городского землевладения. Позже стала облагаться и другая собственность, прежде всего деньги и ценные металлы. Вначале

городской житель, не обладавший земельным владением, был лишь участником в защите города, каким бы ни было в остальном его сословное положение. Право занимать городские должности и участвовать в совете менялось, причем в различном смысле. К этому мы теперь и перейдем. Но сначала надо еще, предварительно и в самом общем смысле, поставить вопрос, что послужило причиной того, что, в отличие от Азии, в Средиземноморском бассейне, а затем в Европе, началось развитие городов. Отчасти ответ на это был уже дан указанием на то, что возникновению городского братства, следовательно, городской общины препятствовала магическая замкнутость родов, а в Индии – каст. В Китае роды были носителями важных религиозных традиций, культура предков и поэтому нерушимы. В Индии касты определяли специфический образ жизни, с соблюдением которого было связано существование при переселении душ, поэтому касты ритуально исключали друг друга. Но если в Индии это препятствие было абсолютным, то родовая знать в Китае и особенно в Передней Азии может рассматриваться только как относительное препятствие. И в самом деле, именно в этих регионах появляется нечто совершенно иное: различие в военной организации, прежде всего в ее экономико-социологической основе. Необходимость регулирования течения рек и орошения привела в Передней Азии (включая Египет) (и менее, но в достаточной степени в Китае) к созданию царской бюрократии, вначале это была только бюрократия, связанная со строительными работами, но затем она привела к полной бюрократизации управления, которая давала царю возможность с помощью персонала и доставляемых им доходов взять снабжение армии в свои руки, осуществляя его посредством своих бюрократических хозяйственных органов. «Офицер» и «солдат», вся составленная из призывников, снаряженная и снабженная необходимым из государственных складов армия стала здесь основой военной силы. Следствием этого были отделение солдат от средств военных действий и безоружность подданных. На этой почве не могла возникнуть политическая, независимая по отношению к царской власти бюргерская община, так как бюргер больше не был воином. Совершенно иначе обстояло дело на Западе. Здесь вплоть до периода императорской власти сохранился принцип самоэкипировки войска, независимо от того, состояло ли оно из несущих военную повинность в силу военного банна [36] крестьян, рыцарей или городской милиции. А это означало военную самостоятельность отдельных военнообязанных. В самоэкипирующейся армии действует принцип, согласно которому военачальник в значительной степени зависит от доброй воли войскового состава, на повиновении которого полностью основана его политическая власть; об этом свидетельствуют уже отношения между Хлодвигом и его войском [37]. По сравнению с каждым отдельным лицом, даже по сравнению с небольшими их группами, он сильнее, но перед всеми или большими их объединениями, если таковые возникают, он беззащитен. Такой военачальник лишен бюрократического, слепо ему повинующегося, ибо полностью от него зависящего, аппарата принуждения, с помощью которого он, не вступая в переговоры с независимыми в военном и экономическом отношении аристократическими родами, из чьих рядов он вынужден рекрутировать органы своего управления, – своих сановников и должностных лиц на местах, – мог бы проводить свою волю и тогда, когда эти слои сплачиваются против него. Между тем такие союзы возникали всегда, как только предъявлялись новые требования экономического характера, в частности требования денег. Этим объясняется возникновение на Западе, и только там, «сословий», а также возникновение корпоративных и автономных городских общин. Финансовая помощь горожан вынуждала сеньоров обращаться к ним в случае необходимости и заключать с ними договор. Такой финансовой мощью обладали также гильдии в Китае и

Индии, «денежные люди» Вавилона, что заставляло царей, дабы не спугнуть их, и там в известной мере считаться с ними. Но это еще не давало возможности городским жителям, какими бы богатыми они ни были, сплотиться и выступить как военная сила против властелина города. В отличие от них, все *conjuraciones* и объединения Запада начиная с раннего периода античности были вооруженными городскими союзами. И это было решающим.

§3. Город в период господства родовой знати в средние века и в древности

Поскольку в *conjuratio* входили не только ведущие аристократические роды, а вообще все землевладельцы города, то официально собрание горожан, называемое в Италии *parlamentum*, считалось высшим суверенным органом коммуны. И формально такое его значение часто сохранялось. Фактически же именно в первое время власть полностью находилась в руках аристократических родов. Очень скоро право занимать административные должности и заседать в городском совете стало и формально привилегией ограниченного числа «родов». Нередко они с самого начала считались единственными обладающими правом заседать в совете, хотя такого формального установления еще не было. Там, где преимущественное право знати не существовало с самого начала, оно, как мы отчетливо видим на примере Англии, совершенно естественно возникало как следствие хорошо известного правила, согласно которому только потомки тех, кто обладал экономическим могуществом, могли постоянно участвовать в заседаниях совета и обсуждать текущие дела. Ибо вначале участие в делах управления воспринималось повсюду как бремя, которое необходимо было нести, если к этому принуждала официально установленная обязанность. В раннее средневековье горожанин обязан был являться на три ежегодных очередных «судебных собрания». От участия в остальных был свободен каждый, кто не был политически заинтересован в них. Рассмотрение дел находилось естественным образом в ведении тех, кто пользовался признанием вследствие своего имущественного положения, и – что не следует забывать – вследствие основанной на этом способности носить оружие и своей военной силы. Поэтому, как показывают более поздние источники о ходе заседаний в итальянских *parlamenta*, горожане, присутствовавшие в большом числе на этих собраниях, лишь в исключительных случаях оказывались не просто публикой, которая криками одобрения принимала предложения знатных лиц или выражала свое неодобрение протестующим возгласами, и никогда, насколько мы осведомлены о событиях этой ранней стадии, действительно не влияла на выборы или мероприятия городского управления. Большинство часто составляли зависимые от представителей родовой знати люди. Соответственно этому позже захват власти стоящим вне аристократических родов *popolo* [38] повсюду шел параллельно устранению общих хаотических собраний горожан и замене их более узким собранием, состоящим из представителей населения города или из твердо определенного круга квалифицированных граждан; установление же тирании и поражение *popolo* ознаменовались созывом старых *parlamenta*, от которых еще Савонарола [39] предостерегал флорентийцев.

Во всяком случае фактически, если и не формально-юридически, город возникал как сословный союз, управляемый различным по своей численности кругом родовой знати, о своеобразии которой речь пойдет ниже, или становился таковым. В одних случаях это фактическое господство родовой знати переходило в урегулированную правовую монополизацию власти над городом, в других – оно теряло в результате ряда восстаний свою силу или вообще устранялось. Знать, монополизировавшую управление городом, обычно называют «родовой знатью», а период ее преобладающего влияния – «господством знатных родов». Эти «роды» не были единообразны по своему характеру; общим для них было то, что их могущественное социальное положение основывалось на землевладении и на доходах от предпринимательской деятельности, которой сами они непосредственно не занимались. Но в остальном они могли очень отличаться друг от друга. В средние века сословная принадлежность определялась одним специфическим признаком – рыцарским образом жизни. Он давал право на участие в турнирах, на получение ленов и на все атрибуты принадлежности к определенному сословию наряду с внегородским рыцарством. В Италии несомненно, но в большинстве случаев и на севере к «знатным родам» причисляли лишь те слои городского населения, которые обладали этим признаком. Поэтому в тех случаях, где прямо не сказано иное, мы в дальнейшем, признавая, конечно, текучесть переходов, а *potiori* [40] всегда будем помнить об этом признаке, когда речь пойдет о «родах». Господство родовой знати привело в некоторых исключительных случаях к образованию специфической городской аристократии, особенно там, где, как в античности, развитие определялось заморской политикой торговых городов. Классическим примером может служить Венеция.

Развитие Венеции определялось прежде всего продолжением местных наборов рекрутов, установленных со времен Адриана и увеличивавшихся вместе с ростом литургического характера позднеимперского и византийского государственного хозяйства. Солдаты гарнизонов все больше рекрутировались из местного населения, практически их поставляли посессоры из числа своих колонов. Под началом *dux* находились командиры отрядов, трибуны, формально их должность была также литургической повинностью, фактически же правом местных посессоров, из рядов которых они происходили; как и повсюду, эта должность стала фактически наследственной в определенных родах, тогда как *dux* до VIII в. назначался Византией. Эти роды трибунов, т. е. военная аристократия, были ядром старейших родов города. С ослаблением денежного хозяйства и ростом милитаризации в Византийской империи власть знатных трибунов полностью заменила римские курии и *defensores*[41]. Первое восстание, которое привело в Венеции к началу образования города, было направлено, как и во всей Италии, в 726 г. против тогдашнего иконоборческого правительства и его чиновников и завоевало на долгое время право выборов *dux* знатными трибунами и клиром. Вскоре началась длившаяся три столетия борьба дожа, стремившегося обрести наследственную патримониальную власть над городом-государством, со своими противниками-знатью и патриархом, который был, в свою очередь, заинтересован в том, чтобы остановить притязания дожа на создание «частной церкви»[42]. Дожа поддерживали дворы императоров Востока и Запада. Византия благосклонно отнеслась к назначению сына дожа соправителем, что в соответствии с античной традицией было скрытой попыткой учредить наследственность престола. Приданое Вальдрады[43], дочери германского императора, позволило последнему кандидату [44] еще раз увеличить иноземную свиту, и прежде всего отряд телохранителей, на который с 811 г. опирался дож. В то время патримониальный характер власти дожа над городом пластически выступает во всех ее проявлениях: дож был крупным землевладельцем и купцом, он монополизировал (отчасти по политическим причинам) почту между Востоком и Западом, которая шла через Венецию, а с 960 г. и работоторговлю вследствие запретов ее церковью. Невзирая на протесты церкви, он назначал и смещал патриархов, аббатов, священников. Дожа решала судебной инстанцией, правда в пределах действия принципа судебного собрания, проникшего и сюда под франкским влиянием [45], назначал судью и выносил решение по спорным приговорам. Управление он осуществлял частично через должностных лиц своего двора, частично с помощью церкви. Последнее особенно в тех случаях, когда речь шла об иноземных поселениях венецианцев. Его отношение к своей власти как к личной собственности, не отделенной от государственной, проявлялось не только в назначении соправителя, но в одном случае выразилось даже в завещании. Дожа снаряжал флот преимущественно на собственные средства, держал наемников и распоряжался поставками ремесленников двору, подчас произвольно их увеличивая. Такое увеличение, вызванное, вероятно, ростом расходов на внешнюю политику, и послужило в 1032 г. поводом к завершившемуся победой восстанию, а это, в свою очередь, было использовано постоянно находившейся в оппозиции знатью для того, чтобы в значительной степени сломить власть дожа. Как это всегда бывает в условиях военной самозакрепости, дож был сильнее всех отдельно взятых родов (или их групп), но уступал им, если все они объединялись в союз. А такой союз тогда, как и в наши дни, выносил свое решение, когда дож предъявлял родам финансовые требования. Господство сидящих на Риалято [46] родов городской знати началось в сравнительно демократических правовых формах. Так называемым «первым основным законом республики» было запрещение назначать соправителя, что должно было предотвратить наследственность власти (как это было в Риме). После «сословно-государственного» промежуточного периода, когда права и обязанности распределялись между дожем и коммуной, как в других местах между властителем территории и выборными представителями, все остальное было установлено избирательными капитуляциями [47], которые формально низвели дожа до уровня строго контролируемого, связанного ограничивающим его церемониалом, оплачиваемого чиновника, следовательно, социально к *primus inter pares* в корпорации знати. Справедливо указывалось (Ленелем), что господствующее положение дожа, основанное также на иноземных связях, было ограничено и в области внешней политики, которая перешла к совету *sapientes* (с 1141 г. это подтверждается). Необходимо особо подчеркнуть, что здесь, как и повсюду, привлечение патрициата к управлению стало неизбежным прежде всего в силу финансовых требований, связанных с военной, колониальной и торговой политикой, подобно тому как впоследствии на континенте основой растущей власти сословий стали войны государей, ведение которых было связано с финансами страны. Хрисовул [48] императора Алексея [49] означал конец торгового господства греков и возникновение торговой монополии Венеции на

Востоке за предоставление охраны Восточной империи на морях и финансовой поддержки. Значительная часть государственного, церковного и частного капитала венецианцев в греческой империи была вложена, принося им ренты, в торговлю, в эргастерии [50] разного рода, в государственную аренду и в земельную собственность. Выросшая для охраны этих прав военная мощь Венеции привела к ее участию в завоевательной войне латинян и к приобретению знаменитых «трех восьмых» (*quarta pars et dimidia*) Латинской империи [51]. По распоряжению дожа Дандоло все колониальные приобретения передавались на основе тщательно составленных правовых решений коммуне и ее должностным лицам, а не дожу, что подтвердило его бессилие. Естественным следствием такой внешней политики были государственные долги и постоянные расходы коммун. Эти финансовые потребности могли быть удовлетворены только патрициатом, т. е. той частью старого сословия землевладельцев из среды трибунов, несомненно усиленного новой знатью, которое, входя в состав горожан, могло извлекать доходы посредством предоставления капитала в виде комменды и других форм участия в торговле и иных выгодных предприятиях. В руках этого патрициата находилась как концентрация капитала посредством денежно-хозяйственных операций, так и политическая власть. Поэтому параллельно с ослаблением имущественного могущества дожа шла монополизация всей политической власти в Венецианской республике городом, находящимся под господством патрициата, в противоположность все более теряющей свои политические права сельской местности. В *placita* [52] дожа номинально вплоть до XII в. посылались представители аристократических родов всего герцогства [53]. Но с возникновением Венецианской коммун (*comune Venetiarum*), впервые упоминаемой в источниках в 1143 г., положение изменилось, совет и *sapientes*, которых избирали граждане (*cives*), и которым присягал дож, состояли теперь только из проживающих на Риальто крупных землевладельцев, экономически заинтересованных в заморских вложениях капитала. В 1187 г. почти во всех городах, где господствовала родовая знать, уже существовало деление на Большой совет, выносящий решения, и Малый совет, осуществлявший управление городом. Дальнейшее, не интересующее нас в подробностях развитие вело к фактическому уничтожению собрания всех горожан-землевладельцев, хотя необходимость их одобрения официально сохранялась до XIV в., к назначению дожа узкой выборной коллегией, состоящей из нобилей, к фактическому ограничению выбора должностных лиц кругом фамилий, обладавших правом заседать в совете, и, наконец, к формальному закрытию списка (1297–1315), получившему впоследствии название «Золотой книги». Значительное экономическое превосходство участвовавших в заморских политических и торговых предприятиях родов ускорило этот процесс монополизации власти в их руках. Государственное устройство и техника управления Венеции знамениты установлением патримониально-государственной тирании городской знати, распространившейся на большую сухопутную и морскую территорию, при строгом взаимном контроле друг друга аристократическими фамилиями. Их власть не колебалась, потому что они, подобно спартиатам, располагали всеми средствами господства и сохраняли свои служебные тайны так строго, как нигде более. Возможность этого была обусловлена прежде всего пониманием каждым заинтересованным в громадных монопольных прибылях членом союза значения солидарности интересов во внешних и внутренних делах, что требовало участия каждого в коллективной тирании. Технически же это осуществлялось: 1) посредством борьбы за разделение власти между конкурирующими должностными группами в центральном управлении; различные коллегии особого управления, почти все облеченные судебной и административной властью, конкурировали друг с другом по вопросам своей компетенции; 2) посредством разделения сфер власти между происходившими из кругов знати должностными лицами; судебное, военное и финансовое управление всегда находилось в руках различных должностных лиц; 3) посредством краткосрочности всех должностей и особой системы контроля; 4) с XIV в. посредством политического инквизиционного суда, Совета Десяти, который сначала был следственной комиссией по одному заговору [54], затем превратился в постоянное учреждение по расследованию политических дел и, наконец, стал следить за политическим и повседневным поведением нобилей. Этот орган нередко кассировал постановления Большого совета, короче говоря, обладал своего рода трибунской властью, быстрое и тайное пользование которой позволило ему завоевать высший авторитет в общине. Страшен он был только знати, среди бесправных подданных он, напротив, был наиболее популярным учреждением, предоставлявшим очень действенные средства для успешного удовлетворения жалоб на аристократических должностных лиц, значительно более действенные, чем давал римский репетундный процесс [55].

Параллельно этой монополизации, представляющей особенно ясно и резко выраженный пример развития родовой знати города, монополизации всей власти

над большой, постепенно распространявшейся на континентальную Италию, основанной на наемной военной силе и утверждавшейся в пользу коммуны, сферой господства, а внутри нее в пользу патрициата, возникало с самого начала и другое явление. Растущие расходы общины, которые обуславливали ее зависимость от кредитовавшего ее патрициата, были связаны помимо затрат на наемные войска, снаряжение флота и оснащение армии также и с глубоким изменением системы управления. Помощником патрициата в его борьбе с дожем явилась типичная для Запада окрепшая церковная бюрократия. Ослабление власти дожа не случайно совпало с расколом между государством и церковью в ходе борьбы за инвестицию [56]; все итальянские города извлекли выгоду из уничтожения одной из самых прочных, идущих от права на частную церковь опор патримониальной и феодальной власти. Исключение из сферы управления церковью и монастырей, которые вплоть до XII в. заменяли, арендуя управление в колониях, светский аппарат власти, привело к необходимости создать оплачиваемое светское чиновничество, в первую очередь в колониях. Этот процесс также был временно завершен в правление Дандоло. Система краткосрочных должностей, обусловленная, с одной стороны, политическими соображениями, но также и желанием предоставлять попеременно эти должности по возможности многим, ограничение кругом родовой знати, небюрократическое, строго коллегиальное управление самой правящей столицей – все это служило препятствием созданию профессионального чиновничества, которое должно было возникнуть из господства знатных родов.

В этом отношении развитие остальных итальянских коммун уже в период господства знатных родов шло совершенно иным путем. В Венеции удалось осуществить монополизацию и замкнутость слоя городской знати от вторжений извне. Прием новых фамилий в число имеющих право участвовать в заседаниях Большого совета происходил только по решению корпорации знати на основе политических заслуг, а впоследствии вообще прекратился. В связи с этим удалось полностью подавить распри между членами городской знати, что было необходимо уже в силу постоянно грозившей городу опасности. В других коммунах в период господства знатных родов об этом не было и речи. Ориентация на монополию в заморской торговле нигде не была столь очевидной и непререкаемой основой всего существования знати, как это было в Венеции в определенное время. Вследствие бушевавших повсюду раздоров среди городского патрициата знати приходилось во время своего полного господства считаться с другими, пользующимися влиянием слоями общества. К тому же вражда родов и их глубокое недоверие друг к другу исключали создание рационального управления типа венецианского. Почти повсюду фамилии, обладавшие особенно большой земельной собственностью и многочисленными клиентами, в течение ряда веков противостояли друг другу, каждая из них в союзе с многочисленными, менее богатыми домами стремилась вытеснить с занимаемых должностей и устранить из городского управления других, а если удастся, и вообще изгнать их. Так же как в Мекке, почти все время какая-нибудь часть знати объявлялась неспособной занимать государственные должности, изгонялась и в противоположность арабской галантности нравов объявлялась вне закона, а на имущество накладывался секвестр; это продолжалось до тех пор, пока при перемене политических условий господствующую знать не ждала та же участь. Общность межрегиональных интересов возникла сама собой. Правда, образование партий гвельфов и гибеллинов [57] было отчасти обусловлено государственно-политическими и социальными моментами. Гибеллины принадлежали в подавляющем большинстве случаев к старым фамилиям вассалов королевского дома или действовали под их руководством. Однако в значительной своей части эта партия возникла вследствие противоположности интересов конкурировавших городов, и прежде всего вследствие конкуренции внутри городов интерлокально связанных организаций знати. Эти организации, особенно организации гвельфов, представляли собой прочные союзы со статутами и военными матрикулами, которые в случае необходимости превращали рыцарство отдельных городов в определенные воинские контингенты, подобно немецким матрикулам в походах против Рима. Но если в военном отношении обученное рыцарство было решающей силой, то уже в период господства родов при финансировании военных действий нельзя было обойтись без привлечения бюргеров нерыцарского происхождения. Их заинтересованность в рационально действующем судопроизводстве, с одной стороны, и соперничество партий знати – с другой, привели в Италии и в нескольких граничащих с ней областях к своеобразной должности как бы переезжающего с места на место знатного профессионального чиновника, *podestà*, заменившего прежнего «консула», формально избранного из среды местной знати, фактически же занимавшего должность, монополизированную несколькими борющимися за эту привилегию фамилиями.

Этот институт возник именно во время тяжелых боев коммун с императорами династии Штауфенов [58], потребовавшими внутреннего объединения и усилившими финансовое напряжение. Расцвет института подеста относится к первой половине XIII в. Подеста призывался обычно из чужой общины на короткое время службы и облакался высшей судебной властью; он был обладателем установленного и поэтому, по сравнению с консулами, высокого оклада, выборным должностным лицом, как правило, знатного происхождения и большей частью с юридическим университетским образованием. Выбирался он либо советами, либо, что типично для Италии, определенной для этого комиссией, состоящей из знатных лиц города. При приглашении на должность велись переговоры с общиной, откуда он был родом, а иногда к ней прямо обращались с просьбой назвать подходящее лицо. Согласие общины рассматривалось как дружественный, отказ – как недружественный политический акт. Подчас совершался даже обмен подеста. Приглашенные нередко требовали предоставления заложников как гарантии хорошего обращения, торговались об условиях, как современный профессор, а если условия их не привлекали, отказывались от предложенной должности. Приглашенный должен был сам собрать соответствующее рыцарское сопровождение, пригласить необходимый персонал, состоящий не только из мелких чиновников, но часто и из ученых юристов, помощников и представителей, которые нередко составляли целый штаб. Главной обязанностью подеста было, в соответствии с целью его приглашения, следить за общественной безопасностью и порядком, прежде всего за сохранением мира в городе, наряду с этим часто осуществлять и военное командование, всегда же – правосудие. Все это под контролем совета. Его влияние на законодательство было повсюду довольно ограничено. Как правило, сменялся не только подеста, но менялось, по-видимому преднамеренно, и место, откуда его приглашали. Вместе с тем коммуны придавали значение тому, чтобы их жители занимали по возможности больше должностей в других городах – отчасти, как правильно предполагает Ганауэр, из политических, отчасти из экономических соображений; высокие оклады на чужбине составляли желанный источник дохода местной знати. Важнейшие стороны института подеста были следующие: во-первых, само возникновение этой влиятельной должности. Ганауэр указывает, что в четвертом десятилетии XIII в. только для 16 из 60 городов выявлено 70 человек, которые занимали должность подеста 2 раза, и 20 лиц, занимавших эту должность 6 и более раз; нередко эта должность становилась пожизненной. За сто лет расцвета этого института Ганауэр насчитывает в 60 коммунах 5400 должностей подеста. Существовали знатные фамилии, все время представлявшие кандидатов на эту должность. К этому надо еще присоединить значительное число необходимых, имеющих юридическое образование помощников. К этой подготовке части знати для участия в строго деловом особо контролируемом местным общественным мнением управлении присоединялся еще один момент. Для того чтобы юрисдикция подеста родом из чужой общины была осуществимой, действующее право необходимо было кодифицировать, рационализировать и переработать в единое для разных областей. Как и в других местах интересы князей и должностных лиц требовали возможности их повсеместного осуществления, так здесь, исходя из близких этому причин, институт подеста способствовал рационализации права, и в частности распространению римского права.

Институт подеста в его типическом выражении был явлением, ограничивающимся областью Средиземноморья. Отдельные аналогии встречаются и на Западе. Так, в Регенсбурге (в 1334 г.) местные жители не были допущены к занятию должности бургомистра, приглашен был рыцарь из другого места, и после него эту должность в течение 100 лет все время занимали чужеземцы: это было время внутреннего мира после раздирающих город междоусобиц родов и борьбы с изгнанными представителями знати.

Если в Венеции городская знать формировалась на основе строго выраженного господства родов без существенных нарушений этого процесса и во главе остальных коммун Италии также стояла родовая знать, то на севере развитие замкнутого городского патрициата происходило отчасти на иной основе, отчасти под действием противоположных мотивов. Типичным примером ярко выраженного отличия может служить развитие олигархии английского города. Здесь решающей в установлении строя была королевская власть. Правда, она отнюдь не с самого начала так твердо, как впоследствии, противостояла городам. Не было этого еще даже после норманнского завоевания. Вильгельм Завоеватель не пытался после битвы при Гастингсе [59] завоевать Лондон, но, зная, что обладание этим городом с давних пор означало обладание английской короной, достиг своего признания лондонскими горожанами посредством договора. Ибо хотя во времена англосаксов легитимной властью в городе обладали епископ и назначенный королем *portreeve* [60], – к ним и обращается

в своей хартии Вильгельм Завоеватель, – но голос лондонского патрициата имел большой вес едва ли не при каждом избрании англосаксонского короля. В представлении горожан королевское достоинство не означало без их свободно выраженного согласия господства над их городом и еще в правление Стефана [61] их согласие было в самом деле решающим. Однако вскоре после признания его лондонцами Вильгельм Завоеватель построил в Лондоне свой Тауэр. С тех пор Лондон, как и другие английские города, облагался налогом по усмотрению короля.

Военное значение городов пало в норманнский период в результате объединения государства, прекращения угрозы извне и роста значения крупных, живущих в своих владениях баронов. Феодалы строили теперь свои укрепленные замки вне городов. С этого здесь начинается, как мы впоследствии увидим, характерное для Запада вне пределов Италии разделение между военной властью и бюргерством. Английские города в противоположность итальянским почти полностью утратили в это время господство над сельской местностью, которым они раньше, по-видимому, обладали в качестве больших городских общин. Они превратились в экономически ориентированные корпорации. Здесь, как и везде, бароны стали основывать города, предоставляя им привилегии очень различного содержания. Однако нет никаких следов борьбы городского населения с королем или с другими сеньорами города. Нет и следа и каких-либо узурпации, которые привели бы к уничтожению бурга короля или других городских сеньоров или к необходимости перемещать бурги за пределы города. Нет никаких сведений и о том, что в борьбе против короля было создано войско горожан, что насильственно было введено собственное судопроизводство с выборными лицами вместо королевских судей и создано собственное кодифицированное право.

Конечно, в силу королевского пожалования и в Англии возникали особые городские суды, которым предоставлялась привилегия заменять судебный поединок ведением рационального процесса и которые вместе с тем могли отклонять нововведения в королевском процессе, а именно *jury* [62]. Но правотворчество оставалось исключительной прерогативой короля и королевских судов. Король предоставлял городу особое судебное положение, чтобы иметь его на своей стороне в противостоянии феодальной знати; тем самым города извлекали выгоду из типичной для феодализма борьбы. Но важнее судебных привилегий была – и это свидетельствует о высоком положении короля – автономия городов в области фискального управления, которой они постепенно сумели достигнуть. С точки зрения короля, город был до правления Тюдоров [63] прежде всего объектом налогообложения. Коррелятом бюргерских привилегий, *gratia emendi et vendendi* [64] и торговых монополий служила особая налоговая повинность горожан. Налоги отдавались на откуп, и главными претендентами были наряду с богатыми горожанами, естественно, наиболее состоятельные королевские чиновники. Постепенно горожанам удалось устранить конкурентов и взять у короля на откуп право взимания налогов за взнос общей суммы (*firma burghi*), а затем с помощью отдельных взносов и подарков – и дальнейшие привилегии, в первую очередь право самим выбирать шерифа. Несмотря на то что, как мы увидим, среди горожан было много лиц с ярко выраженными сеньориальными интересами, решающими для конституирования города были экономические и финансовые соображения. Правда, *conjuratio* горожан, распространенная на континенте, встречается и в английских городах. Но здесь она принимала типичную форму монопольной гильдии. Впрочем, не повсюду. В Лондоне, например, ее не было, но во многих других городах гильдия в качестве гаранта фискальной повинности была решающим объединением в городе. Часто она, так же как цех богатых в Кельне, предоставляла право гражданства. В медиатизированных городах [65] ей большей частью удавалось добиться особой юрисдикции над членами гильдии, но именно как таковыми, а не как горожанами. Почти везде она фактически, если и не юридически, была союзом, управляющим городом. Ибо горожанином был по-прежнему тот, кто участвовал в несении королю повинностей (по охране, страже, судопроизводству) и уплате податей. Горожанами были не только те, кто жил в городе; в союз горожан входили, как правило, и соседние землевладельцы – джентри (*gentry*). Членами лондонской общины были в XII в. почти все крупные епископы и должностные лица страны знатного происхождения, так как у всех них были дома в Лондоне, резиденции короля и местопребывания административных учреждений; явление, характерное как параллель, еще больше как пластическое отклонение от условий в Римской республике. Те, кто не были в состоянии участвовать в уплате налоговых гарантий городской корпорации, а платили подати королю от случая к случаю, следовательно, главным образом люди неимущие, тем самым исключались из числа активных горожан. Все привилегии города были пожалованиями короля или сеньоров, которые толковались, правда, произвольно. В Италии, впрочем, это

также часто происходило. Но развитие в Англии полностью отличалось от развития в Италии тем, что города стали привилегированными корпорациями внутри сословного государства – после того как понятие корпорации вообще было реципировано английским правом, – органы которых имели определенные отдельные права, полученные в силу особых правовых норм. Совершенно так же, как отдельные права апроприировались баронами или торговыми корпорациями. Переход от привилегированной *comraun* к гильдии и городской корпорации был текучим. Особое правовое положение горожан складывалось, таким образом, из совокупности привилегий, которые они приобретали внутри сословного, полуфеодального, полупатримониального государственного союза. Но эти привилегии проистекали не из принадлежности к обладающему политическим господством корпоративному, вовне политически независимому союзу. В общих чертах развитие шло следующим образом: сначала города были принудительными союзами, несущими королю литургические повинности, отличающиеся правда, от повинностей деревень, затем в многочисленных, основываемых королем и крупными землевладельцами городах, получивших экономические и сословные привилегии на основе особых пожалований, устанавливались принципиальное равенство прав всех обладающих земельной собственностью горожан и ограниченная автономия; вслед за тем частные вначале гильдии признавались в качестве гарантов финансовых повинностей королевскими привилегиями, и, наконец, городу жаловалось право корпорации) Коммуной в континентальном понимании был Лондон. Генрих I предоставил Лондону право самому выбирать шерифа, с конца XII в. король Иоанн [66] признал город коммуной, союзом горожан с выборными, как и шериф, мэром и *scivini* (шеффенами); с начала XIII в. последние вместе с таким же числом выборных советников (*councillors*) объединены в совет: Откуп коммуной должности шерифа в Миддлсексе дал ей господство над всей округой. С XIV в. бургомистр Лондона носит титул лорда. Большинство же других городов были или, вернее, стали после недолгих попыток образовать политические общины простыми принудительными союзами с определенными специфическими привилегиями и твердо установленными корпоративными правами автономии. Формирование цеховой организации будет рассмотрено ниже, но уже здесь можно сказать, что и она не изменила основной характер английских городов. Споры по вопросам городского устройства, возникавшие между цехами и знатными родами, разрешал король. Ему города были обязаны платить налоги до тех пор, пока сословное представительство в парламенте не установило коллективные гарантии против введения произвольного обложения, чего не могли добиться собственными силами ни отдельные города, ни города в их совокупности. Право активного горожанина оставалось наследственным правом членов корпорации и приобреталось посредством взноса в определенные союзы. Отличие от развития на континенте имело вследствие особенностей английского корпоративного права очень большое значение, хотя иногда и сводилось только к степени: в Англии не возникло понятия территориальной корпоративной общины.

Причина этого своеобразного развития заключалась в не встречающей препятствий, усиливавшейся со времени Тюдоров власти королевского управления, которое служило основой политического единства страны и единства правового устройства. Хотя королевское управление строго контролировалось сословиями и зависело от поддержки знати, но именно это вело к тому, что экономические и политические интересы связывались не с интересами отдельных замкнутых городских общин, а были ориентированы на центральное управление; от него ждали предоставления шансов на получение экономических выгод и социальных преимуществ, гарантий монополии и помощи при нарушении привилегий. Короли, полностью зависевшие в финансовом отношении и в деле управления от привилегированных сословий, боялись их. Однако в своей политике они также ориентировались на власть парламента как центрального учреждения. Они пытались только проводить свою политику при парламентских выборах, влияя на характер городского устройства и на личный состав городских советов, и поэтому поддерживали олигархию знати. Представители знати, в свою очередь, могли получить гарантию своего монопольного положения от посягательств непривилегированных слоев от центрального управления, и только от него. Вследствие отсутствия собственного бюрократического аппарата короли именно в своей политике централизации нуждались в содействии знати. В Англии причина, которая привела горожан к власти, но не к их военному могуществу, носила чисто негативный характер; она заключалась в неспособности феодального управления, несмотря на его относительно высокий технический уровень, осуществить действительное господство над страной без постоянной поддержки экономически могущественной знати. Военная сила большинства английских городов была в средние века сравнительно незначительной. Но тем более значительной была финансовая сила горожан. Однако она находила свое

выражение в сословном единении *commons* коллективно в парламенте, в виде интересов привилегированного городского сословия, и поэтому с парламентом были связаны все интересы, выходящие за пределы хозяйственных преимуществ локальных монополий. Здесь, следовательно, впервые выступает межрегиональное, национальное городское сословие. Растущая власть бюргерства как в системе королевского управления – в сфере деятельности мировых судей, так и в парламенте, следовательно, их сила в сословном аристократическом государстве, препятствовала возникновению мощного политического движения отдельных коммун как таковых – основой политического объединения горожан стали не местные, а межрегиональные интересы – и способствовала формированию бюргерско-торгового характера английской городской олигархии. Поэтому примерно до XIII в. развитие английских городов сходно с развитием немецких городов, но затем, в отличие от сравнительно демократического строя городов континента, в них растет господство джентри, которое уже больше не удалось сломить. Должности, прежде всего должность олдермена, первоначально выбираемая ежегодно, стали в своей значительной части пожизненными и очень часто фактически занимались посредством кооптации или под влиянием соседних сеньоров. Королевское правительство поддерживало по указанным причинам это развитие, подобно тому как римское правительство поддерживало олигархию земельной аристократии в зависимых городах.

Иными, чем в Англии, с одной стороны, и в Италии – с другой, были условия развития на севере европейского континента. Здесь развитие патрициата отчасти продолжало уже существовавшие при возникновении союза горожан сословные и экономические различия. Так же обстояло дело и при основании городов. 24 *conjuratores fori* [67] во Фрейбурге имели с самого начала налоговые привилегии и были призваны занимать должность консулов. Но в большинстве основываемых городов, в том числе и во многих приморских городах севера, приближавшихся по своей природе к плутократии купцов, формальное ограничение права заседать в совете складывалось лишь постепенно, обычно следующим образом: очень часто применяемое право действующего совета предлагать кандидатов, или фактическая привычка следовать мнению членов совета о тех, кто будет заседать после них, или, наконец социальный вес в сочетании с фактической необходимостью иметь в совете опытных деловых людей вели к пополнению совета путем кооптации и тем самым передавали коллегии совета твердо ограниченному кругу привилегированных фамилий. Насколько легко подобное может происходить и в современных условиях, показывает пополнение гамбургского сената, который, несмотря на избирательное право его жителей, оказался на сходном пути. На отдельных сторонах этого процесса мы здесь останавливаться не можем. Такие тенденции проявлялись везде, различной была только степень их формального выражения в праве.

Роды, монополизировавшие право заседать в совете, могли с легкостью сохранять это право до тех пор, пока не существовало резкой противоположности интересов между ними и не допускаемыми к избранию горожанами. Но как только между ними стали возникать конфликты и вместе с богатством и образованием самосознание исключенных из органов управления горожан, а также их понимание своей пригодности для управления настолько возросли, что они не могли уже выносить свою отстраненность от власти, возможность революций стала близкой. Эти революции осуществляли связанные клятвой объединения горожан, а за ними стояли или действовали вместе с ними цехи. При этом выражение «цех» не следует преимущественно или исключительно понимать как «цех ремесленников». Сначала движение против знатных родов отнюдь не было в первую очередь движением ремесленников. Лишь в ходе дальнейшего развития ремесленники стали, как будет показано ниже, выступать самостоятельно, вначале же ими почти повсюду руководили неремесленные цехи. Весьма различный успех восстаний цехов мог, как мы в дальнейшем увидим, в исключительных случаях приводить к тому, что в совет входили только представители цехов и полноправным горожанином мог быть только член цеха.

Лишь подобный рост значения цехов означал практически (как правило) полное или частичное завоевание власти «бюргерскими» классами в экономическом смысле слова. Господство цехов в той или иной степени всегда совпадало со временем наивысшего господства вовне и с наибольшей политической независимостью города внутри страны.

Бросается в глаза сходство этого «демократического» развития с судьбой античных городов, большинство которых пережило подъем в период господства знати, начавшийся примерно с VII в. до н.э., и быстрый рост политической и

экономической власти, связанный с развитием демократии или, во всяком случае, с тенденцией к этому. Это сходство несомненно, хотя античный полис возник на иной основе. Нам следует теперь сравнить античный город в период господства аристократических родов со средневековым.

Можно предположить, что в Греции в период микенской культуры, во всяком случае в Тиринфе и в самих Микенах, существовало основанное на барщинном труде патримониальное государственное образование восточного типа, хотя и значительно меньших размеров. Без использования изнурительного барщинного труда немыслимо создание этих поразительных построек, ни с чем не сравнимых вплоть до классического времени. На восточных границах тогдашней эллинской культуры (на Кипре) было, очевидно, даже управление, применявшее в расчетах и списках своеобразную письменность, напоминавшую египетскую, следовательно, управление патримониально-бюрократического типа, располагавшее складами, тогда как позже, даже в классическое время, управление в Афинах велось почти целиком устно, без записей. Бесследно исчезла как эта письменность, так и эта культура. В «Илиаде» при перечислении кораблей говорится о наследственных царях, господствовавших над большими территориями, в которые входят несколько, иногда много местностей, известных впоследствии как города; они мыслятся как крепости, ряд которых властитель, в данном случае Агамемнон, готов дать Ахиллу в ленное пользование. В Трое при царе были советники, старцы из знатных родов, вследствие преклонного возраста освобожденные от военной службы. Во главе войска стоял Гектор, а при заключении договоров обращались к Приаму. О письменном договоре, быть может символическом, упоминается лишь один раз. В остальном все отношения исключают управление, связанное с барщиной и с патримониальной властью. Царская власть носит здесь харизматически-родовой характер. Но даже чужеземцу в городе, Энею, может быть приписана надежда заменить Приама, если он убьет Ахилла. Ибо царская власть рассматривается как «достоинство» типа должности, а не как владение. Царь – военачальник, он участвует в суде вместе со знатными людьми. Он – представитель народа перед богами и людьми, владеет полагающейся ему землей, но власть его, как особенно отчетливо это показано в «Одиссее», подобна власти вождя, основанной на личном влиянии, а не на установленном авторитете. Военные походы, большей частью морские, также носят для знатных родов скорее характер некоей авантюры, в которой они участвуют в качестве свиты царя, а не несут службу. Спутники Одиссея называются так же, как впоследствии свита македонских царей, – *hetairoi*. Долголетнее отсутствие царя не считается причиной возможных беспорядков, в Итаке царь долгое время вообще отсутствует, и Одиссей поручает свой дом заботам Ментора, которому ни в коей степени не присуще царское достоинство. Войско состоит из царей, успех определяется поединком. Пехота не играет никакой роли. В гомеровском эпосе несколько раз идет речь о политическом рынке города; и если *Ismagos* назван «полисом», то под этим может иметься в виду и «бург», но, несомненно, не отдельного лица, а Киконов. На щите Ахилла изображены сидящие на рыночной площади старейшины выдающихся богатством и военной силой родов, которые творят суд; окружающий их народ встречает выступления сторон одобрением. Жалоба Телемаха рассматривается на рыночной площади в ходе регулируемой герольдом дискуссии, в которой участвуют вооруженные представители знатных родов. Знатные, присутствующие там вместе с царями, – землевладельцы и судовладельцы, сражающиеся на колесницах. Но к власти причастны лишь те, кто живут в полисе. То, что царь Лаэрт отошел от дел и отправился в свои владения, показывает, что он принадлежал к старейшинам. Как у германцев, сыновья из знатных родов участвуют в качестве дружины (*hetairoi*) в авантюрных похождениях героя – в «Одиссее» – царского сына. У феаков знать считает своим правом привлекать народ к участию в затратах на подношения гостям. Нигде не сказано, что все сельские жители были зависимыми или рабами знатных землевладельцев, но нет никаких упоминаний и о свободных крестьянах. Фигура Терсита доказывает, во всяком случае, что и рядовой, т. е. не сражающийся на колеснице воин, может иногда противоречить знатным господам, однако это считается дерзостью. Царь работает в доме, мастерит кровать, возделывает сад. Его спутники ведут корабль. Вместе с тем рабы могут надеяться получить *kleros*. Следовательно, здесь еще не было столь резкой разницы между рабами и наделенными землей клиентами, как позже в Риме. Отношения патриархальные, все необходимые потребности удовлетворяются собственным хозяйством. Пиратские набеги осуществляются на собственных кораблях, торговля носит пассивный характер, активно ею занимаются в то время лишь финикийцы. Помимо «рынка» и жительства знати в городе есть еще два важных явления: во-первых, *agorá*, господствующий впоследствии во всей жизни того времени, он естественно возник из рыцарского чувства чести и как следствие военного обучения юношества на отведенных для этого местах.

Внешне он проявляется прежде всего в организации культа умерших героев-воинов (Патрокл). Агон в то время определял образ жизни знати. Во-вторых, вольное, несмотря на дейсидемонию [68], отношение к богам, отражение чего в поэзии впоследствии так неприятно поражало Платона. Подобное неуважение общества героев к богам могло возникнуть только в ходе странствий, в частности заморских, там, где жизнь проходила вдали от древних храмов и отеческих могил. В творениях Гомера нет упоминания о коннице знати, известной истории родового полиса, вместе с тем поразительным образом говорится о более поздней по своему происхождению дисциплинированной борьбе выступающих сомкнутыми рядами гоплитов – доказательство того, сколь различные эпохи нашли свое отражение в эпосе.

В историческое время, вплоть до возникновения тирании, харизматически-родовая царская власть, за исключением Спарты и немногих других мест (Кирена), существует лишь в отдельных проявлениях или в воспоминаниях (во многих городах Эллады, а также в Этрурии, в Лациуме и Риме), причем всегда как царская власть над одним полисом, власть харизматически-родовая, обладающая сакральными правами; но нигде, за исключением Спарты и Рима, царь ничем, кроме внешних почестей, не отличался от других знатных, которых также подчас называли «царями». На примере Кирены мы видим, что источником власти царя, его особого положения, служит транзитная торговля, осуществляемая непосредственно или выражающаяся в контроле и защите. По-видимому, торговая монополия царя была уничтожена борьбой с самостоятельной в военном отношении знатью, обладавшей колесницами, войсками и кораблями; это произошло, когда пали крупные восточные государства – египетское и хеттское, – с которыми Микены были связаны определенными отношениями, а другие большие царства, такие, как Лидийское, еще не возникли; когда уничтожены были, следовательно, монополия торговля и основанные на принудительном труде государства восточных царей, структуру которых в меньшем масштабе повторяла микенская культура. Это крушение экономической основы царской власти сделало, по-видимому, возможным и так называемое дорийское вторжение. Начинаются пиратские набеги на побережье Малой Азии, где во времена Гомера еще не было эллинских поселений и еще отсутствовали сильные политические союзы. Начинается период оживленной торговли греков.

Исторические данные рисуют типичный античный город с родовым строем. Это был всегда приморский город; до времени Александра и самнитских войн [69] не существовало полиса, который был бы расположен дальше, чем на расстоянии дневного перехода от моря. Вне полиса жили только в деревнях (<греч.>) при лабильных политических связях «племен» (<греч.>). Добровольно или насильственным путем прекративший свое существование полис «диойкизировался» на деревни, напротив, реальной или фиктивной основой государства считался процесс «синойкизма» – «объединение» родов, по приказу царя или по договоренности, в укрепленной крепости или вблизи от нее. Этот процесс был известен и в средние века. Например, описанный Готейном синойкизм в Аквилее и при основании Александрии. Но его внутреннее содержание проявлялось в античности более ярко, чем в средние века. Длительное реальное совместное поселение не было здесь существенным и необходимым признаком; как средневековые, так и античные знатные фамилии либо продолжали жить в своих поместьях (например, в Элиде), либо, как правило, сохраняли наряду со своими городскими домами владения вне города. Так, родовым владением была Декелея, по названию родовых владений именовались многие аттические деревни и часть римских триб. Область Теос была разделена на «башни». Правда, центром власти знатных родов оставался все-таки город. Политические и экономические господа страны – крупные землевладельцы, кредиторы торговцев и заимодавцы крестьян, – принадлежали к *astoí*, к проживающим в городе представителям знатных родов, и процесс переселения сельской знати в города все время возрастал. В классическую эпоху родовые бурги вне города были уничтожены. Родовые некрополи искони находились в городах. Существенным же в конституировании полиса принято считать объединение родов в культовое сообщество, замену пританеев отдельных родов общим пританеем города, где пританы совершали общую трапезу. Это означало в древности не только, как в средние века, что *conjunctio* горожан, превратившись в коммуны, получает своего городского святого, но нечто большее – возникновение нового местного сообщества трапезы и культа. Не хватало еще общей церкви, к которой в средние века уже принадлежали все люди. Правда, с давних пор наряду с местными богами были и повсеместно чтимые боги. Но братскому единению препятствовала отсутствовавшая в средние века прочно укоренившаяся и важнейшая в повседневной жизни форма замкнутого от внешних влияний культа,

совершавшегося отдельным родом. Участие в таком культе было также строго ограничено его членами, как в Индии. Лишь отсутствие магических границ табу могло создать возможность единения. Здесь же непререкаемым было, что боги, которым поклонялся род, принимают жертвы только от членов данного рода. И это требование распространялось на все остальные союзы. В число этих связанных культовыми узами полиса объединенных религиозных союзов рано вошли продолжавшие затем существовать до позднего времени филы и фратрии, к которым должен был принадлежать каждый, кто желал считаться членом городского сообщества. Можно с уверенностью предположить, что фратрии возникли раньше, чем город. Позже они стали по преимуществу культовыми союзами, но сверх того осуществляли, например в Афинах, и контроль над способностью детей носить оружие и связанной с этим их пригодностью быть наследниками в роде. Первоначально эти организации были, вероятно, военными союзами типа известного нам «дома мужей», сохранившегося в виде названия (*andreion*) в дорических военизированных государствах и в Риме (*curia=coviria*) [70] для обозначения подразделений объединенной в полис военной общины. Общая трапеза (*syssitia*) спартиатов, уход способных носить оружие мужчин из семей на время выполнения ими военной обязанности и аскетическое военное воспитание мальчиков полностью соответствуют общему характеру воспитания юношей в ранних военных союзах. Однако вне нескольких дорических союзов этот радикальный милитаристский полукommунизм военных союзов в историческое время нигде не утвердился, и даже в Спарте позднейшая строгость его проведения была связана с военной экспансией спартанского демоса после уничтожения знати и вызвана необходимостью сохранить дисциплину и сословное равенство всех воинов. В обычных фратриях других городов, напротив, властью обладали только знатные роды (<греч.>), о чем свидетельствуют акты Демотионидов – древнего, живущего в Декелее рода; еще по законам Драконта для выполнения смертных приговоров назначались «десять лучших» т. е. выдающихся по своему богатству членов фратрии.

В более позднем городском устройстве фратрии считались подразделениями фил (в Риме трех древних личных «триб»), на которые делился обычный эллинский город. Название фила технически связано с полисом, для не организованного в городской союз «племени» принято выражение «этнос», а не фила. В историческое время филы – искусственно созданные подразделения полиса, образованные для взимания государственных налогов, для голосования и занятия должностей, для деления войска, распределения доходов с государственного имущества, добычи, завоеванных земель (так происходило при разделении Родоса), но одновременно филы были, как и чисто рационально созданные повсюду подразделения раннего времени, и культовыми союзами. Искусственно образованы были и три типичные филы дорян, о чем свидетельствует уже название третьей филы «*ramphyler*», полностью соответствующее римской традиции в названии трибы «*luceres*». Возможно, что филы часто возникали на основе компромисса между местным населением и вторгшимися воинами-завоевателями; этим может объясняться и наличие в Спарте двух царских родов неодинакового ранга, соответствующее и римской традиции, повествующей о первоначальном существовании двух царей. Во всяком случае, в историческое время филы были не локальными, а чисто личными союзами, возглавляемыми большей частью харизматически-родовыми, первоначально наследственными, позже выбираемыми «царями фил». В филы и фратрии, трибы и курии входили в качестве активных и пассивных граждан жители полиса, способные носить оружие. Активными гражданами, т. е. занимавшими должности в городском управлении, были, однако, только члены знатных родов. Поэтому определение «горожанин» часто прямо тождественно значению «сородич». Причисление к знатым родам первоначально, несомненно, было связано с харизматически-родовым достоинством правителя округа, а со времен возникновения сражений на колесницах и возведения замков с владением таковыми. В полисе в период власти царей новая знать возникала, вероятно, с такой же легкостью, как в средние века происходило возвышение ведущих рыцарский образ жизни лиц до уровня владетелей ленов. Но в историческое время твердо установлено, что только член знатного рода (патриций, эвпатрид) мог в качестве жреца или должностного лица обращаться к богам полиса, принося жертвы или толкуя знаки выражения их воли (*auspicia*). Род в соответствии со своим негородским происхождением всегда имел своих богов, отличавшихся от богов полиса, и свой локальный культ по месту происхождения рода. Вместе с тем помимо харизматически-родового, монополизированного определенными родами жречества существовало и сословие должностных жрецов. Однако здесь не было, как почти повсеместно в Азии, общей монополии жрецов на общение с богами, этим правом обладало должностное лицо города. Не было также, за исключением нескольких больших общих святилищ, таких, как Дельфы, независимого от полиса жречества. Жрецы назначались полисом, и даже над

дельфийским жречеством первоначально стояла не независимо организованная иерократия, а соседний полис, после разрушения которого в священной войне дельфийское жречество было подчинено ряду соседних общин, объединившихся в амфикионию [71] и осуществлявших над ним весьма ощутимый контроль. Не составляли исключения и большие храмы, несмотря на их политическую и экономическую мощь, – они были крупными землевладельцами, имели эргастерии, кредитовали частных лиц и в первую очередь государства, военную добычу которых они хранили и которым служили депозитными кассами; как мы уже видели, в метрополии, а особенно в колониях полис оставался или, вернее, все больше становился фактическим хозяином имущества богов и доходов жрецов. В результате способом назначения греческих жрецов стала продажа их должностей. Решающим в этом процессе, завершённом потом демократией, было господство военной знати. С этих пор жречество, священное право и магические нормы всех видов стали средствами господства знати. Знать полиса не обязательно была замкнутой. Известен прием в число знатных лиц переселяющихся в город владельцев замков и их клиентов (*gens Claudia*) и посвящение в благородное звание, как это происходило в Риме (*gentes minores*) или в Венеции, в раннее время чаще, чем впоследствии. Знать не была чисто местным, территориально ограниченным сообществом, и эв-патриды Аттики, например Мильтиад, имели в классическое время большие владения за пределами города; повсюду, как и в средние века, представители этих слоев поддерживали между собой связи. Владения знати составляла прежде всего земля. Потребности удовлетворялись повинностями рабов, зависимых и клиентов – о них еще будет сказано ниже. После исчезновения прежних форм зависимости и клиентелы имуществом оставались недвижимостью и сельскохозяйственные угодья. Это очень сходно с положением вавилонского патрициата; при разделе имущества вавилонского торгового дома (*Egibi*), наиболее часто в течение ряда поколений упоминавшегося в грамотах, в качестве главных статей имущества перечисляются земельные владения в городе и в сельской местности, рабы и скот. Тем не менее в Голландии в средние века, так же как в Вавилоне, источником экономической мощи типичной городской знати считалось ее прямое или косвенное участие в торговле в заморских предприятиях, и еще в позднее время это связывалось с определенным сословием; в Риме же эти занятия были запрещены сенаторам. Ради возможности такого рода наживы на Западе, как и на Востоке, город становился желанным местом жительства. Нажитое таким образом имущество предоставлялось за ростовщические проценты как средство создания задолженности не обладающим политической властью крестьянам. Во власти знати (*astoi*) оказываются масса долговых рабов и лучшие, приносящие наибольшие доходы земли (<греч.> в Аттике), а земли на склонах гор, не приносящие доходов (местопребывание «диакриев») предоставляются крестьянам. Таким образом, сеньориальная власть городской знати в значительной степени основана на городских доходах. Задолжавшие крестьяне используются в качестве частично зависимых от сеньора крестьян или (непосредственно) несут барщину вместе с поземельно и лично зависимыми людьми господина. Постепенно развивается и торговля рабами. Впрочем, нигде, даже в Риме в период патрицианского государства, свободные крестьяне полностью не исчезли как и в средние века, а может быть, даже в меньшей степени. Сообщения о борьбе сословий в Риме показывают, что в основе ее лежало не то обстоятельство, что вся земля принадлежала крупным собственникам; причины ее были совсем иными, не связанными с этим. Кто не принадлежал к городскому обученному воинству города, следовательно, прежде всего свободный деревенский житель, *agroicos*, *perioicos*, *plebejus*, вследствие отсутствия у него какой-либо политической власти и невозможности участвовать в лишенном твердых правил судопроизводстве, был вынужден, добиваясь признания своих прав, делать подношения или вступать в отношении клиентелы к какому-либо знатному человеку и в силу жестких законов по долговым обязательствам оказывался в экономической зависимости от заимодавца-горожанина. Вместе с тем свобода передвижения и возможность выкупа были для крестьян родового города сравнительно велики, в отличие от условий более позднего города гоппитов и особенно радикальной демократии, что явствует, например, из сообщений о семье Гесиода. Что касается городских свободных ремесленников и купцов незнатного происхождения, то они находились, по-видимому, в положении, напоминающем положение средневековых *muntmannen* [72]. Пока царь в Риме еще сохранял свою власть, он защищал их как своих клиентов, подобно тому как позже средневековый сеньор города. Иногда обнаруживаются следы литургических ремесленных организаций, возможно, что из них произошли римские военные центурии ремесленников. Были ли ремесленники организованы, как пришлые племена в Азии и в Израиле до пленения, нам неизвестно, но здесь, во всяком случае, нет никаких следов ритуальной замкнутости наподобие индийских каст. Специфическим, чисто внешним отличием родового города от города средневекового было прежде всего

деление на стереотипное число фил, фратрий, родов. В этом находит свое выражение прежде всего его военный и сакральный характер. Это деление, так же как деление германцев на «сотни» [73] объясняется тем, что античный город был первоначально поселением сообщества воинов. Названными причинами объясняется, как мы вскоре увидим, и отличие структуры родового города древности от средневекового города. Значение имело, конечно, и окружение, в котором они возникли: в средние века – внутри патримониальных империй континента в борьбе с политической властью, в древности – на морском побережье в окружении крестьян и варваров; в одном случае – из городов-государств, в другом – в столкновениях со светскими и духовными феодалами. Несмотря на эти различия, там, где политические условия были сходны, формально был сходен и процесс. Мы видели, как в Венеции изменилась некогда династически и патримониально обоснованная власть дожа, сначала формально вследствие запрета назначать соправителя, а затем посредством превращения дожа в представителя корпорации знатных, следовательно, просто в должностное лицо. В древности этому соответствует переход от города-государства к ежегодно избираемой магистратуре. Если мы вспомним о роли, которую играл в Риме *interrex*, и прежде всего о следах некогда существовавших назначений преемников и соправителей, что превращало назначение консулом диктатора, выставление кандидатур и даже назначение новых должностных лиц старыми в условие занятия должностей; если вспомним об ограничении участия в этом римской общины правом аккламации [74], затем о выборе только между предложенными магистратом или (позже) допущенными кандидатами, то нам станет ясно первоначальное значение права на назначение соправителей, на что указывал Моммзен. Правда, переход от греческого города-государства к ежегодно избираемой под контролем знати магистратуре формально отличается от развития в Венеции больше, чем процесс, происходивший в Риме; с другой стороны, возникновение в средние века городского устройства вне Венеции сильно отличается от развития самой Венеции.

Установившееся господство знати привело к замене совета времен Гомера, состоявшего из неспособных уже участвовать в сражениях старейшин, советом аристократических родов. Это либо совет, состоящий из глав родов, – патрицианский сенат в ранний период римской истории, спартанский совет <греч.>, т. е. людей, получавших почетные дары (от своих клиентов), древний аттический совет пританов, избираемый родами по «навкрариям» (т. е. по территориальным подразделениям, обязанным поставлять корабли), – близкие этому условия известны и в средние века, только не в этой, обусловленной сакральным значением родов форме; либо совет прежних должностных лиц, как поздний аттический ареопаг и римский сенат исторического времени, – явления, параллели к которым в средние века очень незначительны, к ним можно отнести разве что привлечение прежних бургомистров и советов к заседаниям действующего совета. Военный и сакральный характер должностей магистров в древности придавал им значительно большую устойчивость, чем та, которой обладали должностные лица средневекового города. В сущности, как в древности, так и в средние века власть принадлежала лишь нескольким родам иногда, как в Коринфе, лишь одному – роду Бакхиадов, которые попеременно замещали должности в городе. Совершенно так же, как это было в средние века и вообще во всех городах, где господствовала родовая знать, число должностных лиц в полисе было также незначительно. Там, где, как в Риме, господство знати было продолжительным, положение в управлении длительно оставалось без изменения.

Возникшее господство знатных родов в античности и в средневековье во многом сходно: тут и там вражда между родами, изгнания и насильственное возвращение, а также войны между вооруженными слоями городов (в древности, например, «лелантская» война) [75]. Как в древности, так и в средние века бесправие сельских жителей было бесспорно. Античные и средневековые города пытались, где только могли, подчинить себе другие города: города перизков [76], позже управляемые гармостами поселения спартиатов, многочисленные подвластные Афинам и Риму общины, сходные с венецианской *terra ferma* [77] и с подчиненными Флоренцией, Генуей и другими городами и местностями, управляемыми должностными лицами этих городов.

Что же касается экономической структуры родов, то их члены были, как мы видели, в древности и в средние века прежде всего получателями рент. И в древности, и в средние века принадлежность к знатным родам определялась благородным, рыцарским образом жизни, а не только происхождением. В знатные роды средневековья входили прежние фамилии министералов и, в частности в Италии, свободные вассалы и рыцари, а также землевладельцы, которые,

достигнув значительного состояния, стали вести рыцарский образ жизни. В Германии и в Италии некоторые знатные роды имели бургы вне города, куда они отправлялись во время борьбы с цехами, долгое время угрожая оттуда городам, откуда они были изгнаны. Самый известный пример такого рода в Германии – род Ауэров в Регенсбурге. Эти ведущие рыцарский образ жизни, состоящие в ленных отношениях и входящие в число министерялов слои были подлинными «магнатами» и «нобиями», по итальянской терминологии. Знатные роды, не имевшие своих бургов, составляли, естественно, преимущественно контингент тех, кто позже, после захвата городского управления цехами, были вынуждены оставаться в городе, подчиниться новому управлению и предоставить ему свои военные силы в борьбе с магнатами. Дальнейший процесс развития мог пойти по двум направлениям. Либо фамилии нерыцарского происхождения входили в круг знати посредством покупки рыцарских владений, часто бургов, и переселялись в них из города, либо знатные фамилии города начинали исподволь заниматься торговлей, вкладывая в нее капитал, а затем переходили к подлинному торговому промыслу и переставали быть получателями рент. То и другое случалось. В целом, однако, преобладала первая тенденция, так как она вела к социальному возвышению рода. При основании городов крупными землевладельцами и политическими сеньорами в средние века случилось, что в новых поселениях совсем не было рыцарских родов, таким образом, они, как мы еще увидим, совершенно исключались из населения этих городов. Происходило это преимущественно после того, как началась борьба цехов со знатными родами; чем дальше к северу и востоку, тем чаще это встречается на «новых землях» [78]. В Швеции в основании городов и управлении ими принимают участие чужеземные немецкие купцы. То же происходит и в Новгороде, и очень часто на Востоке. Здесь, по крайней мере на ранней стадии развития города, «патрициат» и купечество тождественны. На важном значении этого мы остановимся ниже. В старых городах положение было иным. Там повсюду проявляется тенденция к развитию слоя, существовавшего на ренту, как подлинно торгового, возглавлявшего патрицианские клубы слоя. В древности подлинно торговый по своему характеру патрициат также встречается преимущественно в колониях, например в таких городах, как Эпидамн. Следовательно, экономический характер патрициата менялся и установить можно только центр тяжести, к которому он тяготел. А это – получение рент. Необходимо подчеркнуть, что экономической причиной поселения знатных родов в городе была возможность доходов, что именно они были источником, из которого проистекало экономическое могущество городских родов. Ни античный эвпатрид, или патриций, ни средневековый патриций не были «купцами» или крупными купцами в современном представлении о купце как управляющем своей конторой предпринимателе. Они, конечно, нередко участвовали в предприятиях, но обычно в качестве владельцев кораблей или участников комменды, которые, вкладывая в предприятие свой капитал, рисковали им в заморской торговле, но само путешествие и подготовку всего предприятия предоставляли другим; они делили с ними лишь риск и выгоду предприятия, быть может, иногда время от времени участвуя в нем в качестве вдохновителей замысла. Все важные предприятия раннего периода античности и средневековья рассчитаны на участие таких кредиторов, вкладывавших свое имущество в отдельные конкретные операции, а для уменьшения риска во многие; расчеты по ним производились по отдельности. Это, конечно, не исключает того, что между патрициатом и подлинным личным торговым предпринимательством существовали самые разнообразные переходы. Странствующий торговец, получивший от владельца капитала деньги на условиях комменды, мог превратиться в главу большого торгового дома, вкладывающего эти деньги в различные операции и поручающего своим иностранным агентам работать на него. Размен денег и банковские дела, а также пароходство и крупные торговые предприятия часто могли быть связаны с ведущим рыцарский образ жизни патрицием, и переход от помещившего в комманду свой раньше лежавший без движения капитал к действующему как постоянный предприниматель владельцу капитала текуч. Это, конечно, очень важный и характерный момент развития, но это и результат развития. Особенно часто в период господства цехов, когда роды, желая участвовать в управлении, должны были записываться в цехи, а с другой стороны, в цехе оставался уже не занимавшийся больше предпринимательством бюргер, граница между различными типами деятелей исчезала. Об этом свидетельствует наименование в Италии крупных торговых цехов *sciorperati* [79]. Особенно типичным это было для больших английских городов, в частности для Лондона. Борьба организованных в цехи промышленные сословий горожан за господство над городом выражалась здесь в противоположности требования выбирать представителей общин и должностных лиц местными городскими кварталами (*wards*) и их представителями, где господствующее положение занимали обладавшие земельной собственностью знатные роды, или цехами (*liveries*). Растущее могущество цехов находило свое выражение в

увеличивающейся зависимости всех прав жителей города от принадлежности к профессиональному союзу. Эдуард II [80] установил это для Лондона в виде закона, и хотя вплоть до 1351 г. выборы коммунального совета (council) по городским кварталам еще многократно насильственно восстанавливались (1383), с 1463 г. они окончательно были заменены выборами по цехам. Внутри же цехов, к которым теперь должен был принадлежать каждый горожанин (даже король Эдуард III [81] стал членом цеха linen armourers, на современном языке merchant tailors)[82], действительно активные торговцы и промышленники все больше вытесняются получателями рент. Теоретически принадлежность к цеху достигалась после длительного обучения и церемонии приема, фактически же передавалась по наследству или покупалась, и значение цехов как номинальных производителей, за редким исключением (например, цехи ювелиров), падало. С одной стороны, в цехах возникали экономические и социальные противоречия, с другой – они большей частью превращались просто в выборные союзы джентльменов для занятия должностей в городской общине.

Повсюду, следовательно, типы цехов не были твердо сложившимися. Однако это характерно для всех социологических явлений и не должно препятствовать установлению преимущественно типического. Очевидно, что типичный патриций не был по своим основным чертам профессиональным предпринимателем; как в древности, так и в средние века он был получателем рент, время от времени участвовавшим в торговых предприятиях. В статутах верхнерейнских городов встречается выражение «почетный бездельник» как официальное обозначение членов палаты господ в отличие от представителей цехов. Во Флоренции крупные торговцы *arti di Calimala* [83] и банкиры принадлежали к цехам, а не к знатным родам.

В античности недопустимость предпринимательства в среде знатных родов разумелась сама собой. Это не значит, что в числе римских сенаторов, например, не было «капиталистов», противоположность заключалась совсем не в этом. Как представители старого патрициата, особенно римского, по отношению к крестьянам, так впоследствии фамилии сенаторов по отношению к своим политическим подданным, выступали, как мы увидим, в качестве «капиталистов», т. е. предоставляющих капитал в очень большом масштабе. Запрещалось истинно знатным родам городов античности и средних веков только предпринимательство; иногда это запрещение даже фиксировалось в праве сословным этикетом, строгость которого была различной. Способы вложения имущества типичных патрициев были, как мы увидим позже, очень различны в зависимости от объектов, но граница оставалась той же. Тот, кто слишком ощутило нарушал границу между обеими формами экономического поведения – традиционным вкладыванием имущества и стремлением к росту капитала, – считался в древности невежественным обывателем, а в средние века – человеком нерыцарского образа жизни. В позднее средневековье рыцарское сельское дворянство отказывалось признать равными себе старые рыцарские роды, ибо они заседали в совете рядом с членами цехов, т. е. предпринимателями. Осуждение вызвала, если обратиться к практической стороне дела, не «жажда наживы» как психологический мотив – римская должностная знать и средневековые знатные роды крупных приморских городов были обычно не менее одержимы *augi sacra fames*[84], чем любой другой класс, известный в истории. Презрение вызвала рациональная, предпринимательская в этом специальном смысле, «бюргерская» форма доходной деятельности, систематическая предпринимательская деятельность. Если обратиться к флорентийским *Ordinamenti della giusttizia* [85] – их целью было сломить господство родов – с вопросом, по какому же признаку определялась принадлежность фамилии к числу нобилей, которые подлежали лишению политических прав, то ответ был бы: по признаку принадлежности к рыцарским фамилиям, т. е. по типично рыцарскому образу жизни. Образ жизни был и в древности решающим для исключения лиц, занятых предпринимательской деятельностью, из числа кандидатов на занятия должностей. Выводом из флорентийских *Ordinamenti* было, по мнению Макиавелли, то, что член знатной фамилии, который хотел остаться в городе, должен был следовать в своем образе жизни обычаям горожан. Таковы, следовательно, как мы видим, основные «сословные» признаки патрициата. К ним относился также типичный политический признак – харизматическое происхождение знати из фамилии, члены которой уже некогда занимали городские должности различного рода, обладали определенным достоинством и тем самым доказали свою способность занимать такие должности. Это относится как к должностным фамилиям Мекки, так и к римскому нобилитету и к родам трибунов Венеции. Завершение было повсюду различным: в Венеции это правило соблюдалось строже, чем в Риме, где *homo novus* [86] формально не исключался из кандидатов на замещение должностей. Однако при установлении права занимать место в сенате или какую-либо должность как

такую каждая фамилия подвергалась проверке, чтобы выяснить, заседал ли раньше ее член в совете, занимал ли он должность в городе или, как во флорентийских *Ordinamenti*, были ли среди его предков рыцари. Принцип сословной замкнутости утверждался с ростом населения и значения монополизированных должностей.

Несколькими замечаниями в предыдущей главе мы уже коснулись того времени, когда старая харизматически-родовая знать частично или полностью утратила свое особое правовое положение в городе и вынуждена была делить власть с греческим демосом, римским плебсом, итальянским *popolo*, английскими *Tiveries*, немецкими цехами и, следовательно, занять равное им сословное положение.

§4. Плебейский город

Внешне падение господства родовой знати в средние века и в древности представляется очень сходным, особенно если для средневековья положить в основу нашего сравнения большие, в первую очередь итальянские, города, развитие которых, так же как и развитие античных городов, происходило, в сущности, по своим законам, т. е. без вмешательства властей вне города. В развитии итальянских городов следующим решающим этапом после появления института подеста было становление слоя *popolo*. Экономически *popolo*, как и немецкие цехи, состоял из самых различных элементов, прежде всего из предпринимателей, с одной стороны, из ремесленников – с другой. Ведущими в борьбе против знатных родов были вначале, безусловно, предприниматели. Они создали и финансировали скрепленное клятвой братство цехов, противостоящее родам, а цехи ремесленников поставляли необходимую массу людей для борьбы. Союз цехов часто ставил во главе движения одного человека, чтобы гарантировать успех в борьбе со знатными родами. Так, Цюрихом после изгнания из города в 1335 г. непокорных родов управлял рыцарь Рудольф Брун вместе с советом, в котором поровну были представлены оставшиеся в городе рыцари и *constaffeln*, предпринимательские цехи купцов, торговцев сукном, солью, ювелиров, с одной стороны, и цехи мелких ремесленников – с другой; и город выдержал осаду императорского войска. В Германии клятвенные объединения членов цехов как особые союзы существовали недолго. Они исчезли вследствие преобразования городского устройства либо посредством введения представителей цехов в совет, либо вследствие вхождения всех горожан, в том числе и представителей знатных родов, в цехи. В качестве сохранившейся организации братство осталось лишь в нескольких городах Северной Германии и Прибалтийской области. Его второстепенное значение по сравнению с профессиональными союзами явствует из состава его правления, в которое входили мастера гильдий отдельных союзов. В Мюнстере в XV в. никто не мог быть посажен в тюрьму без санкции гильдий: следовательно, гильдии действовали как союз, охраняющий от судопроизводства совета; в него при рассмотрении дел по управлению городом или при рассмотрении других важных дел вводились представители гильдий, без участия которых решения не могли быть приняты. Значительно большую роль играл союз охраны горожан в их борьбе с родами в Италии.

В Италии понятие *popolo* было не только экономическим, но и политическим; являясь особой политической общиной внутри коммуны со своими должностными лицами, собственными финансами и военными силами, она была в подлинном смысле слова государством в государстве, первым осознанно иллегитимным и революционным политическим союзом. Причиной этого явления в Италии было большее развитие экономических и политических средств господства городской знати и усиление вследствие этого притока в город родов, ведущих рыцарский образ жизни, о последствиях чего нам еще придется говорить в дальнейшем. Противостоящий им союз *popolo* основывался на братстве профессиональных союзов (*arti* или *paratici*), и организованная таким образом особая община официально называлась при первом ее появлении (в Милане в 1108 г., в Лукке в 1203 г., в Лоди в 1206 г., в Павии в 1208 г., в Сиене в 1210 г., в Вероне в 1227 г., в Болонье в 1228 г.) *societas*, *credenza*, *mercadanza*, *comunanza* или просто *popolo*. Высшее должностное лицо особой общины называлось в Италии большей частью *capitanus popoli*: он избирался на короткий срок, обычно на год, состоял на оплачиваемой должности и очень часто, так же, как подеста общины, призывался извне и в этом случае должен был привести своих чиновников. *Popolo* предоставлял в его распоряжение милицию, составленную из представителей кварталов города или цехов. Резиденцией его, как и подеста общины, был часто особый народный дом с башней, крепость *popolo*. При нем в качестве особых органов, в частности в деле управления финансами, находились представители цехов (*anziani* или *priori*), избранные на короткий

срок по кварталам города. Они притязали на право защищать пополанов в суде, опротестовывать решения коммунальных учреждений, обращаться к ним с запросами, а часто и на прямое участие в законодательстве. Но прежде всего они принимали участие в решениях *popolo*, у которого были собственные статуты и собственная налоговая система. Подчас *popolo* достигал того, что решения коммуны получали значимость лишь после его одобрения, так что законы коммуны надлежало заносить в оба статута. Свои же собственные постановления он всячески стремился по возможности вносить в статуты коммуны, а в отдельных случаях ему удавалось достигнуть того, что решения *popolo* предшествовали всем остальным, следовательно, и статутам коммуны (*abrogant statutis omnibus et semper ultima intelligentur* [87] в Брешии). Наряду с судом подеста действовал суд *mercanzia* или *domus mercatorum*, в котором рассматривались все дела, связанные с рынком и промышленностью: следовательно, он был специальным судом по делам купцов и предпринимателей. Нередко этот суд обретал и значение универсального суда пополанов. В XIV в. подеста Пизы должен был приносить клятву, что он и его судьи не будут вмешиваться в споры между пополанами, иногда *capitan* достигал общей, конкурирующей с судом подеста судебной власти, а в отдельных случаях становился и кассационной инстанцией по приговорам подеста. Очень часто капитан получал право участвовать в заседаниях коммунальных органов, контролируя их деятельность, прерывать их, а иногда мог и созывать членов коммуны для реализации решений совета, если этого не делал подеста; он обладал также правом налагать и снимать банн, контролировать и участвовать в управлении коммунальными финансами, прежде всего имуществом изгнанных из города. Официально он был по своему рангу ниже подеста, но в ряде случаев, как мы видели, становился должностным лицом коммуны, *capitaneus populi et communis*, по римской терминологии *college minor*[88], и фактически оказывался зачастую более сильным. Капитан часто ведал и военной силой коммуны, особенно по мере того, как она все больше формировалась из наемников, средства для оплаты которых могли дать только налоги богатых пополанов.

Следовательно, после победы пополанов привилегии знати в чисто формальном рассмотрении носили негативный характер. Должности коммуны были доступны пополанам, а должности пополанов были закрыты для знати. В процессах против знати пополаны имели преимущество, капитан и *anziani* контролировали управление, осуществляемое коммуной, тогда как деятельность *popolo* контролю не подлежала. Только постановления пополанов получали иногда признание всех горожан. Во многих случаях знать временно или на длительное время исключалась из участия в управлении коммуной. Наиболее известны из постановлений такого рода – уже упомянутые *ordinamenti della giustizia*, составленные Джано делла Белла в 1293г. Наряду с капитаном, возглавлявшим городское ополчение цехов, назначался в качестве экстраординарного, чисто политического должностного лица, избираемого на короткий срок, *gonfaloniere della giustizia*, в распоряжении которого находилась особая, всегда готовая к действиям народная милиция, состоявшая из 1000 человек; в ее функции входила защита пополанов, проведение процессов против знати, выполнение приговоров и контроль за соблюдением *ordinamenti*. Политическая юстиция, основанная на официальной системе шпионажа и поощрении анонимных доносов, на ускоренной процедуре расследования вины магнатов при весьма упрощенном доказательстве преступления (посредством «очевидности»), была демократической разновидностью венецианского процесса в Совете Десяти. Наиболее резкими постановлениями против магнатов были лишение всех ведущих рыцарский образ жизни фамилий права занимать должности в городе, обязательство сохранять благонадежность, ответственность всего рода за каждого его члена, особые карательные законы, предусматривающие политические проступки магнатов, в частности оскорбление чести пополана, запрет приобретать недвижимость, граничащую с землями пополана, без его согласия. Гарантию интерлокального господства пополанов взяла на себя партия гвельфов, статуты которой рассматривались как часть городских статутов. Не состоящий в этой партии не мог быть избран на какую-либо должность. О средствах, с помощью которых осуществлялась власть этой партии, уже было сказано. Уже то, что ее организация опиралась преимущественно на силы рыцарей, позволяет предположить, что *ordinamenti* в действительности не уничтожили полностью социальное и экономическое могущество знатных родов. В самом деле, уже через десять лет после опубликования этих принятых многими тосканскими городами флорентийских классовых законов вновь разгорелась борьба между родами и в течение некоторого времени власть захватывали мелкие плутократические группы. Даже должности пополанов почти всегда замещались представителями знати, ибо знатные роды могли входить в ряды пополанов. Действительный отказ от

Город. Макс Вебер filosoff.org
рыцарского образа жизни осуществлялся далеко не всегда.

В сущности, важно было только гарантировать политическую благонадежность и записаться в какой-либо цех. Социальным следствием этого было известное слияние знатных городских родов с так называемым «жирным народом» (*popolo grasso*) в состав которого входили люди с университетским образованием, владельцы капиталов; так назывались семь цехов: судей, нотариусов, менял, торговцев чужеземными сукнами, флорентийскими шерстяными тканями и шелками, врачей, торговцев пряностями и торговцев мехами. Из этих высших цехов, в которые входила и знать, вначале избирались все должностные лица города. Лишь после ряда восстаний формальное право участвовать в управлении получили также 14 «младших цехов», *arti minori*, *popolo minuto*, т. е. мелких предпринимателей и торговцев. Не принадлежащие к этим 14 цехам слои ремесленников добились участия в управлении и вообще самостоятельной цеховой организации лишь на короткое время после восстания чомпи (*ciompi*) в 1378 г. Лишь в некоторых городах, например в Перудже в 1378 г., низшим городским слоям удалось на короткое время исключить из совета приоров не только нобилей, но и *popolo grasso*. Характерно, что эти низшие, неимущие слои горожан в своей борьбе против господства *popolo grasso* постоянно получали поддержку нобилей, подобно тому как позже тирания устанавливалась с помощью масс и как в течение всего XIII в. возникали постоянные союзы знати и низших слоев населения, направленные против натиска предпринимательских классов. Удавалось ли это и в какой степени, зависело от экономической ситуации. Интересы мелких ремесленников могли в ходе развития раздаточной системы прийти в резкое противоречие с интересами цехов предпринимателей. В Перудже, например (как сообщает граф Брельо д'Айяно), развитие раздаточной системы шло так быстро, что в 1437 г. отдельный предприниматель давал работу наряду с 28 прядильщиками (*filatori*) еще 176 *filatrici*, которые обрабатывали шелк-сырец. Положение мелких ремесленников-надомников было часто трудным и неустойчивым. Предприниматели нанимали иногда работников из других мест и поденно; цехи предпринимателей пытались односторонне регламентировать условия надомной работы, а цехи надомников (например, стригальщики, *simatori*, в Перудже) запрещали снижать оплату их труда. Совершенно очевидно, что эти слои ничего не ждали от правительства высших цехов. Но длительного политического господства они нигде не достигли. И наконец, совершенно вне всякой связи с городским управлением находился пролетарский слой странствующих подмастерьев. Лишь со времени участия низших цехов в управлении в советы городов проник, по крайней мере в некоторой степени, демократический элемент. Однако их фактическое влияние оставалось обычно незначительным. Принятое во всех итальянских коммунах создание особых комитетов для выбора должностных лиц должно было предотвратить воздействие безответственных и часто анонимных руководителей выборов, наподобие действующих в современных демократических государствах Европы, и исключить демагогию. Это позволяло совершить планомерный выбор и создать единый состав действующих советов и должностных лиц, но могло быть осуществлено только на основе компромисса с социально влиятельными домами и заставляло прежде всего не игнорировать решающие в финансовом отношении слои. Только в периоды борьбы за власть между равными по своему могуществу домами или во времена религиозных волнений «общественное мнение» оказывало известное влияние на состав учреждений города. Господство Медичи [89] над городом было достигнуто не как следствие служебного положения, а исключительно благодаря влиянию и систематическому воздействию на выборы.

Успех пополанов был достигнут не без упорной, часто кровавой и длительной борьбы. Знать удалась из городов и продолжала борьбу, засев в своих крепостях. Войска горожан разрушали их, а городское законодательство уничтожало традиционный аристократический строй, иногда посредством планомерного освобождения крестьян. Необходимые средства для победы над знатью пополанов получали от признанных цеховых организаций. Цехи искони привлекались коммунами к делам управления. Ремесленники иногда участвовали в сторожевой службе в крепостях, но постепенно все больше в сражениях в качестве пехотинцев, построенных по цехам. С развитием военной техники становилась все более необходимой финансовая поддержка со стороны предпринимательских цехов. Интеллектуальную и административно-техническую помощь предоставляли юристу, в первую очередь нотариусы, а также, судьи и близкие им профессиональные врачи и аптекари. Эти организованные в цехи интеллектуальные слои коммун повсюду входили в «К5чѣствѣ-руководителей в партию пополанов, играя роль, напоминающую роль адвокатов и других юристов в третьем сословии, *tiers etat*, во Франции; первые народные капитаны были до занятия этой должности, как правило, главами цехов или их союза. Обычно

предварительной ступенью политической организации *popolo* была *mercadanza*, вначале представлявшая собой неполитический союз купцов и ремесленников (ибо *mercatores* и здесь означает, как справедливо указал Э. Зальцер, совокупность городских ремесленников и торговцев. Возглавлявший ее *podestà mercatoru'm* [90] был часто первым народным капитаном. Все развитие движения *popolo* шло прежде всего в сторону организованной защиты интересов пополанов в суде, коммунальных органах и учреждениях. Отправным пунктом движения был часто очень осязаемый фактический отказ незнатным горожанам в их правах. Не только в Германии (что, как известно, происходило в Страсбурге) подчас случалось, что поставщики товаров и ремесленники получали вместо требуемой оплаты побои и затем не могли добиться в суде признания своих прав. Но еще более сильное возмущение вызывали, по-видимому, личные оскорбления пополанов и угрозы им со стороны превосходящей их в военном отношении знати, постоянно повторяющиеся даже через 100 лет после образования особого союза. Социальное чувство рыцарского сословия сталкивалось с естественно возникающей оскорбленностью горожан. Поэтому институт народных капитанов складывался в связи со своего рода трибунским правом помощи и контроля над учреждениями коммуны, развился затем в кассационную инстанцию и, наконец, в координированный универсальный орган власти. Подъему пополанов способствовали распри между родами, ущемлявшие экономические интересы горожан и часто служившие поводом для вмешательства их должностных лиц. К этому присоединилось честолюбивое стремление некоторых представителей знати установить с помощью *popolo* тиранию. Знать повсюду испытывала озабоченность, опасаясь такого развития событий. Раскол знати давал *popolo* возможность поставить себе на службу часть воинских сил рыцарства. В чисто военном отношении растет значение пехоты, и она впервые начинает в это время вытеснять рыцарскую конницу. В XIV в. в войсках Флоренции в связи с развитием рациональной военной техники впервые появляются «бомбарды», предшественники современной артиллерии.

Внешне очень похожим на утверждение *popolo* в итальянских городах было развитие в античности демоса и плебса. Прежде всего в Риме, где особой общине *popolo* соответствовала особая община плебса со своими должностными лицами. Трибуны были первоначально выборными старейшинами незнатных граждан четырех городских кварталов, а эдилы, как полагает Э. Мейер, хранителями культового святилища общины и одновременно казначеями незнатных граждан, а тем самым и казначеями плебса. Сам плебс конституировался как братство, связанное клятвой убивать каждого, кто воспрепятствует его трибунам защищать интересы плебеев; с этим было связано то, что трибун определялся как *sacrosanctus* [91], в отличие от легитимных должностных лиц римской общины, совершенно так же как народный капитан в Италии не имел права на добавление к своему наименованию слов *Dei gratia* (милостью Божией), в отличие от должностных лиц, обладавших легитимной властью, – консулов.

Трибун не обладал и легитимной административной властью, признаком которой служило общение с богами общины, ауспиции, а также важнейшим атрибутом законной власти – властью дисциплинарной; вместо этого он в качестве главы плебса мог, застав виновного на месте преступления, предать каждого, кто препятствовал ему в его должностных обязанностях, своего рода суду Линча и сбросить его без судебного разбирательства и вынесения приговора с Тарпейской скалы. Должностное положение трибуна, так же как капитана и *anciani*, развилось из права вступаться за плебеев перед магистратами и приостанавливать действие принятых ими решений. Это право интерцессии, общий негативный атрибут римских должностных лиц по отношению к каждой равной или низшей власти, входило в основные полномочия трибуна. Совершенно так же, как капитан, он фактически стал всеобщей кассационной инстанцией и тем самым высшей властью внутри защищенного внутригородским «миром» округа города. В военных действиях трибун не имел никакого значения, здесь все решалось командой военачальника. Ограничение компетенции трибуна сферой города, отличающей его от должностных лиц более раннего периода, характерно для специфически гражданского происхождения этой должности. Благодаря своей кассационной власти трибуны сумели провести все политические требования плебса: право апелляции при приговорах по уголовным делам, смягчение долговых законов, судопроизводство в интересах сельских жителей в базарные дни, равное участие в занятии должностей, позже также жреческих и должностей в совете, и, наконец, так же как в некоторых итальянских коммунах, решение гортензианского плебисцита в Риме, принятого последней сессией плебса [92] и устанавливающего обязательность постановлений плебса для всей общины. Результатом было здесь, как и в средневековой Италии, формальное вытеснение родовой знати. После этих успехов в сословной борьбе политическое значение трибунов стало падать. Как впоследствии

капитан, трибун стал должностным лицом общины, входящим в развивающуюся иерархию должностей, но избиравшимся только плебеями; историческое их обособление от патрициев практически потеряло почти всякое значение, уступив место развитию должностной и имущественной знати (нобилей и всадников). В происходящей борьбе классов вопрос о старых политических правах еще раз был выдвинут лишь после Гракхов как важное средство политических реформаторов и экономического движения слоя политически деклассированных граждан, враждебного должностной знати. Это возрождение борьбы привело к тому, что в конце концов власть трибуна стала наряду с военным командованием пожизненным должностным атрибутом принцепса. Поразительное сходство между развитием средневековых городов Италии и Древним Римом очевидно, несмотря на громадное политическое, социальное и экономическое различие, о котором вскоре пойдет речь. Все дело в том, что не существует беспредельного количества форм управленческой техники для регулирования сословных компромиссов внутри города, и формы политического управления не надо рассматривать как сходные надстройки над одинаковыми экономическими основами, а исходить следует из того, что они развиваются по собственным законам. Возникает вопрос, не существует ли параллели развитию Рима в самой античности. Насколько нам известно, особого союза типа союза плебса или итальянского *porofo* в античности не было. Но внутренне родственные по своему характеру явления существовали. Уже в древности (Цицерон) таковым считали институт спартанских эфоров. Но это надо понимать правильно.

Эфоры (наблюдатели) были, в отличие от легитимных царей, должностными лицами, избираемыми на год, и избирались они, как и трибуны, пятью местными филами спартиатов, а не тремя родовыми филами. Они созывали собрания граждан, имели право юрисдикции по гражданским и (быть может, с некоторыми ограничениями) уголовным делам, призывали к ответу даже царей, требовали отчетности от должностных лиц, смещали их, держали в своих руках все управление и фактически располагали вместе с выборным советом герусии высшей политической властью в Спартанском государстве. В мирное время в пределах города цари обладали только почетными привилегиями и личным влиянием; во время войны они располагали полной, в Спарте очень строгой, дисциплинарной властью. Вероятно, только в более позднее время эфоры стали во время походов сопровождать царей. То, что эфоров, быть может первоначально, даже еще после I Мессенской войны [93] назначали цари, не меняет характера их власти в качестве трибунов. Вполне возможно, что это относилось первоначально и к старейшинам триб. не меняет свойств их власти и тот более важный факт, что они не обладали характерной для трибунов и общей им и средневековым капитанам функцией интерцессии. Ведь не только известно, что эфоры должны были по своей должности защищать граждан от царей, но более позднее отсутствие этой функции объясняется безусловной победой спартанского демоса над его противниками и тем, что он сам превратился в первоначально господствующий плебейский, а затем фактически господствующий класс настоящей олигархии. Знати в Спарте в историческое время не было. Сколь ни безусловно полис отстаивал свое господствующее положение над илотами, которым он ежегодно торжественно «объявлял войну», религиозно мотивируя этим их бесправие, сколь ни сохранял он свое политическое господствующее положение над стоящими вне военного объединения перизками, внутри полиса между полноправными гражданами сохранялось, по крайней мере в принципе, социальное равенство. Господство вовне и равенство внутри полиса контролировалось с помощью системы шпионажа (*krypteia*), напоминавшей венецианскую. По преданию, лакедемоняне первыми отказались от атрибутов знатного образа жизни, в частности в одежде, отличие в которой, следовательно, раньше существовало. Что это обстоятельство, а также строгое ограничение власти царя явилось результатом борьбы и компромисса, доказывается приносимой ежегодно взаимной клятвой царя и эфоров, своего рода периодически возобновляемым договором. Сомнение вызывает только то, что эфоры выполняли, по-видимому, отдельные религиозные функции. Однако они в еще большей степени, чем трибуны, стали легитимными должностными лицами общины. Основные черты спартанского полиса производят настолько рациональное впечатление, что их невозможно считать остатком древних институтов.

В остальных греческих общинах аналогии этому отсутствуют. Повсюду мы, правда, обнаруживаем демократическое движение незнатных граждан, направленное против знатных родов и большей частью временно или длительно устраняющее их господство. Однако, как и в средние века, это не означало ни равенства всех граждан в праве занимать должности и заседать в совете, ни одинакового права голоса, ни вообще включения всех лично-свободных живущих

в городе фамилий в союз граждан. В отличие от Рима, здесь вольноотпущенники вообще не входили в союз граждан. Равное же положение граждан нарушалось различными степенями в праве голоса и занятии должностей, вначале в зависимости от земельной ренты и способности носить оружие, а впоследствии от имущества. Эта иерархия и в Афинах юридически никогда не была полностью уничтожена, так же как в средневековых городах неимущие слои никогда не достигали надолго равных прав со средним сословием.

Право голоса в народном собрании предоставлялось либо всем принадлежавшим к *demoi*, приписанным к военному союзу фратрии землевладельцам – это было первой стадией «демократии», – либо также владеющим другим имуществом. Решающей была способность вооружиться необходимым образом для участия в войске гоплитов, с ростом значения которого было связано это преобразование. Мы вскоре увидим, что установление различных степеней в праве голоса было отнюдь не важнейшим средством для достижения этого результата. Как и в средние века, независимо от того или иного формально установленного состава собрания граждан, от определения его формальной компетенции господствующее социальное положение имущих слоев общества не терпело ущерба. Движение демоса приводило в ходе своего развития к самым разным результатам. Ближайшим и в некоторых случаях длительным достижением было возникновение демократии, внешне похожей на строй многих итальянских коммун. Наиболее имущий слой незнатных граждан, соответствующий установленному цензу, большей частью владельцы денег и рабов, эргастерий, судов, торгового и ростовщического капитала, получал наряду с располагавшими земельной собственностью родами доступ в совет и право занимать должности в городе. Масса же мелких ремесленников, мелких торговцев и вообще малоимущих была лишена права занимать какие-нибудь должности либо юридически, либо фактически вследствие своей непригодности; иногда демократизация продолжалась и завершалась тем, что власть переходила именно к этим отвергаемым раньше слоям общества. Для того чтобы это могло произойти, необходимо было находить средства поднять экономический уровень этих слоев путем предоставления им ежедневных денежных пособий, а также посредством снижения ценза на занятие должностей. Такая практика и фактическое игнорирование классового деления демоса были конечным пунктом развития, достигнутым афинской демократией лишь в IV в., когда отпало военное значение гоплитов.

Действительно важным следствием полной или частичной победы незнатных слоев общества для структуры политического союза и его управления в античности заключалось в следующем: 1) в установлении административного характера политического союза. Прежде всего в проведении принципа территориальной общины. Подобно тому как в средние века уже при господстве родов городское население разделялось на территориальные округа и *poroio*, по крайней мере частично, избирал своих должностных лиц по кварталам города, и в античности в городе, где господствовали знатные роды, плебеи подразделялись, в частности для распределения барщины и повинностей, на территориальные округа. В Риме наряду с тремя старыми личными, составленными из родов и курий трибами были под тем же названием созданы чисто территориальные городские округа, к которым после победы плебеев присоединилась сельская триба, а в Спарте наряду с тремя старыми личными филами возникли четыре, впоследствии пять территориальных фил. Победа подлинной демократии означала переход управления к «демосу», к территориальному округу в качестве подразделения всей территории и основы всех прав и обязанностей в полисе. На практическом значении этого преобразования мы вскоре остановимся. Следствием его было превращение полиса из братства военных и родовых союзов в территориальную административную корпорацию. Административной единицей полис стал и вследствие изменения в понимании природы права. Оно стало для граждан и жителей городского округа как таковых административным – с какими оговорками, мы видели раньше – и одновременно рационально сформулированным правом. Место иррационального харизматического судопроизводства занял закон. Параллельно уничтожению господства родов складывалось законодательство. Вначале оно еще имело форму харизматических установлений эсимнетов [94]. Затем начался процесс постоянно развивающегося формирования нового права, разрабатываемого *ecclesia* [95], и сложилось чисто светское, основанное на законах или в Риме на магистратских инструкциях судопроизводство. В Афинах, наконец, народу ежегодно предлагался вопрос, следует ли сохранить действующие законы или их необходимо изменить, настолько теперь стало само собой разумеющимся, что действующее право создается искусственно, должно быть таковым и основано на одобрении тех, для кого оно существует. Правда, в период классической демократии, например в Афинах в V–IV вв., такая установка еще не была безусловно господствующей.

Не каждое решение (psephisma) демоса становилось законом (nomos), даже в том случае, если оно устанавливало общие правила. Демосом принимались и противоречащие законам постановления, которые могли быть опротестованы перед судом присяжных (heliaia) каждым гражданином. Закон возникал (по крайней мере тогда) не как постановление демоса; на основе предложения гражданина перед особой коллегией присяжных (номотетов) проводилась правовая дискуссия о том, следует ли сохранить старое право или принять предложенное изменение. Это было своеобразным остатком прежнего, впоследствии исчезнувшего понимания сущности права. Но первым решающим шагом к пониманию права как продукта рационального творчества было в Афинах упразднение законом Эфиальта религиозной, аристократической кассационной инстанции – ареопага,

2) Установление демократии привело к преобразованию системы управления. Господствующих в силу харизмы рода или должности представителей родов заменили избранные на короткий срок, иногда посредством жеребьевки, ответственные, подчас смещаемые функционеры демоса или непосредственно его группы. Эти функционеры были должностными лицами, но не в современном смысле слова. Они получали умеренное возмещение расходов или, как избранные посредством жеребьевки соприсяжники, поденную оплату. Краткосрочность должности и часто встречающееся запрещение повторного избрания исключали возможность возникновения профессионального чиновничества в современном понимании. Возможность карьеры и сословная честь отсутствовали. Исполнение обязанностей было побочным занятием. У большинства граждан оно не требовало полной затраты сил, а доходы были даже для несостоятельных людей побочным, хотя и желательным, подспорьем. Правда, высшие политические должности, особенно военные, требовали затраты всех сил, но именно поэтому предоставлялись только состоятельным людям, а для того чтобы занимать должности в области финансов в Афинах требовался высокий ценз, заменявший современное поручительство. Эти должности были, в сущности, почетными должностями. Высший деятель в области политики в период расцвета демократии – демагог был в Афинах в правление Перикла формально и высшим военным должностным лицом. Однако его власть основывалась не на законе или должности, а на его личном влиянии и доверии демоса. Она была, следовательно, не только нелегитимной, но и нелегальной, хотя все государственное устройство демократии было так же ориентировано на нее, как современное государственное устройство Англии – на столь же лишенный законной компетенции кабинет. Не установленному законом вотуму недоверия английского парламента соответствовало в других формах обвинение демагога в неправильной политике управления демосом. Назначенный по жеребьевке совет превратился теперь также в обыкновенный комитет по делам демоса, утратил юрисдикцию, получив, однако, право предварительных обсуждений решений народа (посредством probuleuma) и контроль над финансами.

В средневековых городах установление господства короля привело к сходным результатам: множество редакций городских законов, кодификация гражданского и процессуального права, поток статуты разного рода, с одной стороны, столь же невероятное число должностных лиц – с другой; даже в небольших городках Германии иногда насчитывалось 4–5 дюжин их категорий. Причем наряду с персоналом канцелярии и судебными исполнителями, с одной стороны, и бургомистрами – с другой, действовало множество специализированных функционеров, привлекавшихся лишь от случая к случаю, для которых доходы с этих должностей, представлявших собой, в сущности, взятки, были весьма желанным дополнительным заработком. Общим для античных и средневековых городов, во всяком случае больших, было то, что многое из рассматриваемого в наши дни в выборных представительных собраниях решалось в специальных избранных или составленных по жеребьевке коллегиях. Так в античной Греции принимались законы и рассматривался ряд политических вопросов; в Афинах, например, в таких коллегиях приносилась клятва при заключении союзных договоров и при распределении дани между союзниками. В средние века таким же образом происходили выборы должностных лиц, причем наиболее важных, а также избирался состав наиболее ответственных, принимающих решения коллегий. Это в известной мере заменяло не существовавшую тогда систему представительства в ее современном виде. Соответственно традиционному сословному характеру всех политических прав и связанных с ними привилегий «представители» выдвигались только от союзов: в период античной демократии – от культовых или государственных сообществ, иногда от союзов государств, в средние века – от цехов или других корпораций. Представлены» были лишь особые права союзов, а не меняющийся «состав избирателей» какого-либо округа, как в наши дни избирательного права пролетариата.

Общим для античных и средневековых городов было, наконец, и возникновение городской тирании или по крайней мере попытки установить ее. Правда, в обоих случаях она была локально ограничена. В эллинской метрополии она последовательно возникала в VII–VI вв. в ряде больших городов, в том числе и в Афинах, но существовала лишь на протяжении нескольких поколений. Свобода городов уничтожалась обычно только вследствие подчинения их превосходящим военным силам. Господство же тирании в колониях, в Малой Азии и особенно в Сицилии, было более длительным и часто оставалось там установившимся типом города–государства до его падения. Тирания была повсюду результатом сословной борьбы. В отдельных случаях, например в Сиракузах, теснимые демосом роды способствовали приходу к власти тирана. Обычно тиран опирался на часть среднего сословия и на тех, кто находился в денежной зависимости от знатных родов; врагами же его были знатные роды, их он изгонял, имущество их конфисковал, и они стремились к его падению. Такова типичная классовая противоположность в древних государствах: городские, носящие оружие патриции в качестве кредиторов, крестьяне в качестве должников; она также существовала у израильтян и в Месопотамии, в греческом и италийском мире. В Вавилоне плодородная земля почти полностью принадлежала патрициям, колонами которых становились крестьяне. В Израиле долговое рабство регулировалось в «Книге Завета». Все узурпаторы, от Авимелеха до Иуды Маккавея [96] опирались на беглых долговых рабов; по предсказанию Второзакония, Израиль будет «давать займы» всем, т. е. жители Иерусалима будут заимодавцами и патрициями, а остальные – их попавшими в рабство должниками и крестьянами. Аналогичной была классовая противоположность в Элладе и Риме. Стоящая у власти тирания находила, как правило, поддержку мелких крестьян, политически связанной с ней части знати и среднего сословия горожан. Как правило, тирания опиралась на телохранителей, предоставление которых горожанами в античности народному вождю (например, Писистрату) и в средние века народному капитану было обычно первым шагом к тирании, и на наемников. Фактически тирания очень часто проводила компромиссную сословную политику, напоминающую политику «эсимнетов» (Харонд, Солон). Между преобразованием государства и права в духе такой политики и возвышением тирана часто возникала альтернатива. Социальная и экономическая политика, по крайней мере в метрополии, сводилась к тому, чтобы воспрепятствовать продаже крестьянских земель городской знати и притоку крестьян в города, в некоторых случаях к тому, чтобы ограничить покупку рабов, роскошь, посредническую торговлю, вывоз зерна, – все это меры, характеризующие политику мелких бюргеров, политику «городского хозяйства», соответствующую «хозяйственной политике средневековых городов», к которой мы еще вернемся.

Тираны повсюду ощущали себя специфически нелегитимными правителями и считались таковыми. В этом заключалось отличие их положения как в религиозном, так и в политическом отношении от власти древних правителей города–государства. Они постоянно поддерживали создание новых эмоциональных культов, в частности культа Диониса, в противоположность ритуальным культам знати. Как правило, тираны стремились сохранить внешние формы городского строя коммуны, чтобы поддерживать притязание на законность. После падения их правления знатные роды обычно оказывались настолько ослабленными, что вынуждены были предоставлять демосу, с помощью которого только и стало возможным изгнание тиранов, большие уступки. Демократическое среднее сословие примкнуло к клисфену при изгнании Писистратидов. Кое–где, правда, тиранов заменила купеческая плутократия. Тирания, вызванная, во всяком случае в метрополии, экономическими классовыми противоречиями, способствовала тимократическому или демократическому уравниванию сословных прав, часто предшествуя ему. Напротив, удачные или неудачные попытки установления тирании в более поздний период истории Греции являясь следствием завоевательной политики демоса, были связаны с его военными интересами, о которых мы скажем позже. К тирании стремились победоносные военачальники, как, например, Алкивиад и Лисандр. Вплоть до эллинистического времени эти попытки оставались в метрополии безуспешными, распались также военные государственные образования демоса по причинам, которые будут указаны ниже. Напротив, в Сицилии старая экспансионистская политика в Тирренском море, а позже национальная оборона в борьбе против Карфагена велась тиранами, которые, опираясь на наемные войска и ополчение граждан, с помощью беспощадных мер восточного образца – массового принудительного предоставления наемникам гражданских прав и переселения покоренного населения – создали интерлокальные военные монархии. Наконец, Рим, где в раннереспубликанский период попытки установить тиранию терпели неудачу, в ходе завоевательной политики пришел по социальным и политическим причинам к военной монархии, на чем мы также еще остановимся.

В средние века тирания существовала главным образом в городах Италии, хотя и не только в них. Общность между итальянской синьорией и античной тиранией, на что указывает Эрнст Майер, заключается в том, что синьория возникла как власть имущей фамилии, противостоящей членам своего сословия, и что она установила в качестве первой политической власти в Западной Европе рациональное управление во главе с (преимущественно) назначаемыми чиновниками, сохраняя при этом все-таки ряд форм строя коммуны. В остальном же между античной тиранией и синьорией существуют серьезные различия. Прежде всего, несмотря на то что синьория часто возникает непосредственно в результате сословной борьбы, случалось также, что она устанавливалась позже, после победы ророло, или даже еще несколько позже. Затем, синьория большей частью вырастала из легальных должностей ророло, тогда как тирания в эллинских городах представляла собой именно одно из промежуточных явлений между господством знатных родов и тимократией или демократией. Формально развитие синьорий было различным, как хорошо показал Э. Зальцер. Ряд синьорий возник совершенно непосредственно из должностей пополанов в результате восстаний ророло. Народный капитан, подеста меркаданцы, а также подеста коммуны стали избираться народом на все более продолжительный срок или даже пожизненно. Такие длительно занимаемые высшие должности обнаруживаются уже к середине XIII в. в Пьяченце, Парме, Лоди, Милане. Уже в конце XIII в. господство Висконти в Милане, Скалигеров в Вероне и Эсте в Мантуе стало фактически наследственным. Наряду с установлением пожизненности должностей, а затем их фактической и, наконец, юридической наследственностью происходило и расширение полномочий высших должностных лиц. Из произвольной, чисто политической карательной власти они превратились в высшую власть (*arbitrium generate*), которая, конкурируя с советом и общиной, могла принимать любые постановления, и, наконец, в *dominium* с правом управлять городом *libero arbitrio*[97], назначать должностных лиц, издавать указы, обладающие силой закона. В основе этой власти лежали две различные, хотя, по существу, часто идентичные причины. Во-первых, господство партий как таковое. Вследствие этого – постоянная угроза всему политическому и связанному с ним экономическому положению, в частности земельной собственности побежденной партии. Готовность знатных родов к военным действиям и страх перед заговорами способствовали передаче неограниченной власти вождям партии. Второй причиной были войны, угроза подчинения соседним коммунам или иным властителям. Там, где это было главной причиной, источником синьории было обычно учреждение чрезвычайного военного командования – должности военного капитана, которая передавалась чужому правителю или кондотьеру, – а не особое положение народного капитана как вождя партии. При этом передача города под *dominium* какого-либо правителя для защиты от внешней опасности могла происходить и таким образом, что полномочия правителя (*domini*) очень ограничивались. Внутри города он легче всего завоевывал поддержку широких низших слоев, ремесленников, исключенных из управления городом, отчасти потому, что перемена власти не влекла за собой для них никаких потерь, а возникновение господского двора могло иметь известные преимущества, отчасти же вследствие эмоциональной склонности масс к личной власти. Поэтому те, кто стремился установить синьорию, как правило, пользовались парламентами в качестве средства передачи власти. Однако в некоторых случаях знатные роды и купечество, опасаясь политических или экономических противников, также видели спасение в синьории, которую вначале никто не рассматривал как установление длительной монархии. Некоторые города, как, например, Генуя, неоднократно налагали на могущественных монархов, под *dominium* которых они переходили, весьма ограничительные условия в военной силе, в твердо установленной уплате денег, а подчас и лишали их господства над городом. По отношению к иноземным монархам это удавалось, как, например, это удалось Генуе по отношению к королю Франции. Однако по отношению к живущему в городе правителю это было значительно труднее. К тому же очевидно, что со временем сила и склонность горожан к сопротивлению уменьшались. Правители синьорий опирались на отряды наемников, а также все больше на связи с законными властями. После насильственного подчинения Флоренции с помощью испанской армии наследственная синьория стала признанной императором и папой властью. Ослабевающее сопротивление горожан объясняется рядом обстоятельств. Здесь, как и везде, двор правителя создавал в среде знати и горожан все увеличивающийся слой социально и экономически заинтересованных в его существовании людей. Рост потребностей и ослабление экономической экспансии, постоянные опасения высших слоев, что нарушение мирных отношений заденет их экономические интересы, затем утрата предпринимателями интереса к политической жизни в связи с усилением конкуренции и ростом экономической и социальной стабильности и обращение их вследствие этого к чистой наживе

или к мирному существованию на ренту, общая политика князей, поощрявших такое отношение, исходя из своей выгоды, – все это привело к быстрой утрате внимания к политической судьбе города. Как великие монархи, например французский король, так и правители отдельных городов могли рассчитывать на стремление низших слоев к мирной жизни города и регулированному доходу посредством продовольственной политики, в интересах мелких горожан. Во Франции короли, ориентируясь на эти интересы низших слоев, подчинили себе города, в Италии сходные тенденции служили опорой синьории. Но наиболее важным был политический момент: умиротворение горожан посредством удовлетворения их экономических интересов, утрата ими привычки к военной службе и планомерное их разоружение правителем. Правда, последнее не всегда с самого начала составляло политику правителей, некоторые из них, напротив, создали рациональные системы воинской повинности. Однако в соответствии с общим типом образования патримониального войска эти системы были или вскоре превратились в набор рекрутов из низших слоев общества, ничего общего не имеющий с республиканским войском горожан. Прежде всего, однако, господство князя было подготовлено переходом к наемному войску и к капиталистическому покрытию расходов, связанных с необходимостью в военной силе, с помощью предпринимателей (кондотьеров), вызванному растущей неспособностью горожан к военному делу и потребностью в профессиональных военных. Еще в период свободных коммун это в значительной степени способствовало преобладанию в населении склонности к миру и к разоружению. К этому присоединились личные и политические связи правителей с могущественными династиями, сила которых делала восстания горожан совершенно безнадежными. Следовательно, в конечном счете все сводилось к причинам, общее значение которых хорошо нам известно: к росту замкнутости производителей в сфере своих экономических интересов, к росту военной дисквалификации образованных слоев общества, и к росту рационализации военной техники в связи с созданием профессиональной армии; эти обстоятельства наряду с формированием экономически или социально заинтересованной в наличии двора знати, слоя получателей рент и обладателей приходов способствовали превращению синьории в наследственное патримониальное княжество. Достигнув этого, она вступила в круг легитимных властей.

В одном интересующем нас прежде всего пункте в политике синьории проявляется тенденция, общая с античными тираниями, а именно в разрушении политического и экономического монопольного положения города по отношению к сельской местности. Сельское население очень часто, как и в античности, помогало захватить власть в городе (например, в 1328 г. в Павии). Свободные горожане после победы над знатными родами подчас в собственных и в политических интересах уничтожали власть земельных собственников, освобождали крестьян, способствуя таким образом переходу земли к тем, кто мог ее купить. Массовое приобретение горожанами земли феодалов и замена, как, например, в Тоскане, вотчинного устройства системой аренды – *mezzadria* – институтом, основанным на отношениях между живущим в городе господином, связанным с сельской местностью только своими владениями, и сидящими на его земле арендаторами, – произошло при господстве *rogo grasso*. От участия в политической власти сельское население, даже свободные крестьяне-собственники, полностью устранялось. *Mezzadria* была ориентирована на частно-правовые отношения, городская же политика организационно исходила в своем отношении к сельским местностям из интересов городских жителей как потребителей, а после победы цехов и как производителей. Политика правителей городов изменила это не сразу и не везде. Знаменитая физиократическая политика великого герцога Тосканского Леопольда в XVIII в. сложилась под влиянием определенных естественно-правовых воззрений и не являлась в первую очередь политикой, основанной на аграрных интересах. Однако в целом направленная на сближение интересов и стремящаяся избежать резких коллизий политика князей уже не была политикой городского населения, использовавшего сельские местности только как средство для достижения своих целей.

Господство городских правителей распространялось большей частью, а затем и преимущественно на несколько городов. Однако это отнюдь не означало, что эти независимые до того территории городов составляли под их властью единый в современном смысле слова государственный союз. Напротив, объединенные под властью одного господина города нередко, как и раньше, имели право при наличии определенного повода посылать друг к другу посольства. Их устройство не было единообразным, и они не превратились в общины, которым государство делегировало выполнение части своих задач. Развитие в этом направлении шло постепенно, параллельно аналогичному преобразованию больших патримониальных государств в Новое время. Сословные представительства, существовавшие в

средние века уже в Сицилийском королевстве и в других старых патримониальных монархиях, почти полностью отсутствовали в государственных образованиях, возникших на территориях городов. Здесь главными организационными преобразованиями были: 1) появление назначенных правителями на неопределенное время должностных лиц наряду с выборными на короткий срок должностными лицами, обладающими юрисдикцией по уголовным делам; 2) возникновение центральных коллегиальных инстанций в первую очередь в области финансов и военного дела. Это было, конечно, важным шагом на пути рационализации управления. Рациональность техники управления была здесь подготовлена тем, что многие коммуны заложили этому основу статистикой, которую они вели в собственных финансовых и военных интересах, а также тем, что бухгалтерская отчетность достигла в банкирских домах городов достаточно высокого технического уровня. В остальном влияние на беспорную рационализацию управления оказывал, с одной стороны, пример Венеции, с другой – Сицилийского королевства, причем не столько как образец для подражания, сколько как стимул.

Развитие итальянских городов от составных частей патримониальных или феодальных союзов к периоду революционно завоеванного независимого господства знатных родов, затем к господству цехов, к синьории и, наконец, к составным частям относительно рациональных патримониальных союзов стоит особняком среди западноевропейских городов. Прежде всего в них отсутствует синьория, параллель к предварительной стадии которой при введении должности народного капитана можно увидеть в деятельности наиболее могущественных бургомистров к северу от Альп. Но в одном отношении круговорот в развитии имел универсальный характер. В Каролингское время города представляли собой едва ли не просто округа управления, обладавшие известными своеобразиями сословной структуры, и были очень близки определенной стадии в развитии нового патримониального государства, отличаясь лишь особыми корпоративными правами. В промежуточный период города были повсюду в той или иной степени «коммунами», которые обладали собственными политическими правами и проводили автономную хозяйственную политику. Подобным же образом шло развитие и в античности. И все-таки ни современный капитализм, ни современное государство не выросли на почве античных городов, тогда как развитие средневековых городов, не являясь решающей ближайшей ступенью того и другого, а тем более их основой, остается весьма важным фактором их возникновения. Несмотря на внешнее сходство между ними, необходимо, однако, отметить и серьезные различия в их развитии. Именно к ним мы теперь и обратимся. Их мы легче всего обнаружим, противопоставив оба типа городов в их наиболее характерных формах. Для этого мы должны ясно отдавать себе отчет в том, что между средневековыми городами существуют очень большие, до сих пор лишь частично отмеченные нами структурные различия. Однако остановимся еще раз на общем положении средневековых городов в период их наибольшей независимости, что позволит нам отчетливо увидеть их специфические черты в их полном развитии.

В ранний период автономии достижения городов были чрезвычайно разнообразны и шли в следующих направлениях:

1) Политическая самостоятельность и отчасти собственная внешняя политика, вследствие чего городское управление имело длительное время свои вооруженные силы, заключало союзы, вело войны, полностью подчиняло себе большие территории, а иногда и другие города, основывало заморские колонии. Длительно владеть заморскими колониями удалось лишь двум итальянским приморским городам, захватить большие территории и обрести международное политическое значение – лишь временно нескольким коммуна Северная и Центральной Италии и Швейцарии, в значительно меньшей степени – городам Фландрии, ряду ганзейских городов Северной Германии и некоторым другим. Что же касается южноитальянских, сицилийских, после короткого промежутка испанских, после более длительного промежутка французских, с самого начала английских городов, городов Германии, за исключением упомянутых северных, фландрских, нескольких швейцарских и южногерманских городов, а после краткого промежутка существования городских союзов большей части западногерманских городов, то их политическое господство ограничивалось властью над непосредственной сельской округой и несколькими маленькими городками. Во многих городах были отряды солдат (во Франции еще в довольно позднее время) и, как правило, существовала городская милиция, службу в которой несли военнообязанные горожане; она защищала стены города и могла в союзе с другими городами устанавливать земский мир, срывать разбойничьи замки и становиться на ту или иную сторону во внутренних распрях. Однако эти города не пытались проводить международную политику, как итальянские и

ганзейские города. Они обычно посылали своих представителей в сословные собрания Империи или территориальной области и нередко, несмотря на свое формально подчиненное положение, имели там вследствие своего финансового значения решающий голос. Самым ярким примером этого служат английские *commons*, которые, правда, являлись представителями не столько городских коммун, сколько сословных корпораций. Но многие города никогда не обладали и таким правом (подробности историко-правового характера увели бы нас слишком далеко). Современное патримониально-бюрократическое государство континента лишило большинство из них всякой самостоятельной политической деятельности, а также военной силы, кроме полиции. Только там, где государство, как, например, в Германии, развивалось в отдельных территориях, оно должно было допустить часть из них как особые политические образования. Особым путем пошло развитие в Англии, так как здесь не возникла патримониальная бюрократия. Здесь внутри строгой организации центрального управления отдельные города никогда не выражали политических амбиций, ибо в парламенте они выступали едиными. Они заключали торговые картели, но не политические союзы городов, как на континенте. Английские города представляли собой корпорации привилегированных знатных слоев, и их согласие в финансовых вопросах было совершенно необходимым. В правление Тюдоров короли пытались уничтожить их привилегии, но низложение Стюартов положило этому конец [98]. С этого времени города остаются корпорациями, обладающими правом выбора членов парламента, и как *kingdom of influence* [99], так и партии знати пользовались в политических целях для нужного им парламентского большинства подчас до смешного маленькими, легко управляемыми избирательными округами, представителями которых они являлись.

2) Автономное судопроизводство города как такового и внутри его гильдий и цехов. В полном объеме этим правом пользовались политически самостоятельные итальянские, временами испанские и английские и в своей значительной части французские и немецкие города, причем письменное подтверждение этого права существовало не всегда. Вопросы земельного владения, рыночных и торговых отношений решались в городских судах, где в качестве шеффов заседали горожане, применявшие равное, общее для всех жителей города особое право, основанное на обычае или автономных постановлениях, на подражании, заимствовании или на предоставлении при основании города чужого права. В судопроизводстве городов все больше исключались иррациональные и магические доказательства, такие, как поединок, ордалии и клятва рода, и заменялись рациональным доказательством – развитие, которое не следует, однако, представлять себе слишком прямолинейным. Иногда сохранение процессуальных особенностей городского суда выражалось в возвращении к старой процедуре, противопоставляемой новшествам королевского суда – в Англии отказ от *jury*, – и к средневековому праву в противовес распространению римского права; последнее наблюдалось на континенте, где соответствующие капиталистическим интересам правовые институты сложились на основе городского права как цитадели автономии заинтересованных лиц, а не на основе римского (или немецкого) земского права. Городское управление стремилось, в свою очередь, к тому, чтобы гильдии и различные союзы не издавали без их утверждения никаких постановлений или ограничивались лишь теми, которые строго относились к отведенной им области. Как объем автономии во всех городах, которым приходилось считаться с политическим господином или собственником земли, следовательно, во всех городах, кроме итальянских, так и разделение законодательной власти между советом и цехами были различны и решались соотношением сил. Возникающее патримониально-бюрократическое государство везде значительно урезало автономию городов. В Англии Тюдоры впервые систематически проводили принцип, согласно которому города и цехи являются корпоративно организованными государственными институтами для определенных целей с правами, не выходящими за установленные привилегиями пределы и обязательными только для входящих в них членов в качестве горожан. Каждое нарушение установленных границ служило поводом кассации хартии в процессе *quo warranto* (например, для Лондона при Якове II) [100]. Согласно такому пониманию город, как мы видели, вообще в принципе не считался «территориальной корпорацией», а рассматривался как привилегированный сословный союз, в управление которого постоянно вмешивался, контролируя его, *Privy council* [101]. Во Франции города в течение XVI в. вообще лишились права юрисдикции, кроме рассмотрения дел полицейского характера, а для принятия всех важных финансовых актов требовалось утверждение государственных учреждений. В Центральной Европе автономия городских территорий была, как правило, совершенно уничтожена.

3) Автокефалия, т. е. исключительно собственные судебные и административные учреждения. Полностью ею обладала только часть итальянских городов, в

других странах города имели лишь право низшей юрисдикции, большей частью при допущении апелляции в королевский или высший земский суд. В органах юстиции, где приговор выносили шеффены из среды горожан, должность судьи имела сначала преимущественно фискальный интерес, вследствие чего город не считал нужным добиваться формального признания своей юрисдикции или покупать ее. Для города было наиболее важным представлять собой особый судебный округ с шеффенами из своих граждан. Это было достигнуто уже на очень ранней стадии полностью в области низшей, частично в области высшей юрисдикции. В значительной степени горожане получили и право выбора шеффенов или кооптации их без какого-либо вмешательства господина. Важной являлась также предоставленная городу привилегия, согласно которой горожанин был подвластен только суду города. Здесь не может быть рассмотрено развитие собственного административного учреждения города, совета. Но наличие такого совета с широкими административными полномочиями было в период развитого средневековья отличительным признаком каждой городской общины Западной и Северной Европы. Его состав был самым разнообразным и зависел от соотношения сил между патрициатом «родов», следовательно, землевладельцами и владельцами капитала, кредиторами и частично занятыми торговлей горожанами, купцами из горожан, часто образующими цехи, в зависимости от того, преобладали ли среди них те, кто был занят заморской торговлей, или (в массе) крупные розничные торговцы, предприниматели в области раздаточной системы ремесленного производства, и подлинными ремесленными цехами. С другой стороны степень участия политического властителя или господина земли в назначении совета, т. е. в том случае, если город оставался гетеро-кефальным, определялась соотношением экономического могущества горожан и господина города. Это зависело в первую очередь от того, насколько сеньор города нуждался в деньгах, приобрести которые он мог, продав свои права. Но также, конечно, и от финансовых возможностей города. Однако, если городская касса обладала средствами политической власти, потребность городской кассы в деньгах и денежный рынок города сами по себе не решали вопроса. Во Франции уже в XIII в. при Филиппе Августе королевская власть (иногда и другие властители), находящаяся в союзе с городами, достигла вследствие острой нужды городов в деньгах участия (*partage*) в назначении на административные должности, права контролировать действия магистрата, в частности в области интересовавшего короля финансового управления, права утверждения выборных консулов и вплоть до XV в. – председательства в городском собрании королевского прево. В эпоху Людовиков замещение городских должностей полностью находится во власти королевских «интендантов», а финансовая нужда государства привела к тому, что продаваться стали как городские, так и государственные должности. Патримониально-бюрократическое государство превратило городские органы управления в привилегированные представительства корпораций с сословными привилегиями, действовавшими только в области их корпоративных интересов и не имевшими значения в деле государственного управления. Английское государство, вынужденное сохранить автокефалию городов, поскольку они выбирали в парламент, беспощадно игнорировало город, когда ему хотелось предоставить решение задач, ныне находящихся в ведении коммунальных общин, местным союзам, поручая их выполнение либо отдельным приходом, к которым принадлежали не только члены привилегированных корпораций, но и все полноправные жители, либо другим, специально для этого созданным объединениям. Но большей частью патримониальный бюрократизм просто превращал магистраты в государственные учреждения наряду с другими.

4) Налогообложение горожан, свобода их от повинностей и налогов извне. Первое проводилось в различной степени при различном воздействии, а иногда и полном отсутствии контроля со стороны сеньора города. Английские города никогда не обладали подлинной налоговой автономией, и для введения новых налогов всегда требовалось согласие короля. Освобождение от повинностей и налогов извне также было достигнуто лишь кое-где. В не обладавших политической автономией городах – только в том случае, если они брали на откуп налоговую повинность и вносили господину города сразу общую сумму налогов, чаще же регулярно выплачивали ее по частям и самостоятельно ведали налогами королю (*firma burgi* в Англии). Наиболее полное освобождение от налогового бремени извне удавалось, когда речь шла о личных, судебных или крепостных повинностях горожан. Патримониально-бюрократическое государство после своей победы, правда, чисто технически различало город и деревню в налоговом отношении, стараясь равномерно обложить своим специфическим налогом, акцизом, производство и потребление. Право на налогообложение было у городов практически снято. В Англии корпоративное обложение в городах не имело большого значения, так как новые задачи управления перешли к другим объединениям. Во Франции, после того как все финансовые операции города и

право налогового самообложения были взяты под контроль государства, король присвоил со времен Мазарини половину городского *ostroy*[102]. В Центральной Европе городские учреждения и в этом отношении часто превращались в государственные органы по взиманию налогов.

5) Рыночное право, автономная полиция в области торговли и промышленности и монополистические обладатели банна. Рынок был в каждом средневековом городе, и надзор за рынком повсюду переходил в очень значительной степени от господина города к городским советам. Позже полицейский надзор над торговлей и промышленностью находился в зависимости от соотношения сил в ведении либо городских учреждений, либо профессиональных союзов при значительном лишении этих прав сеньора. В области промышленности общий контроль над качеством товаров осуществляла полиция, отчасти ради доброго имени города, т. е. в интересах экспорта товаров, отчасти же в интересах городских потребителей, существенным для которых был контроль над ценами; надзору подлежало и сохранение определенного уровня питания мелких бюргеров, следовательно, ограничивалось число учеников и подмастерьев, а иногда и мастеров; с ухудшением продовольственного положения происходит монополизация мест мастеров жителями данного города, преимущественно сыновьями мастеров. С другой стороны, по мере того как цехи сами стали осуществлять функции полиции, они пытались противодействовать зависимости от крупных предпринимателей, в том числе находящихся вне города, посредством запрещения раздаточной системы, контроля над кредитованием, регулирования и организации поступления сырья, а иногда и формы сбыта. Но прежде всего город стремился подавить конкуренцию подчиненных ему сельских местностей, т. е. пытался остановить там развитие ремесел, заставить крестьян в интересах городских производителей покупать все необходимое в городе, а в интересах городских потребителей продавать свои продукты на городском рынке, и только там; затем в интересах потребителей, а также нуждающихся в сырье ремесленников запретить покупать товары вне рынка, установить в интересах городских торговцев монополию на перепродажу и посредническую торговлю, и, наконец, получить привилегии на свободную торговлю вне города. Эти основные свойства так называемой «хозяйственной политики города», варьирующиеся в ходе бесчисленных компромиссов между различными интересами, встречаются почти повсюду. Направленность этой политики обуславливается в каждом данном случае помимо соотношения сил заинтересованных сторон внутри города также и сферой его экономической деятельности. Расширение ее в первый период поселения привело к расширению рынка, сужение ее в конце средних веков породило тенденцию к монополизации. В остальном каждый город имел собственные, сталкивающиеся с конкурентами интересы, между ведущими же дальнюю торговлю городами юга велась борьба не на жизнь, а на смерть.

Подчинив города, патримониально-бюрократическое государство совсем не намеревалось покончить с их «хозяйственной политикой». Напротив, экономический расцвет городов и их ремесел, а также сохранение количественного уровня населения посредством проведения определенной продовольственной политики настолько же соответствовали финансовым интересам государства, как и стимулирование внешней торговли посредством меркантилистской торговой политики, образцом которой государству могла, во всяком случае отчасти, служить дальняя торговая политика городов. Государство пыталось предотвратить столкновения интересов между входившими в его союз городами и группами, в частности объединить меры продовольственной политики с подержкой инвестиции капиталов. Против традиционной хозяйственной политики государство почти до французской революции выступало лишь в тех случаях, когда местные монополии и привилегии горожан стояли на пути проводимой им все более капиталистически ориентированной на привилегии и монополии политики. Правда, уже это могло в отдельных случаях привести к резкому нарушению привилегий горожан, однако такие действия лишь в исключительных случаях означали принципиальное изменение привычного пути. Автономия в регулировании городского хозяйства была утрачена, и это могло косвенным образом иметь большое значение. Но решающим было то, что города не располагали для защиты своих интересов такими военно-политическими силами, какими обладало патримониально-бюрократическое государство. Лишь в исключительных случаях города могли пытаться выступить, как это делали князья, объединившись в союзы, чтобы воспользоваться открывающимися в результате патримониальной политики возможностями получения доходов. По существу, это было доступно только отдельным лицам, причем лицам социально привилегированным; так, в Англии и во Франции в типичных, монополистически привилегированных внутренних и заморских предприятиях периода патримониальной политики наряду

с королем участвовали (сравнительно) многие крупные землевладельцы и чиновники и (относительно) небольшое число горожан. Иногда в спекулятивных внешних предприятиях достаточно широко участвовали за счет городской казны и города, например Франкфурт, однако большей частью во вред себе, так как какая-нибудь единственная неудача наносила городу значительно больший ущерб, чем большому политическому образованию.

Экономический упадок многих городов, особенно начиная с XVI в., объяснялся – поскольку он затронул и английские города – только отчасти изменением прохождения торговых путей и возникновением крупного домашнего производства, основанного на рабочей силе вне города. Он был главным образом вызван другими, общими причинами: прежде всего тем, что традиционные, входящие в городское хозяйство формы предпринимательства уже не давали наибольшей прибыли и что теперь политически ориентированные торговые непромышленные капиталистические предприятия, даже если они формально размещались в городе, не имели больше опоры в хозяйственной политике города и не находились в ведении объединенных в союз занятых предпринимательством горожан. Старые формы предпринимательства постигла та же судьба, как некогда феодальную военную технику. Новые капиталистические предприятия основывались в новых, удобных для них местах, и предприниматель обращался теперь в своих целях к другим помощникам в той мере, в какой он в них вообще нуждался, а не к местной городской общине. Подобно тому как в Англии (*dissenters*, которые играли такую большую роль в капиталистическом развитии, не принадлежали вследствие Тест-акта [103]. К господствующей городской корпорации, и крупные торговые и промышленные города возникали там вне существующих округов и тем самым вне компетенции местных, обладающих монополией властей, вне старых привилегированных корпораций; поэтому их юридическая структура носила часто очень архаические черты: старые сеньориальные суды, *court farm* и *court leet*, существовали в Ливерпуле и Манчестере вплоть до реформы Нового времени, только земельная власть сеньора стала именоваться судебной властью.

б) Из политического и экономического своеобразия средневековых городов следовало и их отношение к небюргерским негородским слоям населения. В различных городах оно было очень различным. Общей была противоположность хозяйственной организации городов внегородским, политическим, сословным и сеньориальным структурным формам: противоположность рынка ойкосу. Эту противоположность не следует представлять себе просто как «борьбу» между политическим или земельным сеньором и городом. Такая борьба существовала, конечно, повсюду, где город в интересах распространения своей власти принимал на свою территорию политически или поземельно зависимых людей, которых их господин не хотел отпускать, или включал их в качестве внегородских бюргеров в городской союз, даже если они не переселялись в город. В северных городах последнее стало после короткого промежутка невозможным из-за вмешательства княжеских союзов и запрещения короля. В принципе противодействие было повсюду направлено не против экономического развития городов, а против их политической самостоятельности. Борьба возникала также и в тех случаях, когда экономические интересы феодального сеньора сталкивались с интересами города в области политических сношений и с его монополистическими тенденциями. И конечно, величайшие опасения военного феодального союза во главе с королем вызывало появление автономных крепостей в сфере их политических интересов. Германские императоры почти все время – с небольшими перерывами – испытывали подобные опасения.

Напротив, французские и английские короли часто проявляли большую доброжелательность к городам по политическим причинам, вследствие их борьбы с баронами, а также из-за финансового значения городов. Надо сказать, что и негативное влияние, которое рыночное хозяйство города как таковое могло оказывать на вотчинное хозяйство и косвенно на феодальный строй в целом и в различной степени действительно его оказывало, совсем не обязательно происходило в форме «борьбы» городов с представителями других интересов.

Наоборот, на многих стадиях развития интересы оказывались в значительной степени общими. Политическим и земельным сеньорам были очень нужны денежные повинности зависимых от них людей; только город предоставлял этим людям местный рынок для их продуктов, а тем самым и возможность нести вместо барщины и натуральных повинностей денежные повинности, вотчинникам же город давал возможность превращать натуральные повинности в деньги на местном рынке или по мере развития капиталистической торговли вне его, вместо того чтобы потреблять их *in natura*. Политические и земельные сеньоры энергично использовали эти возможности, либо требуя от крестьян уплаты денежной

ренты, либо основываясь на созданной рынком заинтересованности крестьян в большей продуктивности, возможной при увеличении размера хозяйственных единиц, которые дадут больше натуральных продуктов в виде ренты, превращали добавочный продукт с крестьянских хозяйств в деньги. Наряду с этим политический и земельный сеньор мог по мере развития местных и межрегиональных сношений взимать различные пошлины на торговых путях, как это и происходило уже в средние века на западе Германии. Поэтому основание городов и связанные с этим последствия было, с точки зрения господина города, чисто деловым предприятием для извлечения доходов. Исходя из таких экономических интересов, знать еще во время преследования евреев на востоке, в частности в Польше, основывала множество «городов», что часто оказывалось неудачным; их исчисляемое несколькими сотнями население состояло иногда на 90% из евреев. Следовательно, специфически средневековое североευропейское основание городов было фактически доходным «делом» и резко отличалось, как мы увидим, от основания военных городов-крепостей, какими были античные полисы. Преобразование почти всех личных и вещных повинностей, требуемых земельным или судебным сеньором, и вытекающая из этого отчасти правовая, отчасти в достаточной степени фактическая экономическая свобода крестьян – отсутствовавшая везде, где развитие городов шло медленно, – возникла как следствие того, что доходы политических и земельных сеньоров в областях интенсивного развития городов все больше складывались из сбыта на рынке продуктов крестьянского хозяйства или крестьянских повинностей; их источником могли быть – и были – также другие хозяйственные возможности, связанные с торговыми сношениями, но никак не барщина зависимых крестьян или потребление предоставляемых ими продуктов в домашнем хозяйстве, как это происходило в хозяйстве ойкоса; теперь как сеньор, так – правда, в меньшей степени – и зависимые от него люди в значительной части удовлетворяли свои потребности ведением денежного хозяйства. Перемены в положении крестьянства зависели в значительной степени и от скупки земель сельской знати жителями города, переходившими к более рациональному хозяйствованию на этих землях. Этот процесс наталкивался на препятствия там, где для владения землями знати требовалось право на получение лена, которого городской патрициат к северу от Альп почти нигде не имел. Однако столкновения между политическими или земельными сеньорами и городами нигде не происходили на почве «денежного хозяйства» как такового, напротив, между ними, несомненно, существовала общность интересов. Чисто экономическая коллизия возникала лишь там, где землевладельцы, стремясь повысить свои доходы, переходили к собственному промышленному производству, что, впрочем, было возможно лишь там, где в их распоряжении была соответствующая рабочая сила. В этом случае города начинали бороться с промышленным производством сеньоров, и именно в Новое время в рамках патрициально-бюрократического государства эта борьба часто принимала очень резкие формы. В средние века об этом еще не было и речи; фактический распад старого вотчинного союза при ослаблении зависимости крестьян часто шел без всякой борьбы просто вследствие проникновения в него элементов денежного хозяйства. Так обстояло дело в Англии. В других местах, правда, города непосредственно и сознательно способствовали такому развитию, например, как мы уже видели, в сфере господства Флоренции.

Патримониально-бюрократическое государство стремилось примирить противоположные интересы знати и городов, но, поскольку оно нуждалось в знати в качестве офицеров и чиновников, оно запретило незнатным, следовательно, и горожанам приобретать земли знати.

В средние века конфликты такого рода чаще возникали между городами и церковными, особенно монастырскими, чем со светскими феодалами. Ведь духовенство вообще, а особенно после разделения церкви и государства в борьбе за инвеституру было наряду с евреями чужеродным телом в городе. Владения церкви были в значительной степени освобождены от налогового бремени, обладали иммунитетом, следовательно, правом не допускать должностных лиц, в том числе и городских, на свою территорию. Духовенство как сословие считало себя свободным от военных и других обязанностей города. При этом число таких свободных от повинностей владений увеличивалось, а с ними вследствие постоянного основания церквей благочестивыми горожанами и число неподвластных городскому управлению лиц. В своих светских братях [104] монастыри имели рабочих, не занятых заботой о семье и, следовательно, способных выдержать конкуренцию при использовании их, что часто случалось, в собственном промышленном предприятии. Монастыри, совершенно так же как «вакуфы» [105] средневекового ислама, захватили источники денежно-хозяйственных рент – рыночные помещения, торговые площади, мясные лавки, мельницы и т. п.; все это было теперь изъято не

только из налогового обложения, но и из всей хозяйственной политики города. Часто монастыри предъявляли также притязания на монополию. Их обнесенные стенами и обладавшие иммунитетом территории могли представлять собой опасность и в военном отношении. А церковный суд, запрещавший ростовщичество, препятствовал развитию деловых операций горожан. Против накопления земельных владений по праву мертвой руки горожане пытались бороться запретами, так же как князья и знать, посредством законов амортизации. Но, с другой стороны, церковные праздники и прежде всего владение местами паломничества с продажей индульгенций служили для части городской промышленности способом получения дохода, а монастыри в той мере, в какой они были открыты для светских лиц, – местами призрения. Поэтому отношения между духовенством и монастырями, с одной стороны, и горожанами – с другой, были в конце средних веков, несмотря на все столкновения, совсем не столь плохи, чтобы в них можно было видеть достаточное основание для «экономического объяснения» Реформации. Церковные и монастырские учреждения не были, в сущности, столь неприкосновенны для городской общины, как это утверждалось каноническим правом. Справедливо указывалось, что в Германии, в частности, монастыри, после того как в ходе борьбы за инвеституру королевская власть была значительно ослаблена, лишились своего наиболее стойкого защитника от светской власти и что устраненная ими власть фогтов [106] могла очень легко так или иначе возродиться, если они серьезно займутся экономической деятельностью. Во многих случаях городскому совету удавалось фактически подчинить их опеке, очень близкой прежней власти фогта, навязывая им под различными предложениями и наименованиями помощников и управляющих, которые ведали владениями и делами монастыря в интересах города. Сословное положение клира в городской общине было очень различным. Иногда он находился в правовом отношении просто вне городской корпорации, но и там, где дело не обстояло таким образом, он выступал в силу своих неистребимых сословных привилегий как неудобная для города, неассимилируемая чужеродная сила. Реформация покончила с этим в пределах своего господства, но городам, подпавшим вскоре под власть патримониально-бюрократического государства, это уже не помогло.

В этом отношении развитие в древности шло совсем иным путем. Чем дальше в глубь веков, тем больше экономическое положение храмов в древности похоже на положение церкви и особенно монастырей в раннее средневековье, особенно в колониях Венеции. Здесь развитие шло не в сторону растущего разъединения государства и церкви и роста самостоятельности церковных владений, как в средние века, а в обратном направлении. Знатные роды городов захватили владения храмов, видя в них источник доходов и власти, а демократия полностью превратила их в государственную собственность, в распродаваемые приходы, уничтожила политическое влияние жрецов и передала управление экономикой общинам. Большие храмы, такие, как храм Аполлона в Дельфах и храм Афины в Афинах, были сокровищницами эллинистического государства, депозитными кассами рабов, и некоторые из них остались крупными землевладельцами. Экономической конкуренции храмов с городской промышленностью в античных городах не возникало. Секуляризация церковного имущества не происходила и не могла происходить. Но фактически, хотя и не по форме, «обмирщение» концентрированных некогда в храмах ремесел проводилось значительно более радикально, чем в средние века. Главной причиной этого было отсутствие монастырей и самостоятельной организации церкви как межрегионального союза.

Конфликты между населением городов и земельными собственниками известны в античности так же, как в средние века и в начале Нового времени. Античный город проводил свою политику по отношению к крестьянам и свою взрывающую феодализм аграрную политику. Но эта политика была настолько шире по своему размаху и настолько отличалась по своему значению для развития городов от применявшейся в средние века, что различие выступает очень отчетливо. Оно должно быть рассмотрено в общем контексте.

§5. Античная и средневековая демократия

Особенность исторического развития средневекового города создавалась не экономической противоположностью городского и негородского населения и формами их жизненного уклада. Решающим было положение города внутри политических и сословных союзов средневековья. В этом отношении типичный средневековый город очень отличается от античного; но и сам он делится на два, переходящих друг в друга, но в своих наиболее чистых выражениях очень различных типа: один из них, южноевропейский, в частности итальянский и южнофранцузский, во многом отличающийся от античного полиса, все же более

близок ему, чем другой, преимущественно северофранцузский, немецкий и английский, который при всех различиях в этом отношении однороден. Нам необходимо еще раз обратиться к сравнению средневекового города с античным и с другими типами городов вообще, чтобы обозреть в общей связи причины их различия.

Патрициат южноевропейских городов имел бурги и земельные владения за пределами города, как, например, в античное время Мильтиад, о чем мы уже несколько раз упоминали. Владения и бурги рода Гримальди далеко распространялись по побережью Прованса. Но чем дальше на север, тем реже встречаются такие владения, а в типичном городе Центральной и Северной Европы более позднего времени они вообще отсутствуют. С другой стороны, демос, который, подобно аттическому, требовал бы, опираясь на чисто политическую силу, предоставления различных выдач и части доходов, средневековому, городу неизвестен, хотя в городских общинах средневековья и даже Нового времени существовало прямое распределение экономических поступлений с общего имущества, напоминающее распределение между афинскими гражданами дохода с соляных копей.

Очень резка разница между положением низшего сословного слоя в античном и в средневековом городе. Главной опасностью экономической дифференциации в античном городе, которую старались разными средствами предотвратить все партии, было возникновение класса полноправных граждан, потомков полноправных фамилий, которые, оказавшись разоренными, в долгах, без содержания, неспособными приобрести необходимое для военной службы вооружение, надеялись, что в результате переворота или установления тирании произойдет передел земель, прощение долгов, или обеспечение из государственных фондов в виде раздачи хлеба, бесплатного посещения празднеств, зрелищ и цирковой борьбы, или просто предоставление государственных средств для участия в празднествах. Такие слои населения существовали и в средние века. Они встречались и в Новое время в южноамериканских штатах, где неимущее «бедное белое ничтожество» (poor white trash) противостояло рабовладельческой плутократии. В средние века деклассированные вследствие неуплаты долгов слои знати, например в Венеции, были предметом таких же опасений, как в Риме во времена Катилины. Но в целом это обстоятельство не играло существенной роли в средневековых городах. Особенно в городах демократических. Во всяком случае, оно не служило типичной отправной точкой классовой борьбы, как это, несомненно, было в античности. Ибо в ранний период античности классовая борьба происходила между жившими в городах знатными родами, кредиторами, с одной стороны, и крестьянами, должниками, лишенными собственности и обращенными в рабство, – с другой.

Типом деклассированного был *civis proletarius*, «потомок» полноправного гражданина. В позднее время имущим слоям противостояли погрязшие в долгах потомки знати, как, например, Катилина, которые становились во главе радикальной революционной партии. Интересы непривилегированных слоев античного полиса были главным образом интересами должников, а также потребителей. В хозяйственной политике античных городов все более исчезают те интересы, которые составили в средние века основу демократической политики города, а именно интересы промышленной политики. Цеховая «продовольственная политика» городского хозяйства, которая в ранний период подъема демократии осуществлялась в античности, в ходе дальнейшего развития все более ослабевала, во всяком случае в ее производительном аспекте. Развитой демократии греческих городов, как и достигшей полного господства римской аристократии близки, поскольку речь идет о городском населении, наряду с торговыми интересами почти только интересы потребительские. Общий для античной и средневековой политики, а также политики меркантилизма запрет на вывоз зерна оказался в античности недостаточным. В центре хозяйственной политики стояла забота государства о подвозе зерна. Доставка зерна от дружественных правителей служила в Афинах главным поводом для пересмотра гражданских списков, чтобы исключить из них неправомочных. А неурожаи в поставляющих зерно областях Понта заставили Афины потребовать дани от союзников, из чего явствует, насколько цена на хлеб определяла жизнеспособность города. Закупка зерна полисом совершалась и в Элладе. Но громадного масштаба требование от провинций налогов в виде зерна для раздачи хлеба жителям города достигло в поздний период Римской республики.

Специфически нуждающимся в средние века был бедный ремесленник, т.е. безработный в области своего ремесла; специфически античным пролетарием был

политически деклассированный вследствие потери земель прежний землевладелец. И в античности существовала проблема безработицы ремесленников. Главным средством против нее было строительство больших государственных сооружений, как это делал Перикл. Уже то, что большое число рабов занималось ремеслом, затрудняло решение этой проблемы. Конечно, и в средние века в ряде средиземноморских городов были рабы. С одной стороны, в городах даже до конца средних веков сохранялась работорговля. С другой – город прямо противоположного континентального типа, такой, как Москва до отмены крепостного права, носил характер большого восточного города, например времени Диоклетиана, ибо там проживались ренты тех, кто владел землей и людьми, и доходы от должностей.

В типичных же средневековых городах Запада рабский труд все больше терял свое экономическое значение и наконец вообще утратил его. Могущественные цехи нигде не допустили бы возникновения слоя ремесленников из рабов, платящих подушную подать господину, в качестве конкурентов свободных ремесленников. Обратное было в античности. Там увеличение имущества означало увеличение числа рабов. Каждая война означала множество рабов в виде военной добычи и переполнение рынков рабов. Часть рабов служила владельцу для личных услуг. В древности наличие рабов было необходимым требованием, чтобы вести образ жизни полноправного гражданина. Гоплит так же не мог обходиться во времена непрерывных войн без рабов в качестве рабочей силы, как средневековый рыцарь без крестьян. Кто совсем не имел рабов, считался пролетарием (в античном понимании). В домах римской знати масса рабов использовалась для личных услуг; они выполняли в большом хозяйстве самые разнообразные функции и своей производительной деятельностью удовлетворяли значительную часть потребностей внутри ойкоса. Пища и одежда рабов главным образом покупалась. В экономике Афин нормой было денежное хозяйство, достигшее полного господства впоследствии на эллинистическом Востоке. О Перикле говорили, что, желая приобрести популярность среди ремесленников, он старался удовлетворять свои потребности, совершая покупки на рынке, а не производя необходимое в своем хозяйстве. Вместе с тем значительная часть городской ремесленной продукции находилась в руках самостоятельно занимавшихся предпринимательством рабов. Об эргастериях речь уже шла выше, наряду с ними работали отдельные несвободные ремесленники и мелкие торговцы. Очевидно, что совместный труд рабов и свободных граждан, как это происходило в смешанных группах при постройке Эрехтейона, социально влиял на их положение и что конкуренция рабов должна была ощущаться и экономически. Однако наибольшее распространение использования рабов относится в Греции именно к расцвету демократии.

Это сосуществование рабского и свободного труда исключило в античности возможность возникновения цехов. В ранний период существования полиса предположительно, хотя и не доказуемо, намечались подступы к образованию ремесленных союзов. Но, по-видимому, в виде важных в военном отношении объединений ремесленников, таких, как *centuria fabrum* [107] в Риме и «демиурги» в Афинах времен словесной борьбы. Однако именно при демократии эти ростки политической организации бесследно исчезли, и при тогдашней социальной структуре ремесла – иначе быть и не могло. Мелкий горожанин античности мог входить вместе с рабами в общину мистов (как это было в Греции) или в *collegium*

(впоследствии в Риме), но не в союз, который, как средневековый цех притязал бы на политические права. В средние века цехом был, в отличие от знатных родов, организован в цехи. В классический период античности именно при господстве демоса (в отличие от существования зачатков в более ранний период) отсутствуют какие бы то ни было следы цехов. «Демократический» город делится не на цехи, а на *демои* или трибы, следовательно, на территориальные и (формально) преимущественно сельские округа. Таков его характер. Этого совершенно нет в средние века. Деление городской территории на кварталы существовало, конечно, как в древности и средние века, так и в городах Востока и Восточной Азии. Однако в средневековых городах и городах других эпох политическая организация никогда не была основана на локальных объединениях и на распространении ее на всю входящую в политический округ города сельскую местность таким образом, что формально деревня становилась подразделением города. Деление – на *демы* (в основном) совпадало с (историческими или *ad hoc* – для данного случая – созданными) границами деревень. *Демы* имели *альменды* и собственные местные власти. Такая основа городского устройства не имеет аналогов в истории, и уже это одно свидетельствует об исключительности именно демократического полиса

древности, что следует особенно подчеркнуть. Ремесленные союзы как конститутивная часть города встречаются только в ранний период античной истории и лишь наряду с другими сословными корпорациями. Эти союзы играли определенную роль при выборах, таковыми в Риме были центурия *fabri* наряду с центурией всадников (*equites*), старого разделенного на классы войска, и, возможно, но не достоверно, демиурги времен досолоновского сословного компромисса в Афинах. Они могли восходить либо к свободным объединениям – как, без сомнения, отраженное в политическом устройстве очень старое *collegium mercatorum* с богом данной профессии Меркурием в Риме, – либо источником их могли быть союзы, образованные как литургические единицы для военных целей, ведь античный город покрывал свои потребности налогами с горожан. Обнаруживаются отдельные, напоминающие гильдии союзы. Так, например, культовый союз танцовщиков Аполлона в Милете с его совершенно официально документированным (по главе союза эпонимией года[108]) господствующим положением в городе (в деталях неизвестным) больше всего напоминает гильдии средневекового севера, с одной стороны, и, цехи магических танцовщиков американских племен и магов (брахманов) в Индии, левитов в Израиле – с другой. Его не следует представлять себе как союз профессиональных, впадающих в экстаз магов прошлого племени. В историческое время он представляет собой, пожалуй, клуб знатных родов, участвующих в процессиях во славу Аполлона, следовательно, стоит ближе всего к «цеху богатых» в Кельне, только с типичной для древности, в отличие от средних веков, идентификацией культовой общины с господствующим цехом горожан. Если, с другой стороны, в период поздней античности в Лидии обнаруживаются коллегии ремесленников с наследственными старейшинами, заменявшие здесь, по-видимому, филы, то они, несомненно, происходят от ремесленников из старых пришлых племен и представляют собой прямо противоположное западному развитию явление, напоминающее ход развития в Индии. На Западе деление ремесленников по профессиям встречается вновь в виде позднеримских и средневековых *officia* и *artificia* господских ремесленников. Позже, при переходе от античности к средневековью, встречаются объединения городских ремесленников, производящих товары на рынок, но лично зависимых от господина и платящих ему оброк; они служили, насколько можно судить, лишь для взимания оброков, но, быть может, первоначально были образованными господином литургическими союзами[109]. Наряду с ними были другие, вероятно столь же древние, впоследствии исчезнувшие союзы свободных ремесленников, стремившиеся к монополии и игравшие решающую роль в борьбе граждан с родовой знатью. В период же классической античной демократии нет и следа этого. Литургические цехи, которые, быть может, существовали в ранний период развития городов, хотя несомненных указаний на это нет нигде, кроме данных о военных союзах и союзах для проведения голосования в Риме, вновь обнаруживаются в литургическом государстве поздней античной империи. Несмотря на то что именно в период классической демократии свободные объединения охватывали всевозможные области, они, насколько нам известно, нигде не имели характер цехов и не стремились его иметь. Поэтому они для нашего исследования значения не имеют. Если бы они хотели обрести экономический характер цехов, то, поскольку существовало множество несвободных ремесленников, им бы пришлось, как это делалось в средневековом городе, не проводить различия между свободными и несвободными членами их союза. Но тогда пришлось бы отказаться от политического значения, а это повлекло бы за собой существенные неблагоприятные для них последствия экономического характера, о которых вскоре будет сказано. Античная демократия была «цехом» свободных граждан, и это определяло, как мы увидим, все ее политическое поведение. Свободные цехи или близкие им объединения впервые создаются, насколько до сих пор известно, именно в то время, когда политическая роль античного полиса пришла к концу. Идея же подавлять несвободных или свободных не полноправных ремесленников (из вольноотпущенников или метеков), изгонять их или значительно ограничивать в правах не могла быть принята в демократии как неосуществимая. Попытки такого рода, обнаруживаемые во время сословной борьбы, особенно при господстве законодателей и тиранов, позже, а именно после победы демократии, полностью исчезают. Привлечение рабов частных господ наряду с гражданами и метеками к государственному строительству и государственным поставкам в период абсолютного господства демоса свидетельствует со всей очевидностью как о том, что без них невозможно было обойтись, так и о том, что господа рабов не хотели отказываться от связанной с этим выгоды и обладали достаточной властью, чтобы предотвратить это. В противном случае рабы не привлекались бы к таким работам. Дело в том, что продукция свободных полноправных ремесленников не хватало для осуществления важных государственных задач. В этом проявляется коренное различие в структуре развитого античного города и города средневекового при господстве в первом

случае демоса, во втором – ророло. В раннедемократическом античном городе, находившемся под властью гоплитов, живущий в городе ремесленник, который не имел надела (клера) и был экономически не способен явиться вооруженным в войско, не играл политической роли. В средние века ведущими в политической жизни были крупные предприниматели (ророло grasso) и ремесленники капиталистического типа (ророло minuto). Внутри античного полиса эти слои, как показывает общая политическая ситуация, не имели (решающей) власти. Так же как античный капитализм был политически ориентирован на государственные поставки, государственное строительство и вооружение, на государственный кредит (в Риме это было политическим фактором уже в период Пунических войн), на государственную экспансию и добычу в виде рабов, земли, податей и привилегий а промышленной деятельности, на торговлю и поставки в подчиненных городах, так в этом была заинтересована и античная демократия. Крестьяне, пока они составляли ядро войска гоплитов, стремились получить завоеванные земли для поселения. Мелкие горожане были заинтересованы в прямых и косвенных доходах с подчиненных общин: в государственном строительстве, в деньгах для участия в зрелищных предприятиях, в раздаче зерна и других даров государства из кармана его подданных. Состоящее преимущественно из сельских землевладельцев войско гоплитов при своем господстве в период сословных компромиссов Клисфена, а в Риме в период децемвиров [110], уже исходя из интересов потребителей, заинтересованных в дешевом обеспечении, никогда не допустило бы ничего подобного цеховой политике средневековых городов. А более поздний, находившийся под влиянием интересов горожан эллинский суверенный демос, безусловно, не был заинтересован в такой политике, да и не имел возможности ее проводить.

Политические цели и средства античной демократии были диаметрально противоположны целям и средствам средневекового бюргерства. Это находило свое выражение в неоднократно уже упоминавшемся различии в делении городского населения. Если средние века знатные роды и не исчезли, а вынуждены были войти в состав, цехов как составная часть бюргерства, то это означало, что они растворились там в среднем сословии, следовательно, формально теряли часть своего влияния. Часто, правда, происходило и обратное: цехи, как, например, лондонские liveries, превращались в плутократические корпорации получателей рент. Однако этот процесс всегда означал усиление власти внутри города непосредственно занятого или заинтересованного в торговле и промышленности городского в современном смысле слоя. Напротив, когда в древности вместо старых личных родовых союзов, фил и фратрий или наряду с ними совершалось деление на демы или трибы и к ним или к их представителям переходила вся политическая власть, то это имело двойственное значение, прежде всего уничтожение влияния родов. Ибо их владения, состоявшие из пожалований и земель, приобретенных за неуплату долгов, были в значительной степени рассеяны и, будучи разбросаны по отдельным демам, нигде не могли служить основой действительного влияния. Теперь они подлежали регистрации и обложению в демах, а это означало падение политической власти крупного землевладения в большей степени, чем было бы, например, в наши дни введение крупных поместий Восточной Германии в сельские общины. Затем и прежде всего деление всей территории города на демы означало занятие всех должностей в совете и в учреждениях представителями демов, как это было сделано в Греции, или деление комиций (налоговых комиссий) по трибам (на 61 сельскую и 4 городские), как в Риме. Вначале целью такого деления было стремление предоставить решающее значение сельским слоям населения и установить их господство над городом, следовательно, предполагался рост политического влияния не городского, занятого предпринимательством населения, как при господстве ророло, а, наоборот, рост политического влияния крестьянства. Это означает, что в средние века носителями «демократии» были с самого начала предприниматели, в античности, во времена Клисфена – крестьянство.

Фактически и достаточно длительно это имело место только в Риме. В Афинах принадлежность к демам была постоянной и наследственной, так же как принадлежность к фратрии и роду, и не зависела от места жительства, владения землей и профессии. Так, фамилия пэана, например, Демосфена, веками принадлежала в правовом отношении этому дему, им привлекалась к несению налогов и избиралась на должности, совершенно независимо от того, была ли она еще связана с ним местожительством или владением землей. Это приводило, конечно, к тому, что через несколько поколений в ходе притока переселенцев в Афины демы утратили характер локальных крестьянских союзов. Теперь горожане всевозможных ремесленных профессий считались членами сельских демов. Следовательно, демы стали, в сущности, подобно филам, чисто личными подразделениями городского населения. Это привело к тому, что в

Афинах граждане, живущие на территории народного собрания, не только пользовались большим влиянием, но и составляли по мере роста города большинство в формально числившихся сельскими демах. Иначе обстояло дело в Риме. Применительно к четырем старым городским трибам сначала действовал, по-видимому, аналогичный принцип. Но более поздние сельские трибы стали включать в свой состав только тех, кто владел землей и жил на их территории. При передаче земли и приобретении земельного владения в другом месте менялась и принадлежность к трибе. Gens Claudia, например, именем которого называлась триба, позже уже не входил в нее. В результате и здесь, как в Афинах, а из-за громадной территории даже в большей степени, присутствовавшие в комициях, следовательно, жившие в городе члены триб оказывались в более благоприятных условиях. Но, в отличие от Афин, это относилось только к тем, кто имел земельные владения в сельских местностях, причем настолько крупные, что мог позволить себе пребывание в городе, предоставляя обработку своих земель зависимым от них людям, – иными словами, только к получателям рент. Таким образом, после победы плебеев в комициях Рима господствовали крупные и мелкие сельские землевладельцы, получавшие ренту. Разница между положением в Афинах и в Риме сохранялась благодаря преобладанию в Риме фамилий крупной земельной знати, а в Афинах – городских демагогов. Римский плебс был не порою, не объединением торговых и промышленных цехов, а представлял собой преимущественно сословие сельских, способных нести службу в отрядах гоплитов, землевладельцев, среди которых господствующее политическое влияние имели, как правило, только те, кто жил в городе. Плебеи были первоначально не мелкими крестьянами в современном понимании и тем более не классом крестьян в средневековом понимании. Они составляли в экономическом отношении способный носить оружие слой сельских землевладельцев, в социальном – правда, не джентри (gentry), но и не иомены (yeomanry) и были во время подъема плебса, в зависимости от размера землевладения и образа жизни, по своему характеру средним слоем общества, следовательно, своего рода. сельским бюргерством. С ростом экспансии Рима росло и влияние живших в городе землевладельцев. Остальное же население города, занимавшееся ремеслами, входило в четыре городские трибы, следовательно, не имело никакого влияния. Этого всегда держалась римская знать, и даже реформы Гракхов были далеки от того, чтобы внести какие-либо изменения и установить «демократию» эллинского типа. Этот сельский характер римского войска позволял удерживать господство крупным, живущим в городе домам сенаторов. В отличие от греческой демократии, которая учреждала состав совета по жребию и уничтожила как кассационную инстанцию ареопаг, состоявший преимущественно из прежних должностных лиц и соответствовавший римскому сенату, в Риме сенат оставался руководящим учреждением города, и попытки изменить что-либо в этом никогда не предпринимались. В период наибольшей экспансии командование войсками принадлежало офицерам из знатных фамилий города. Партия реформ Гракхов в позднереспубликанское время стремилась, подобно всем античным социальным реформаторам, прежде всего к установлению военной силы политического союза, к приостановлению деклассирования и пролетаризации сельских землевладельцев, скупки их земель крупными собственниками, к увеличению их числа и тем самым к созданию самозакрепощающегося войска граждан. Следовательно, эта партия также была прежде всего сельской, хотя Гракхи и были вынуждены, чтобы чего-нибудь достигнуть, привлечь в своей борьбе против должностной аристократии капиталистический слой всадников, заинтересованных в аренде государственной земли и в государственных поставках; из-за своей предпринимательской деятельности всадники не допускались к занятию должностей.

Политика Перикла в области государственного строительства справедливо рассматривалась и как средство предоставить занятие ремесленникам. Так как строительство оплачивалось из дани союзников, они и служили источником заработков ремесленников, но, как можно установить из надписей об участии в работах метеков и рабов, не только заработков ремесленников, обладавших полноправным гражданством. Подлинным «заработком безработных» из низших слоев населения были во время Перикла матросская служба и военная добыча, прежде всего в морских сражениях. Поэтому именно демос и был так склонен к войне. Эти деклассированные граждане не имели никакого экономического положения, им нечего было терять. Напротив, подлинной предпринимательской политики производителей в качестве решающего фактора на протяжении всего развития античной демократии не существовало.

Если политика античного города преследовала в первую очередь интересы городских потребителей, то это, несомненно, относится и к средневековому городу. Однако меры, принимавшиеся в античности, были значительно более

решительными, вероятно, потому, что казалось невозможным предоставить снабжение зерном таких городов, как Афины и Рим, одной только частной торговле. Между тем и в античности иногда поощрялся экспорт особо важных товаров. Однако отнюдь не преимущественно ремесленного производства. Политика античных городов никогда не исходила из интересов производителей. Решающими для политики старых приморских городов были интересы городских патрициев, землевладельцев и всадников, занимавшихся морской торговлей и пиратством, которые служили источником их богатства; затем, в » период ранней демократии, интересы живших в сельских местностях землевладельцев, способных нести службу в войске гоплитов – этот слой горожан встречается только в средиземноморских городах античности; и наконец, интересы владельцев капиталов и рабов, с одной стороны, и слоя мелких горожан – с другой; обе эти группы – крупные и мелкие предприниматели, получатели рент, воины и матросы – были заинтересованы, хотя и различным образом, в удовлетворении потребностей государства и в добыче.

Политика средневековых городских демократий была принципиально иной. Причины этого различия коренились в самом основании города и проявлялись уже на этой стадии. Они определялись географическими, военными и культурно-историческими условиями. Средиземноморские города античности не возникали при наличии значительной военной власти вне города обладавшей – что особенно важно, – высоким техническим уровнем. Они сами создавали военную технику высокого уровня, сначала в городах в виде аристократическо-родовой фаланги, затем – и прежде всего – в виде дисциплинированного войска гоплитов. Там, где в средние века существовали сходные в военном отношении условия, как, например, в южноевропейских приморских городах раннего средневековья и в аристократических городских республиках Италии, развитие во многом напоминает ситуацию в античных городах. В юноевропейском городе-государстве раннего средневековья аристократическое членение обуславливалось уже самим характером военной техники. Меньше всего демократий было среди приморских городов и (относительно) бедных городов внутри страны с политически им подчиненными большими территориями, где господствовал городской патрициат, получающий Ренты (как Берн). Напротив, промышленные города внутри страны, особенно континентальные города на севере Европы, противостояли в средние века военной и административной организации королей и их вассалов, живших в разбросанных по всей территории континента рыцарских бургах. На севере и внутри континента большинство городов с момента их основания были связаны концессиями вотчинных и политических сеньоров, входивших в состав феодального союза военных и административных властей. Конституирование «города» обуславливалось не политическим или военным интересом союза землевладельцев, а экономическими мотивами основателя, рассчитывавшего на получение пошлин, налогов и других торговых доходов. Город был для него прежде всего хозяйственным, а не военным предприятием, а если последнее и имело некоторое значение, то оно было во всяком случае второстепенным. Характерная для средневековых западных городов автономия различной степени достигалась лишь в том случае, если находившийся вне города господин – это было единственным решающим моментом – еще не располагал таким аппаратом обученных должностных лиц, который мог бы настолько обеспечить управление городскими делами, чтобы удовлетворить его связанные с экономическим развитием города интересы. Административный и судебный аппарат сеньоров города еще не располагал в раннее средневековье ни достаточными знаниями, ни необходимой настойчивостью и профессиональной рациональной объективностью, чтобы руководить делами городских торговцев и предпринимателей, далекими от требующих всего их внимания собственных занятий и сословных привычек. Интерес же властителя города сводился только к денежным поступлениям. Если жителям города удавалось этот интерес удовлетворить, он обычно воздерживался от вмешательства в их дела, чтобы не ослаблять свою притягательную силу при основании городов и не терпеть поражение в соперничестве с другими феодалами, сокращая этим свои доходы. Соперничество между феодальными сеньорами, а особенно между центральной властью с могущественными вассалами и иерократической властью церкви шло на пользу городам, тем более что союз с богатыми горожанами обещал ряд преимуществ. Поэтому, чем более единой была организация политического союза, тем меньшего развития достигала политическая автономия городов. Ибо развитие городов вызывало сильнее опасения всех феодальных властей, начиная с королей. Только отсутствие бюрократического аппарата управления и нужда в деньгах заставляли французских королей начиная с Филиппа Августа, и английских, начиная с Эдуарда II, опираться на города, подобно тому как немецкие императоры пытались опираться на епископов и на церковное землевладение. После борьбы за инвеституру, в ходе которой немецкие

императоры лишились этой опоры, императоры Салической династии также предпринимают немногочисленные попытки поддержать города. Но как только политические и финансовые возможности королевской власти и территориальных патримониальных властей позволили им создать необходимый административный аппарат управления, они стали пытаться уничтожить автономию городов.

Таким образом, исторический промежуточный период автономии в развитии средневековых городов был обусловлен совершенно иными причинами, чем в городах античности. Типичный античный город, его господствующие слои, его капитализм, интересы его демократии, все это – и чем больше выступает его античный характер, тем больше – ориентировано прежде всего на политику и войну. Падение знатных родов и переход к демократии были следствием изменения военной техники. Борьба со знатью, оттеснение ее в военном и затем в политическом отношении велась самоэкипирующимся дисциплинированным войском гоплитов. Его успехи были различны, иногда они, как, например, в Спарте, вели к полному уничтожению знати, иногда, как в Риме, к формальному уничтожению сословных ограничений, к рациональному, легкодоступному судопроизводству, к правовой защите личности, к устранению жестких правовых норм для должников при фактической неизменности положения знати, принимавшей иную форму. Иногда же борьба завершалась, как в Афинах во времена Клисфена, включением знати в демы и тимократическим [111] правлением. До тех пор пока решающим фактором был слой сельских гоплитов, обычно сохраняются авторитарные институты государства знатных родов. Очень различной была и степень милитаризации институтов. Спартанские гоплиты рассматривали всю принадлежащую воинам землю и сидящих на ней несвободных как общее владение и позволяли каждому воину, участвующему в обороне города, притязать на долю земельной ренты. До этого не доходил ни один полис. Широко было распространено сохранившееся отчасти и позже ограничение отчуждения земли, полученной в виде военной добычи, следовательно, унаследованной членами городских цехов, в отличие от ограниченной только притязаниями рода, в остальном свободно отчуждаемой земли. Однако и это ограничение вряд ли существовало повсюду, а позже вообще исчезло. В Спарте накопление земель запрещалось спартиатам, но разрешалось женщинам; это настолько изменило экономическую основу изначально охватывавшего 8000 полноправных граждан воинства, *homoioi*, что в конце концов лишь несколько сотен были в состоянии получить полное военное обучение и делать взносы в сисситии, от чего зависело полноправное гражданство. Напротив, в Афинах свобода передвижения в соединении с делением на демы благоприятствовала созданию мелких земельных участков, что соответствовало росту садовой культуры. В Риме же свобода передвижения, существовавшая со времени Двенадцати таблиц, привела к совсем иным результатам, так как при этом было разрушено деревенское устройство. В Греции демократия, связанная с гоплитами, исчезла повсюду, где центр тяжести военного могущества переместился на морские силы (в Афинах окончательно после поражения при Коронее) [112]. С той поры пришла в упадок военная выучка, были устранены остатки старых влиятельных институтов, а в политике и в институтах стал господствовать городской демос.

Подобные чисто военно обусловленные перипетии не были известны средневековому городу. Победа *popolo* была основана в первую очередь на экономических причинах. И типичный средневековый город, бюргерский промышленный континентальный город, был вообще ориентирован в первую очередь на экономику. В средние века феодальные власти не были прежде всего правителями и знатью города. Они не были, подобно античной знати, заинтересованы в специальной военной технике, которую мог им дать только город как таковой. Средневековые города, за исключением приморских городов с их военным флотом, не были средоточием военной силы. В то время как в Афинах отряды гоплитов и их обучение, следовательно, военные интересы, становились все больше центром городской организации, большинство городских привилегий в средние века начинались с того, что военная повинность горожан ограничивалась гарнизонной службой. Средневековые горожане были заинтересованы в доходах посредством мирной торговой и промышленной деятельности, причем низшие слои городского бюргерства в наибольшей степени, о чем свидетельствует противоположность политики *popolo minuto* политике высших сословий Италии. Политическая ситуация средневекового горожанина превращала его в *homo oeconomicus*, в античности же полис времени расцвета сохранял характер высоко развитого технически военного оборонительного союза. Античный гражданин был *homo politicus*. В северо-европейских городах министриалы и рыцари часто, как мы видели, исключались из состава городского населения. Землевладельцы не рыцарского происхождения в качестве простых подданных города или пассивных сотоварищей

по его охране, иногда организованных в цехи садоводов и виноградарей, не имели политического и социального влияния и играли в городе очень незначительную роль, вернее, вообще почти никакой роли не играли. Сельская округа оставалась для средневекового города, как правило, лишь объектом его хозяйственной деятельности и все больше становилась таковым. Типичный средневековый город никогда не переходил к колониальной экспансии.

Тем самым мы подошли к важному вопросу – к сравнению сословных отношений в городах древности и средневековья. В античном полисе были помимо рабов сословные слои, известные средневековью либо только в ранний период или вообще неизвестные, либо известные только вне городов. К ним относятся: 1) зависимые, 2) обращенные в рабство должники, 3) клиенты, 4) вольноотпущенники. Три первые группы относятся к периоду демократии гоплитов и позже теряют свое значение. Напротив, вольноотпущенники играют именно в поздний период значительную роль.

1) Патримониальная зависимость обнаруживается в античном полисе в историческое время преимущественно в завоеванных областях. В ранний период феодального развития городов она была очень распространена. Повсеместно сходное в ряде основных черт, но в деталях очень различное положение зависимых в античности принципиально не отличается от положения зависимых людей в средние века. Зависимые подвергались повсюду преимущественно экономической эксплуатации. Наиболее полно зависимость сохранялась на эллинской территории там, где городская организация не установилась, в частности в Италии и в тех городах, где действовала столь строгая военная организация, что зависимый принадлежал государству, а не своему господину. Вне этих областей они во времена господства гоплитов почти повсюду исчезли. Зависимость возникла вновь в эллинистическую эпоху в западных областях Востока вместе с возникновением там городской организации. Большие территории, где сохранялось племенное устройство, передавались отдельным городам, жители которых составляли эллинский (или эллинизированный) гарнизон, подчиненный правителям. Однако эта, в сущности, чисто политическая зависимость неэллинского сельского населения (<греч.>) носит совершенно иной характер, чем патримониальная зависимость раннего времени, и выходит за рамки исследования автономных городов.

2) Обращенные в рабство должники играли в качестве рабочей силы очень важную роль. Они были экономически деклассированными гражданами. Их положение составляло специфическую проблему в старой сословной борьбе между городским патрициатом и сельскими гоплитами. В законодательстве эллинов, а также в двенадцати таблицах, в законах о должниках и в политике тиранов в ряде заключенных компромиссов учитывались интересы этих деклассированных крестьянских слоев сельской местности. Это совершалось различным образом. Обращенные в рабство должники были не крепостными, а свободными землевладельцами, которые были приговорены к пребыванию с семьей и землей в длительном рабстве или в частной долговой зависимости, или сами добровольно перешли в это состояние, чтобы избежать наказания. Большею частью их использовали в хозяйстве в качестве арендаторов предоставленной им земли кредитором. Представляемая ими опасность очевидна из того, что закон двенадцати таблиц предписывает продавать осужденного должника за пределы страны.

3) Клиентов следует отличать как от обращенных в рабство должников, так и от зависимых. Они не были, подобно вторым, презренными подчиненными, а составляли свиту господина; их отношение к нему было основано на верности, вследствие чего судебное расследование какого-либо дела между господином и клиентом считалось религиозно предосудительным. В отличие от обращенных в рабство должников, их эксплуатация в хозяйстве господина рассматривалась как нечто неприличное. Они составляли орудие его личной и политической, но не экономической власти. Их отношение к господину, регулируемое *fides*[113], было подвластно не судье, а нравственному кодексу; нарушение *fides* влекло за собой в Риме сакральные последствия (нарушение *fides* влекло за собой бесславие). Клиенты появились во время сражений и господства знати; первоначально они сопровождали господина на войне и были обязаны подносить ему дары, поддерживать в случае необходимости, а иногда и выполнять какую-либо работу; господин же предоставлял им земельные наделы и защищал их в суде как своих министериалов. Так их определили бы в средние века, но они не были его слугами. От более поздних министериалов они отличались своим нерыцарским происхождением и образом жизни, они были маленькими людьми, имевшими небольшие крестьянские земельные наделы, плебеями, обладателями военных ленов. Следовательно, клиент не был владельцем земли,

не входил в местные сообщества и поэтому не являлся участником оборонительного союза; он находился под патронатом (в Риме посредством *applicatio*) какого-либо главы рода (*pater*) или правителя, от которого он получил вооружение и землю (технический термин в Риме – *adtribuere*). Положение клиента было большей частью унаследованным. Таково старое значение клиентелы. И совершенно так же, как в средние века во времена господства знати возник институт мундиума[114], в античности сходные условия заставляли мелкое свободное крестьянство массами становиться клиентами знатных лиц, хотя бы для того, чтобы те представляли их в суде. Таков был, вероятно, в Риме источник происхождения более поздних и свободных форм клиентелы. Вначале же, по крайней мере в Риме, клиенты находились в полной зависимости от господина. Еще в 134 г. до н.э. Сципион возглавил в качестве военачальника своих клиентов. В эпоху гражданских войн их заменили колонны (мелкие арендаторы) крупных землевладельцев.

В Риме клиент имел право голоса в военном собрании и традиционно (см. Ливий) служил существенной опорой знатных родов. Юридически институт клиентелы, вероятно, уничтожен не был. Однако с установлением техники гоплитов его прежнее военное значение было утрачено, и в более позднее время он служил лишь для выражения социального влияния господина. Эллинская же демократия полностью уничтожила этот институт. В средневековом городе он существовал только в форме мундиума полноправного бюргера над неполноправным, вступившим под его патронат. С падением господства родов исчезла и защита клиентов в суде.

4) Наконец, в античном городе были вольноотпущенники. Их число, а также их роль были очень значительны. Использовались они экономически. Из тщательно проверенных итальянскими исследователями надписей следует, что около половины вольноотпущенников составляли женщины. В этом случае отпуск на волю был, вероятно, связан с заключением брака и выкуп совершал, очевидно, жених. Судя по надписям, многие вольноотпущенники были из числа домашних рабов и, следовательно, обязаны своей свободой расположению господина. Дают ли эти данные правильное представление о составе вольноотпущенников, судить трудно, так как естественно, что в надписях упоминаются именно эти категории. Но вполне вероятно, что, как указывает Кальдомини, число такого рода отпущенников на волю растет в периоды политико-экономического упадка и в периоды экономического подъема: уменьшение доходов побуждало владельцев сокращать объем хозяйства и взваливать в трудные времена риск ведения хозяйства на рабов, которые обеспечивали себя сами и платили господину повинности. Авторы аграрных трактатов упоминают об отпуске на волю в виде награды за успехи в ведении хозяйства. Нередко господин отпускал на волю домашнего раба, чтобы, как указывает Штрак, не нести за него, пусть даже ограниченной, судебной ответственности. Но другие категории этого слоя играли не меньшую роль. Так, раб, которому его господин предоставил право самостоятельно заниматься предпринимательской деятельностью за определенные налоги, имел наибольшие возможности накопить деньги для выкупа на волю, как это делали крепостные в России. Очевидно, во всяком случае, что для господина наибольшую роль играли услуги и налоги, к которым обязывался вольноотпущенник. Отношение вольноотпущенника к семье его господина носило чисто патримониальный характер, который исчезал только через несколько поколений. Он был обязан не только выполнять услуги и повинности, часто тяжелые, но и наследство его, как и несвободных в средние века, в значительной степени находилось под контролем господина. Долг уважения принуждал вольноотпущенника к послушанию различного рода, что усиливало социальное влияние и даже политическую власть господина. Следствием этого было то, что при демократии, например в Афинах, вольноотпущенники были полностью лишены прав гражданства и приравнены к метекам. Напротив, в Риме, где господствующее положение должностной знати никогда не было сломлено, вольноотпущенники входили в число граждан; но по настоянию плебса они могли быть зачислены только в четыре городские трибы: должностная знать уступила, опасаясь, что в противном случае может быть подготовлена почва для тирании. Попыткой такого рода в Риме сочли предложение цензора Аппия Клавдия дать вольноотпущенникам равное с гражданами право голоса, распределив их по всем трибам. Однако это не следует понимать вслед за Эдуардом Мейером как попытку установить «перикловскую» демократию. Ибо Перикл опирался не на вольноотпущенников, которые были демократией лишены всех гражданских прав, а на заинтересованность полноправных граждан в политической экспансии города. Вольноотпущенники античности были в своем большинстве слоем мирных людей, занимавшихся предпринимательством, *homines oesopotici*, которые были значительно ближе, чем какой-либо полноправный гражданин античной демократии, предпринимательскому бюргерству средних веков и Нового времени.

Вопрос заключался, следовательно, в том, будет ли создан в Риме с помощью вольноотпущенников институт народных капитанов; отклонение попытки Аппия Клавдия означало, что определяющими факторами по-прежнему остаются крестьянское войско и господствующая над ним должностная аристократия.

Поясним несколько особое положение вольноотпущенников, этого в известном смысле наиболее современного, близкого «буржуазии» слоя античности. Они нигде не получили доступа ни к должностям, ни к жречеству, ни полного *connubium*[115], ни участия в военных маневрах (*gymnasion*) – хотя в случае необходимости их и призывали в армию, – ни в судопроизводстве; в Риме они не могли войти в состав всадников, и почти повсюду их положение в судебном процессе было менее благоприятным, чем положение свободных. Их особое правовое положение означало для них в экономическом отношении не только то, что они были лишены предоставляемых государством и других политически обусловленных гражданских преимуществ, но и невозможность обладания земельной собственностью, а тем самым и правом на ипотеку.

Таким образом, земельная рента и при демократии, что характерно, оставалась особой монополией полноправных граждан. В Риме, где вольноотпущенники были гражданами второго сорта, исключение их из сословия всадников означало, что для них были закрыты (по крайней мере в качестве собственных предприятий) откупы налогов и крупные дела по поставкам государству, монополизированные всадниками, которым они противостояли как своего рода плебейская буржуазия, практически же это означало, что данный слой оказался исключенным из сферы античного политически ориентированного капитализма и вынужден был вступить на стезю

получения доходов, сравнительно близкого современному. И действительно, вольноотпущенники, резко отличаясь от типичного демоса, состоящего из полноправных граждан греческих городов, монополизировавшего политически обусловленные ренты – государственные, ипотечные, земельные, а также поденные выплаты, – являются важнейшими представителями тех форм дохода, которые ближе всего современным, и соответствуют нашему среднему сословию мелких капиталистов, достигающих тем не менее значительного богатства. Обучение рабов различным формам труда и возможность выкупа служили в античности главным стимулом к заработку, так же как это было в Новое время в России. Напротив, интересы античного демоса лежали в области военных действий и политики. Экономические интересы вольноотпущенников влекли их к общине культа Августа как защитника мира. Основанное им почетное звание *августалов* соответствует нашему званию поставщика двора.

В средние века вольноотпущенники как особое сословие известны только в ранний период до основания городов. Внутри городов полное или частичное право господина на наследство зависимого стало уже в первый период развития городов ограничиваться принципом «городской воздух делает свободным», а также императорскими привилегиями, запрещавшими притязания на наследство горожан, а со времени господства цехов это право вообще было уничтожено. Если в античности цеховая организация, в которую входили бы ремесленники из полноправных граждан, из среды вольноотпущенников и из рабов, совершенно немыслима как политическая основа города, представляющего собой военный союз, средневековый цеховой строй исходил из полного игнорирования внегородских сословных различий.

Резюмируя, можно сказать, что античный полис был со времени создания дисциплинированного войска гоплитов цехом воинов. Каждый город, который хотел вести активную политику, должен был в большей или меньшей степени следовать примеру жителей Спарты и создавать из граждан обученные отряды гоплитов. Аргос и Фивы также создали в период своей экспансии контингенты виртуозов военного дела, в Фивах они были еще усилены личными узами товарищества. Города, не имевшие подобных отрядов и ограничивавшиеся гоплитами из горожан, как Афины и большинство других городов, были вынуждены довольствоваться обороной. После падения знатных родов гоплиты городов стали господствующим классом полноправных граждан. Аналогии им нет ни в средние века, ни где-либо еще. И греческие города неспартанского типа также носили в той или иной степени характер постоянного военного лагеря. В первый период господства гоплитов в полисе города, в отличие от большой свободы передвижения во времена Гесиода, ограничивают связь с внешним миром и затрудняют отчуждение предоставленных за участие в военных действиях наделов. Однако в большинстве городов это ограничение скоро перестало действовать и оказалось вообще ненужным с того момента как главной силой стали наемные войска, а в приморских городах флот. Но и тогда военная

служба оставалась решающим фактором для политического господства в городе, а город по-прежнему сохранял характер цеха военных. В Афинах именно радикальная демократия проводила фантастическую, если принять во внимание ограниченное число жителей города, политику экспансии, в орбиту которой попали Египет и Сицилия. Внутри полис был в качестве военного союза абсолютно суверенным и полностью распоряжался отдельным гражданином. Вопреки знаменитому утверждению Перикла в надгробной речи Фукидиду, что в Афинах каждый может жить как хочет, строго карались плохое ведение хозяйства, расточительство унаследованного военного надела (*bona patria vitae* римской формулы лишения наследства), нарушение супружеской верности, дурное воспитание сына, дурное обращение с родителями, безбожие, гордыня (*hybris*) – вообще любое поведение, представляющее опасность для военного и гражданского порядка и способное вызвать гнев богов, угрожающий полису; в Риме это влекло за собой вмешательство цензора. Следовательно, в принципе о личной свободе в образе жизни не могло быть и речи, а там, где она фактически существовала, как в Афинах, это было следствием меньшей дееспособности гражданской милиции. Экономически, греческий город также полностью распоряжался имуществом граждан: при неуплате долга город еще в эллинистическое время отдавал в залог кредитору имущество должника и его самого. Гражданин был прежде всего солдатом. В каждом городе, как указывает Павсаний, наряду с источником воды, рынком, общественными зданиями и театром был гимнасий. Он не мог отсутствовать. Большую часть времени гражданин проводит на рынке и в гимнасий. Он участвовал в экклесии, суде присяжных, поочередно в совете и в качестве должностного лица, и прежде всего в походах, десятилетиями из года в год; последнее было в Афинах именно в классическое время столь интенсивным, как ни в одной дифференцированной культуре до и после этого времени. На каждое достаточно значительное состояние демократический полис накладывал свою руку. Литургическая обязанность триерархии, снаряжение военных судов и назначение их командного состава, иерархия; устройство больших празднеств и представлений, принудительные займы в случае необходимости, аттический институт антидосиса [116] – все это создавало неустойчивость в образовании состояний граждан. Абсолютно произвольное судопроизводство народных судов (гражданские процессы с участием сотен совершенно незнакомых с правом присяжных) настолько снижало уровень судопроизводства, что удивление вызывает скорее сохранение имущества граждан, чем сильные потрясения при любой политической неудаче. Каждая такая неудача вела к тем более серьезным последствиям, что рабы, составлявшие одну из важнейших частей имущества, при этом разбегались. Вместе с тем для сдачи на откуп своих поставок, для сооружений и налогов демократия нуждалась в капиталистах. В Элладе отсутствовал национальный класс капиталистов, каким в Риме были всадники. Большинство городов пыталось увеличить конкуренцию, допуская и приглашая заинтересованных лиц извне, но отдельные городские области были слишком малы, чтобы предоставить достаточные шансы на прибыль. Типичными формами вложения капитала были земельная собственность, до некоторой степени рабы, которые платили господину повинности или сдавались в наем в качестве рабочей силы (Никии), затем владение кораблями и участие в торговле. Для господствующих городов к этому присоединялось помещение капиталов в ипотечные и владение землей. Последнее стало возможно только после уничтожения местной землевладельческой монополии подчиненных цехов. Поэтому важной целью господства на море было приобретение государством земель, которые сдавались в аренду афинянам или раздавались аттическим клерухам, и допуск афинян к владению землей в подчиненных городах. Следовательно, и в период демократии владение землей и людьми играло в экономическом положении горожан решающую роль. Война, которая могла разрушить все имущественные отношения, была непрерывной и, в отличие I от рыцарского поведения воинов во время борьбы родов, велась с крайней беспощадностью. Почти за каждой победой следовало массовое убийство пленных, за каждым захватом города – уничтожение или обращение в рабство всего населения. После каждой победы поэтому сразу же увеличивался приток рабов. Такой демос, конечно, не мог способствовать развитию мирного экономического приобретательства и рационального ведения хозяйства.

В этом отношении средневековое бюргерство уже в первый период развития вело себя по-иному. Сходные с античностью явления обнаруживаются в средние века в приморских городах, в Венеции и прежде всего в Генуе, богатство которой было связано с ее заморским колониальным господством. Но главным здесь были плантации или поместья, с одной стороны, торговые привилегии и поселения предпринимателей – с другой, а не клерухии, военная добыча и податки из военной дани массе жителей города, как это было в древности. Средневековый промышленный континентальный город полностью отличается от античного

города. Правда, после победы королю предприниматели высших цехов были настроены очень воинственно. Решающее значение для них имели устранение препятствующих их деятельности конкурентов, господство над торговыми путями и свобода от пошлин, торговая монополия и складочное право. Конечно, и в средневековом городе происходили сильные преобразования в сословии землевладельцев как в результате военных побед, так и при перемене господствующих партий. Это прежде всего относится к Италии. Земли побежденной или враждебной партии могли быть взяты господствующей партией в аренду у государственного управления или просто куплены, а каждое подчинение чужой общины увеличивало земельный фонд победившего города и тем самым возможность приобретения земли. Однако при всей радикальности этих изменений их невозможно сравнивать с теми огромными преобразованиями, которые следовали еще в поздний период античных городов за каждым восстанием, каждой войной или за гражданской войной внутри города. Прежде всего главный экономический интерес в экспансии средневекового города составляло не землевладение. Средневековый город в период господства цехов был значительно более, чем любой античный город в эпоху независимых полисов, образованием, ориентированным на доходы посредством рационального ведения хозяйства. Только после уничтожения городской свободы в эпоху эллинизма и поздней Римской империи положение изменилось вследствие исчезновения шансов на экономическую выгоду для горожан посредством военной политики города. Конечно, и в средние века были города, где развивалась военная техника, например Флоренция, в армии которой впервые была применена артиллерия. Уже войска ломбардских бюргеров, противостоявших Фридриху I, свидетельствовали о достаточно высоком уровне военной техники. Однако войска рыцарей во всяком случае не уступали отрядам горожан, а иногда, особенно на ровной местности, имели преимущество. Жителям городов внутри страны военная сила могла служить лишь опорой, а не основой их доходов. Ввиду того что города не служили местопребыванием высших военных чинов, доходы горожан были связаны с использованием рациональных средств ведения хозяйства.

Античный полис создал четыре великих типа власти: сицилийское государство Дионисия, аттический союз, карфагенское и римско-италийское государства. Пелопоннесский и беотийский союзы можно оставить без внимания ввиду эфемерности их положения в качестве великих держав. Каждое из этих четырех образований имело свою основу. Великая держава Дионисия была чисто военной монархией, опирающейся на наемников и только наряду с ними на войско горожан; в качестве нетипичной она не представляет для нас интереса. Аттический союз был созданием демократии, следовательно, цеха граждан. Это необходимо должно было привести к замкнутой правовой политике граждан и к полному подчинению цехов союзных демократических горожан цеху граждан господствующего города. Так как размер дани не был твердо установлен, а односторонне утверждался в Афинах, хотя и не демосом, но избранной им контрадикторно действующей комиссией, и так как все процессы союзников рассматривались в Афинах, то небольшой цех граждан этого города был неограниченным властителем большого государства, особенно после того, как постройка собственных кораблей и пополнение их людьми заменились, за немногими исключениями, денежными взносами союзников, и тем самым вся служба во флоте оказалась в руках населения господствующего города. Поэтому достаточно было одного серьезного поражения античного демоса, чтобы с его господством было покончено. Величие города Карфагена, где господствовала плутократия влиятельных родов, которые соединяли в своих руках в типичной для античного города манере торговлю, ведение морских войн и крупное землевладение, представлявшее собой обрабатываемые рабами плантации с применением капиталистических методов, держалось на наемных войсках. (Чеканить монету город начал только в ходе экспансии.) Отношения между военачальниками, войска которых были привержены им лично и связывали получение добычи с их успехами и судьбами, и патрицианскими домами города не могли не быть напряженными – такая напряженность всегда, вплоть до Валленштейна [117], существовала между полководцем, собравшим наемное войско, и теми, кому он служил. Это никогда не ослабевающее недоверие настолько препятствовало успешному проведению военных операций, что тактическое преимущество профессионального наемного войска по сравнению с ополчением италийских городов утратило свое значение, как только во главе ополчения были поставлены назначенные на длительный срок полководцы, а военные качества командиров и солдат достигли уровня наемных войск. Недоверие карфагенской плутократии и спартанских эфоров победоносным военачальникам вполне соответствует поведению демоса Аттики и применению созданного им института остракизма. Опасение же господствующего слоя, что при образовании военной монархии он разделит участь покоренных народов,

парализовало экспансию. Всем античным общинам гоппитов свойственно нежелание, основанное на связанных с экономическими преимуществами монополистических интересах, расширить союз полноправных граждан, раздвинув границы их права и превратив его в единое право государства, состоящего из многочисленных общин. Эта тенденция никогда полностью не исчезала в формах объединения общин на пути разработки внутригородского права граждан. Ибо все, что давало гражданину его права, основу его престижа и гордости, а также его экономические возможности, было связано с его принадлежностью к военному цеху граждан, а строгая замкнутость культовых обществ служила дополнительной причиной противодействия созданию единого государственного образования. На то, что все эти моменты не были совершенно непреодолимы, указывает беотийский союз, где наряду с автономией отдельных городов существовали общее для всех граждан право, общие должностные лица, общее, состоящее из представителей всех слоев населения, принимающее решения собрание, общая денежная система и общее войско. Однако это едва ли не единственный пример такого рода в греческом мире. Пелопоннесский союз был совершенно иным, а все другие союзы имели противоположную направленность. Особые социальные условия заставили проводить в римской общине столь отличную от античного типа политику.

В Риме в значительно большей степени, чем в любом античном полисе, господство сохраняли, вновь захватив его после временного поражения, знатные роды ярко выраженного феодального типа. Это отразилось и на характере римских институтов. Победа плебса не привела к делению на демы, как в Элладе, а формально выразилась в господстве входивших в трибы крестьян, фактически же привела к господству живущих в городах сельских, крупных землевладельцев, получавших ренты, которые только в качестве сословия участвовали в политической жизни города. Только они были экономически «пригодны», т. е. могли занимать городские должности, а сенат или представительство крупных чиновников формировали ряды должностной знати. К этому присоединяется чрезвычайно большое значение феодальных или полуфеодальных отношений зависимости. В Риме клиентела как институт, даже постепенно лишившись своего военного характера, играла большую роль до самого последнего времени. Мы видели, что вольноотпущенники в юридическом отношении были очень близки рабам. Цезарь велел казнить одного из своих вольноотпущенников, не встретив никакого сопротивления. Должностная знать Рима все больше превращалась в такой слой общества, который по величине его земельных владений можно только в слабой степени уподобить тем представителям раннеэллинской межрегиональной знати, называемым «тиранами», одним из которых был Мильтиад. Во время Катона Старшего земельные владения были еще не столь велики, хотя и значительно превышали, например, наследственные владения Алкивиада или те, которые считает обычными Ксенофонт. Однако отдельные знатные фамилии уже тогда сосредоточили в своих руках огромные владения и участвовали как прямо в соответствующих их положению, так и косвенно через своих вольноотпущенников и рабов в считавшихся не соответствующим их сословному уровню делах во всем мире. Эллинская знать ни в коей мере не могла сравниться по своему экономическому и социальному уровню со знатными родами Рима периода поздней республики. В растущих владениях римской знати росло число мелких арендаторов (*coloni*), которые, получая от господина хозяйственный инвентарь, контролируемые им в ведении своего хозяйства, впадали после каждого кризиса во все большую задолженность фактически наследственно прикреплялись к своей земле, пребывая в полной зависимости от господина, и во время гражданских войн включались вождями партий (так же как клиенты в нумантинскую войну) [118] в войска, увеличивая их численность.

Однако в положении клиентов оказывались не только отдельные люди. Победоносный полководец брал под свою защиту союзные города и страны, и этот патронат сохранялся в его роде. Так, клиентами рода Клавдиев были Спарта и Пергам, иные фамилии имели клиентами другие города, принимали их послов и представляли в сенате их интересы. Нигде в мире отдельные, формально частные фамилии не обладали таким патронатом. Таким образом, задолго до возникновения монархий частные лица уже обладали властью, которой обычно располагают только монархи.

Демократия не смогла сломить эту основанную на различных отношениях клиентелы власть должностной знати. В Риме даже не возникала мысль о включении знатных родов в демы и о превращении таких союзов в образования, конституирующие политический союз, чтобы парализовать таким образом господство родов, как это было сделано в Аттике. Не предпринималась и попытка создать по жеребьевке собрание демоса в качестве института

управления и конституировать судебный орган, состоящий из свободно определенных по жеребьевке присяжных, как это было совершено в Аттике после уничтожения ареопага. В Риме контроль над управлением сохранял наиболее близкий ареопагу орган представителей должностной власти – сенат в качестве постоянной корпорации, противостоящей постоянно меняющимся выборным служащим; даже победившая военная монархия не сделала попытку оттеснить знатные роды от управления, а только обезоружила их и ограничила управлением умиротворенных провинций.

Патримониальная структура господствующего слоя проявлялась и в ведении дел. Сначала аппарат управления назначался повсюду самими должностными лицами. В мирное время они позже были в значительной степени лишены права назначать подчиненных чиновников; полководцу же, несомненно, помогали в выполнении его функций клиенты и вольноотпущенники, а также сопровождавшие его личные друзья и политические сторонники, ибо в походах передача должностей доверенным лицам была в значительной степени разрешена. В первое время военной монархии и принцепс, несмотря на последующее ограничение его власти, правил в значительной мере с помощью своих вольноотпущенников; этот слой общества именно в правление обладавшего большим числом клиентов рода Клавдиев достиг апогея своей силы, и император из этого рода мог угрожать сенату даже формально передать все управление тем, кто лично от него зависит. И так же как во времена господства родовой знати поздней республики, основой экономической власти принцепса было чрезвычайно выросшее, в особенности в правление Нерона, землевладение, например, в таких областях, как Египет, которыми если и не юридически, как иногда утверждалось, то фактически управляли как своими патримониальными владениями. Этот сохранившийся до позднего времени патримониальный и феодальный характер Римской республики с господством знатных родов в управлении искони существовал в своем своеобразии как непрерывно сохраняющаяся традиция, хотя вначале, конечно, сфера этого господства была уже, и служил источником очень важных отличий от эллинства. Характерны были и различия во внешнем образе жизни. В Элладе во времена колесничных боев знатные люди проводили время в местах для гимнастических упражнений. Источником главных черт эллинского воспитания был агон, продукт индивидуальной борьбы и прославления воинского героизма. В противоположность средневековым турнирам главное различие, хотя колесницы и лошади стояли на первом плане, с самого начала заключалось в том, что определенные официальные празднества происходили всегда только в форме агона. С развитием техники гоплитов круг агона только расширился. Все, чему учились в гимнасии, – метание копья, борьба, кулачный бой и прежде всего состязание в беге – принимало эту форму и становилось, таким образом, «достойным общественного внимания». Ритуальные песнопения в честь богов дополнялись мусическими агонами. И хотя знатные люди блистали в состязании качеством своего имущества – лошадями и колесниц, но формально равными должны были быть признаны и агоны плебеев. Организация агона предусматривала призы, судей, правила состязаний и пронизывала всю жизнь. Наряду с героическими песнопениями агон был важнейшим национальным связующим звеном эллинства в противоположность варварам. Уже в древнейших произведениях искусства эллины изображены нагими, держащими в руках только оружие. Из Спарты, средоточия высшей военной тренировки, такое изображение эллинов распространилось по всему эллинскому миру, ненужным стал и набедренный пояс. Ни в одном обществе мира институт состязания не получил такого значения; он господствовал во всех интересах: в искусстве и в беседе, примером чего могут служить состязания в платоновских диалогах. Вплоть до позднего времени византийского господства цирковые партии оставались формой выражения раскола масс и революционных настроений в Константинополе и Александрии. Итальяцам институт агона, во всяком случае в виде, принятом в классической Греции, был чужд. В Этрурии городская знать лукумонов господствовала над презираемыми плебеями и развлекалась борьбой оплачиваемых атлетов. В Риме знать также отказывалась от соучастия в состязаниях с массой, отстранялась от нее. Здесь вера в престиж не выносила такого отсутствия дистанции и чувства собственного достоинства, которые проявлялись в этих гимнастических празднествах *graeculi*, так же как и в культовых танцах и песнопениях, в дионисийской оргиастике или в безумии, *abalienatio mentis*[119], в состоянии экстаза. В политической жизни Рима играли также меньшую роль речи и общение на агоре и в экклесии, исчезли состязания в гимнасии. Речи стали произноситься позже и только в сенате и носили совсем иной характер, чем ораторское искусство аттических демагогов. Политику определяли традиция и опыт старых людей, прежних должностных лиц. Старые, а не молодые люди устанавливали тон общения и проявление чувства собственного достоинства; рациональные соображения, а не воспламененная

речами жажда добычи у демоса или эмоциональное возбуждение молодежи определяли политику. Рим продолжал руководствоваться опытом, вескими соображениями и оставался под феодальной властью знатных родов.

Примечания

1

Ойкос – в античности и раннем средневековье крупное поместье, основанное на натуральном хозяйстве, не связанное с рынком. Как особая экономическая категория настойчиво подчеркивалась Карлом Бухером. Может рассматриваться как определенный тип хозяйства, в чистом виде в конкретной исторической действительности встречающийся на очень ранних стадиях развития.

2

«Княжеские города» – города, основанные на территории, на которую распространялась суверенная власть титулованных властителей (герцогов, графов, епископов), в Германии входивших в сословие «князей».

3

Комменда; объединение (общество) морских торговцев (лат.) – распространенные на Средиземноморском побережье Италии, Франции, Испании виды кооперирования обладателя капитала (инвестора) и исполнителя (трактатора), который принимал на себя риск плавания и в случае благополучного исхода получал около 25% прибыли; при последующем вкладывании капитала прибыль трактатора возрастала; указанные формы комменды возникли в Венеции в XI в., в Генуе – в XII в.

4

Альменда – неподделанные земли, преимущественно угодья – пастбища, луга, леса, новь, принадлежащие сельской или городской общине; право пользования альмендой соответствовало прочим правам, в основном имущественным правам крестьян или горожан, и не распространялось на все слои обитателей сельской или городской общины.

5

Мильтиад (550–489 гг. до н.э.) – афинский полководец, происходил из знатного рода, занимал должности архонта и стратега в Афинах. Владел наследственной властью над Херсонесом фракийским, был вытеснен оттуда персами. Победитель персов при Марафоне (490 г. до н.э.).

6

Гримальди – знатный род в Генуе, известны как богатейшие финансисты; упоминаются с X в.

7

Мейтленд, Фредерик Уильям (1850–1906) – английский историк-медиевист, исследователь истории права, манора и города в Англии, связывал происхождение городов и городского населения с развитием крепостей (бургов) – «гарнизонная» теория происхождения городов.

8

Белов, Георг фон (1858–1927) – немецкий историк преимущественно в области экономической истории и истории городского строя Германии. Русский перевод: «Городской строй и городская жизнь средневековой Германии». М., 1912 (содержит изложение и критику основных теорий происхождения городского строя в средние века).

9

Пникс (греч.) – холм к западу от Акрополя в Афинах, где происходило народное собрание, название иногда обозначало и само народное собрание. Комициум – часть форума, где собирались комиции и вершился суд в Древнем Риме (лат.). Кампус Марциум – Марсово поле, где собирались для принятия законов, избрания должностных лиц, решались вопросы войны и мира, судили особо тяжкие преступления и т.п. (лат.).

10

Площадь, рынок, место суда (лат.).

11

Рынок (лат.).

12

Первый среди равных (лат.).

13

Финикийские монеты датируются не ранее IV в. до н.э. Тир (Тсур, Тсор) основан на рубеже IV–III тысячелетий до н.э., Карфаген – в качестве колонии Тира – в 825 г. до н.э.

14

Вебер называет Иудею городом–государством ввиду особого значения в Иудее Иерусалима.

15

Род Клавдиев (лат.) – один из древнейших родов Древнего Рима.

16

Авимелех, Иеффай, Давид – возвысились как военачальники в результате военных побед, достигнув затем царской власти или власти судьи (Иеффай), I–III кн. Царств; Кн.Судей Израилевых, 8, 31–35; 9, 1–57; 11,1–40.

17

Али – четвертый халиф, зять и двоюродный брат Мухаммеда, основатель династии Алидов, впоследствии игравших заметную роль в истории стран ислама. Убит в 661 г. От названия «партии» его сторонников (ши'а Али) произошло название шиитов, отколовшихся от мусульман ортодоксального толка – суннитов (отпадение ши'а).

18

Шериф – почетное звание мусульман, ведущих свой род от Мухаммеда. Известны несколько династий шерифов, в частности Меккой с 960 г. правила династия шерифов.

19

Шафииты – мусульмане–сунниты, одна из четырех школ (мазхабов) в толковании

20

Династии наместников, превратившихся, по существу, в самостоятельных правителей. Тулуниды – 868–905 (Египет), Саффариды–867–908 (Восточный Иран).

21

Восстание Ника – крупное восстание, вспыхнувшее в 532 г. в Константинополе; связано с борьбой цирковых партий в Византии («голубые», «зеленые», «белые», «красные»); было жестоко подавлено императором Юстинианом (527–565).

22

Товар, предмет торга из наследственного имущества (пат.), мог быть предметом преторского иска при нарушении определенных условий.

23

«Хелианд» («Спаситель») – саксонская поэма первой половины IX в., наряду с религиозными мотивами (изложение Нового завета) содержит сведения о социальном строе и социальных идеалах. Хантгемаль – родовое владение (и знак, указывающий на принадлежность определенному роду).

24

Шеффены (скабины) – члены суда в германском праве, принимающие участие в вынесении приговора (VIII–XVI вв); в зависимости от периода избирались или назначались.

25

Пританы (правители) – избираемые члены Совета 500 (Булэ; до реформы Клисфена – Совет 400), ведущие поочередно каждую 10-ю часть года текущие дела Совета. Здание, в котором они заседали, называлось Пританеум (в нем же они обедали за государственный счет; на обед в пританей приглашали также за особые заслуги перед Афинским государством, и это было большой честью).

26

Привилегии, вольности (обычно оформлялись путем предоставления городских хартий).

27

Эдуард I (1272–1307) –английский король.

28

Сообщество горожан (городская община) (лат.).

29

По германскому (франкскому) праву каждый свободный человек имел право и обязанность участвовать в судебном процессе.

30

Мудрые (лат.).

31

лучшие граждане (лат.) – верхний слой городского населения.

32

Салическая династия германских императоров (иначе называемая Франконской) – 1024–1125 (Конрад II, Генрих III, Генрих IV, Генрих V).

33

Тора – священная книга иудаизма, Пятикнижие (первые пять книг Библии – Бытие, Исход, Левит, Числа, Второзаконие) – составление завершено в конце V в. до н.э.

34

Церингеры – знатный род в Южной Германии. Бертольд III, о котором идет речь, принадлежал к ветви герцогов Церингенских, властителей целого «государства» в Швабии. Фрейбург (в Брейсгау) был основан его братом Конрадом в 1120 г.; право Фрейбурга оказало большое влияние на развитие городского права в Германии. Бертольд III подтвердил данные городу привилегии.

35

Гегель, Карл (1813–1901), сын философа – немецкий историк, автор ряда трудов по истории городов Германии и Италии и публикаций городских хроник.

36

Банн – совокупность полномочий королевской власти в средние века как повелевающей и принуждающей силы; частично мог быть передан должностным лицам короля. По направленности воздействия банн разделялся на различные виды полномочий: военный, судебный, рыночный, охотничий, бурговый и т.п.; см. также с. 284, прим. 52.

37

Хлодвиг (481–511) – король франков из династии Меровингов, основатель Франкского государства. Сложность его отношений с войском рисует эпизод с суассонской чашей, изображенный Григорием Турским: в ответ на просьбу Хлодвига отдать ему драгоценную чашу в качестве его доли в военной добыче один из воинов разрубил ее мечом, крикнув, что король получит лишь то, что полагается ему по обычаю. Через год на военном смотре Хлодвиг раздробил этому воину голову – власть его с каждым годом укреплялась.

38

Народ (итал.); в действительности пополаны представляли собой имущие и влиятельные слои городского населения.

39

Савонарола, Джироламо (1452–1498) – доминиканский монах, знаменитый проповедник, стремившийся к реформам государственного устройства Флоренции и исправлению нравов. Казнен как еретик.

40

Преимущественно, главным образом (лат.).

41

Защитники (лат). В Древнем Риме с IV в. императорские должностные лица, защищающие интересы бедных граждан против потентатов, т.е. богатых и влиятельных лиц; имели и иные функции (судьи, нотариусы и т.д.).

42

Право частной церкви – право светских лиц (королей, крупных феодалов) основывать и приобретать церкви и монастыри и пользоваться их владениями и доходами. Известно во Франкском государстве с эпохи Меровингов, признано официально церковью при Карле Великом (768–814).

43

Вальдрада (Qualdrade) – принцесса немецкого происхождения, дочь Гуго, маркиза Тосканы.

44

Из знатного рода Кандиано происходили 5 дождей Венеции (IX–X в.). Пьетро IV Кандиано, женатый на Вальдраде, был убит во время народных волнений в 976 г. Последним дожем из рода Кандиано был его брат Витале, умерший в 979 г.

45

См. прим.29.

46

о. Риальто – исторический центр Венеции и ее первоначальное название, местопребывание властей.

47

Избирательные капитуляции в Венеции – установление нового порядка избрания дожа во изменение конституции Венеции, ограничившего его власть в пользу олигархии (XIII в.).

48

Хрисовулы – золотопечатные дарственные (жалованные) грамоты византийских императоров.

49

Алексей I Комнин (1081–1118); в 1082 г. за военную помощь пожаловал Венеции существенные торговые привилегии.

50

Эргастерии – ремесленные мастерские в Древней Греции, Древнем Риме и Византии, преимущественно с использованием рабского труда.

51

Латинская империя (1204–1261) – образовалась в результате победы над Византией крестоносцев (IV крестовый поход). Приобретения венецианцев были столь велики, что Венецию стали называть «госпожой четвертой части и половины» (т.е. трех восьмых) Латинской империи (Константинополя, множества островов в Эгейском море и о. Крит).

52

Заседания (в том числе судебные) (лат.).

53

Венеция в ранний период своей истории именовалась герцогством (дукатом); от титула герцога (дукса) происходит и титул главы Венецианской республики – дож (избирался с 697 г.).

54

Имеется в виду заговор Байамонте Тьеполо в 1310 г.; для следствия по нему и был создан Совет Десяти, целью которого была охрана безопасности государства.

55

Репетундный процесс в Древнем Риме возбуждался в случаях вымогательства (взяток) должностными лицами с населения провинций или городов. Виновные карались присуждением к возврату взятых денег (от простого до 4-кратного возмещения) или изгнанием и запрещением занимать магистратуры.

56

Борьба за инвеституру велась между Германской империей и папством за влияние и доходы, получаемые при назначении и возведении в духовный сан высших духовных сановников (епископов, аббатов и т.п.); разгорелась и достигла своей кульминации в XI в. при императоре Генрихе IV (1056–1106) и папе Григории VII (1073–1085), завершилась компромиссным Вормским конкордатом (1122), фактически продолжалась еще длительное время. См. также с. 298 ел., прим. 217.

57

Гвельфы (от рода Вельфов) и гибеллины (от названия замка Штауфе-нов Вейблинг) – партии противников и сторонников Германской империи в городах Италии. Борьба приняла особенно жестокие формы при императоре Фридрихе Барбароссе, который до основания разрушил Милан (1162), но затем потерпел сокрушительное поражение от Ломбардской лиги итальянских городов при Леньяно (1176). См. также прим. 145, с. 293.

58

Штауфены, Гогенштауфены – династия германских императоров (1138–1268: Конрад III, Фридрих I Барбаросса, Генрих VI, Фридрих II, Конрад IV, Конрадин); фактически утратила свое значение в 1254.

59

Одержав победу при Гастингсе в 1066 г., норманнский герцог Вильгельм Завоеватель стал королем Англии (1066–1087).

60

Управляющий, здесь – глава магистрата города (англ, от англосаксонского

portgerefa).

61

Стефан Блуаский, король Англии (1135–1154).

62

Суд присяжных (англ.).

63

Тюдоры – династия английских королей (1485–1603: Генрих VII, Генрих VIII, Эдуард VI, Мария Кровавая, Елизавета I).

64

Дарование права покупать и продавать (лат.).

65

Медиатизированные города – в Германии города, подчиненные князьям и другим крупным властителям и лишь через их посредство – императору.

66

Иоанн Безземельный, английский король (1199–1216); при нем в результате ожесточенной борьбы была принята Великая хартия вольностей (1215).

67

Должностные лица города, принесшие клятву (лат.); см. также прим. 24.

68

Суеверие, страх перед богами (греч.); ср. М. Вебер. Социология религии с. 86.

69

Самниум – область Средней Италии; I самнитская война в 343–341 гг. до н.э., II – 326–304 гг., III – 298–290 гг. до н.э.; в 82 г. до н.э. племя самнитов было уничтожено Суллой.

70

Слово «курия» (совокупность родов) равнозначно обозначению сообщества мужчин (лат.).

71

Амфикиония – союз религиозного характера (самый крупный – амфикиония при храме Аполлона в Дельфах); существовали и как союзы нескольких полисов, влияние которых выходило за рамки религиозных союзов и приобретало политический характер.

72

Мундманны, мунтманны – в германском праве люди, находящиеся под мундиумом (одновременно защитой и зависимостью) богатого и знатного патрона.

73

Деление древних германцев на «сотни» (определение условное и в смысле численности весьма колеблющееся) было обусловлено необходимостью отправлять в походы определенное число вооруженных воинов; деление на сотни и в дальнейшем развитии германских племен сохраняло свое значение и уже во Франкском государстве оказало большое влияние, в частности, на судебное устройство.

74

В Древнем Риме экстраординарный магистрат, назначавшийся в случае необходимости в периоды между смертью, или окончанием полномочий, или отстранением предыдущего магистрата и избранием нового (прежде всего консулов). Аккламация – право устного одобрения (путем возгласов) действий магистратов.

75

Лелантская война (VIII в. до н.э.) велась из-за Лелантской равнины городами Халкидой и Эретрией (о. Эвбея), завершилась победой Халкиды. Поддержка воюющих городов разными группировками греческих городов придала борьбе общегреческий характер.

76

Города перизков – покоренные спартанцами приморские и пограничные города Лаконии. Перизки сохраняли личную свободу, но политическими правами не пользовались. Браки перизков со спартанцами были запрещены. Гармосты – должностные лица в Спарте, управляющие зависимыми городами перизков.

77

Материк (итал.), здесь – зависимые от Венеции владения.

78

«Новые земли» – поселения и города, возникшие в процессе колонизации в Германии, особенно широко развернувшейся начиная с XII в. в Заэльбье.

79

Праздные, неработающие (итал.).

80

Эдуард II (1307–1327) – король Англии.

81

Эдуард III (1327–1377) – король Англии.

82

Ткачи холста для нужд войска (староангл.); купцы–ткачи (англ.).

83

Цех Калимала (итал.) – один из старших цехов Флоренции, игравший важную

Город. Макс Вебер filosoff.org
роль в ее политической жизни, именовался по названию улицы.

84

«К злату проклятая страсть» (лат.) – Вергилий. Энеида III, 57.

85

«Установления правосудия» (итал.).

86

«Новый человек» (лат.) – в Древнем Риме человек незнатного происхождения, стремившийся стать магистратом и занять высокое положение в обществе.

87

«Они упраздняли (отменяли) все статуты, и их решение понималось всегда как последнее и окончательное» (лат.).

88

Капитаннарода и коммуны; младший коллега (лат.).

89

Медичи, династия во Флоренции (род известен с конца XIII до XVIII в.) – Сильвестро, Козимо, Лоренцо Великолепный, Пьеро, Джованни, Лоренцо II, Алессандро, Козимо II, Франческо, Фердинанд I, Фердинанд II, Козимо III, Джованни Гастон).

90

Подеста купцов (итал. – лат.)

91

Неприкосновенный (лат.) – неприкосновенностью были защищены в Древнем Риме трибуны.

92

Речь идет о последней сецессии (уходе) плебеев и принятом в результате этого ухода законе Гортензия от 287 г. до н.э., завершившем борьбу плебеев с патрициями; по этому закону решения плебисцитов (собраний плебеев) стали обязательными не только для плебеев, но и для патрициев.

93

I Мессенская война (743–724 гг. до н.э.) – война Спарты с Мессе-нией (юго-запад Пелопоннеса), в которой Спарта одержала победу.

94

Эсимнеты (айсимнеты) – см. прим. 65, с. 285.

95

Экклесия – в Древней Греции народное собрание. Позднее в Римской империи

Город. Макс Вебер filosoff.org
после признания христианства так стала называться христианская церковь
(церковная община).

96

Иуда Маккавей – возглавил иудейское восстание против сирийского царя Антиоха IV Эпифана, сражался 7 лет, одержав несколько побед, был убит в 160 г. до н.э. в сражении. Принадлежал к династии первосвященников и правителей Иудеи (династия Маккавеев или Хасмонеев).

97

Господство, власть; по свободному волеизъявлению (лат.).

98

Стюарты, династия английских королей с 1603 по 1688 г. (ранее королевский род в Шотландии) – Яков I, Карл I, Карл II, Яков II. Дом Стюартов пресекся в 1807 г.

99

Здесь: влиятельные круги (англ.).

100

«На каком основании» (вульг. лат.) – полное название начинается словами: «Судебные расследования, на каком основании...» феодальные собственники пользовались иммунитетными правами. Подобные расследования короли Англии стали производить с 1278 г. на основании Глостерского статута в достаточно широком объеме; предпринимались такие расследования и позже. В более широком понимании – расследование, в частности, и основания городских привилегий.

101

Тайный совет (англ.), возник при королях Англии в XIV в., особое влияние приобрел при Тюдорах.

102

Ввозные пошлины (франц.).

103

Диссентеры, инакомыслящие (англ.) – лица, не признающие восстановленного после реставрации Стюартов главенства англиканской церкви и ее догматы; в силу Тест-акта (1673) католики были лишены права занимать государственные должности.

104

Светские братья – светские лица, входящие в церковную общину и практикующие духовные упражнения (нем.); были особенно распространены в городах позднего средневековья; институт светских братьев способствовал формированию церковных приходов.

105

Вакуфы (вакфы) – в странах ислама неотчуждаемые земельные владения, преимущественно церковные.

106

Фогты – в средние века должностные лица церковных вотчин (сеньорий), осуществлявших в пределах этих вотчин принудительную и судебную власть, обычно светские землевладельцы, располагавшие военной силой. В церковных вотчинах, возникших на праве «частной Церкви» (см. прим. 42), фогты обычно происходили из рода основателя церкви (монастыря) и рассматривали свою должность, сопряженную с возможностью извлекать крупные доходы, как наследственную.

107

Центурия ремесленников (лат.), прежде всего кузнецов.

108

Эпоним – старший из 9 архонтов в Афинах, по его имени назывался год (в эпонимиях).

109

Литургические союзы – объединения для уплаты литургий – государственных повинностей в Древней Греции и Древнем Риме, а также в средние века. Среди литургий важное место занимала обязанность поставлять государству (или оплачивать их строительство) боевые корабли (так наз. триерархия).

110

Децемвиры – десять мужей (лат.) – в Древнем Риме название коллегий, состоявших из десяти должностных лиц (для судебных разбирательств, жертвоприношений и т.п.). Период децемвиров – период составления Законов XII таблиц (V в. до н.э.); вскоре за злоупотребления властью децемвиры были изгнаны.

111

Тимократия – государственное или общественное устройство, основанное на имущественном цензе, определяющем правомочность граждан занимать должности и т.п., – в противоположность принципу, основанному на происхождении, родовитости.

112

Битва при Коронее (447 г. до н.э.), в которой афиняне потерпели поражение от беотийцев. Автономия городов Беотии была восстановлена.

113

Доверие, вера (лат.) – верность данному слову, выполнению своих обязательств; это понятие играло важную роль в римском праве.

114

См. прим. 72.

115

Законный брак (лат.).

116

Институт антидосиса заключался в праве афинского гражданина, считавшего, что выполнение общественных и государственных обязанностей (в частности, литургий), связанное с расходами, превышает его имущественные возможности, обратиться в суд с требованием оценить его состояние и снизить ему повинности (возник в IV в. до н.э.).

117

Валленштейн (Вальдштейн), Альбрехт (1583–1634) – полководец, прославился в ряде сражений Тридцатилетней войны, отличался непомерным честолюбием, ставил условия императору. Был убит в результате заговора своих же офицеров. Широко применял наемные войска, которые содержал за счет жестоких реквизиций с мирного населения.

118

Нумантинская война (138–133 гг. до н.э.) – война римлян с племенем кельтов в Испании, в результате которой г. Нуманция был разрушен Сципионом Младшим.

119

Отчуждение мысли, безумие (лат.).

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!